

Библиотека
Всемирного клуба петербуржцев

Библиотечная серия
«Без границ»
издательства Союза писателей Санкт-Петербурга

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

МОНРЕАЛЬ — ХЕЛЬСИНКИ

10/2017

Хельсинки — Санкт-Петербург
2017

Работа международной творческой группы «Тайвас»
и проекта «Под небом единым» осуществляется при поддержке:

Посольства России в Финляндии;
Союза писателей Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург);
Всемирного клуба петербуржцев (Санкт-Петербург);
Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга.

Руководитель проекта «Под небом единым»
Елена Лапина-Балк

Учредители альманаха — *Елена Лапина-Балк*, *Александр Житинский*
Шеф-редактор — *Елена Лапина-Балк*
Выпускающий редактор — *Даниил Чкония*
Соредакторы альманаха — *Валерий Попов, Сергей Арно*

Редакционный совет альманаха «Под небом единым» № 10, 2017:

Даниил Чкония (Германия),
Александр Немировский (США),
Наталья Крофтс (Австралия, Сидней),
Лютель Эдер (Израиль, Ашкелон),
Елена Лапина-Балк (Финляндия, Эспоо),
Аннели Ойяла (Финляндия).

Наш адрес:
pod-nebom-edinyum@yandex.ru
Наш сайт:
www.pod-nebom-edinyum.ru

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

ISBN 978-5-4311-0158-8
ISSN 2500-2554

© Авторы, тексты, 2017
© Kustantaja «Taivas» Helsinki, 2017
© Издательство «Союз писателей
Петербурга», оформление, 2017
© Маркина О., обложка, 2017

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами десятый — юбилейный — номер альманаха. Можно оглянуться на пройденный путь, подвести некоторые итоги, осмыслить историю нашего издания, с благодарностью вспомнить тех, кто поддерживал нас в этой работе. Первые пять номеров вышли в свет благодаря участию в издании альманаха издательства «Геликон Плюс», В последующие годы нас поддерживало издательство Союза писателей Санкт-Петербурга.

Мы не ограничились изданием этих десяти выпусков. В 2013 году вышла в свет антология «Поэзия женщин мира». Затем последовали три книги лауреатов основанной нами и привлёкшей внимание литературного сообщества премии В. Сирина (Набокова): Игоря Белкина (Эстония). Даниила Чкония (Германия), Бахыта Кенжеева (Канада). Премия и дальше будет присуждаться одному из авторов нашего издания. Альманах расширяет свои творческие горизонты благодаря участию авторов и членов редколлегии в различных мероприятиях международного значения. Так, в апреле 2016 года авторы альманаха принимали участие в Днях русской культуры в Хаага Хели Институте (Порво, Финляндия). В октябре 2016 года в Дни русской культуры в Греции альманах «Под небом единым» был представлен в Союзе писателей Греции (Афины). В ноябре 2016 года прошла презентация девятого выпуска альманаха «Под небом единым» в Риме. В наших планах — и другие литературные встречи, расширяющие круг общения с авторами и коллегами разных стран. Ведь мы публиковали и продолжаем публиковать русских поэтов и прозаиков со всех континентов.

Мы не стали нынешний номер создавать как антологический сборник. В нём вы прочитаете и тех авторов, кто уже неоднократно у нас публиковался, и тех, кого мы предлагаем вашему вниманию впервые. Надеемся, многие из наших авторов порадуют вас своими произведениями.

*Шеф-редактор альманаха
Елена Лапина-Балк*

Наталья Крофтс

Родилась в г. Херсоне, окончила МГУ им. М.В. Ломоносова и Оксфордский университет. Живёт в Австралии. Автор двух поэтических сборников и многочисленных публикаций в русскоязычной периодике (в журналах «Нева», «Юность», «Работница»). Стихи на английском языке опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях.

КРАЙ

Край света. Свято ты веришь в это — кругом раздрай,
грубит народец, погрязший в дрязгах, сварливей Грай.
Но даже если ты вдруг пролез бы в цветущий рай,
где чужды лица — хоть рой землицу, хоть помирай —
недолго спиться, упасть на спицу в таком раю.
Край света. Свита твоя верёвка. Ты — на краю.
А в центре мира — тепло камина, огонь свечи,
живёшь без грима, и беды — мимо, и кот мурчит.
Там — рук сплетенье, там свет и тени живут в ладу.
Край света — это где нас не любят. Где нас не ждут.

ВТОРОЙ КОВЧЕГ

По паре — каждой твари. А мою,
мою-то пару — да к другому Ною
погнали на ковчег. И я здесь ною,
визжу, да вою, да крылами бью...
Ведь как же так?! Смотрите — всех по паре,
милуются вокруг другие твари,
а я гляжу — нелепо, как в кошмаре —
на пристани, у пирса, на краю
стоит она. Одна. И пароход
штурмует разномастнейший народ —

вокруг толпятся звери, птицы, люди.
...Мы верили, что выживем, что будем
бродить в лугах, не знающих косы,
гулять у моря, что родится сын...
Но вот меня — сюда, её — туда.
Потоп. Спасайтесь, звери, — кто как может.
Вода. Кругом вода. И сушу гложет
с ума сошедший ливень. Мы — орда,
бегущая, дрожащая и злая.
Я ничего не слышу из-за лая,
мычанья, рёва, ора, стопа, воя...
Я вижу обезумевшего Ноя —
он рвёт швартовы: прочь, скорее прочь!
Второй ковчег заглатывает ночь,
и выживем ли, встретимся когда-то?
Я ей кричу — но жуткие раскаты
чудовищного грома глушат звук.
Она не слышит. Я её зову —
не слышит. Я зову — она не слышит!
А воды поднимаются всё выше...
Надежды голос тонок. Слишком тонок.
И волны почерневшие со стоном
накрыли и Олимп, и Геликон...
На палубе, свернувшись, как котёнок,
дрожит дракон. Потерянный дракон.

* * *

Отраженье гор на воде — впритык
к отраженью туч. Ухожу за край.
Погоди. Остаться бы. Я привык
говорить себе: «Поиграй».
Ты играй, не бойся, что будет час,
леденящий миг на краю зари —
незнакомый голос прошепчет: «Раз...»
Ближе: «Два»... И потом —
«Замри».
Я замру. Надолго. На сотни лет.
Покачнётся небо, прольёт кагор.
Остаются — вечность. Мой хрупкий след.
Отраженье туч. Отраженье гор.

Алина Талыбова

Поэт, переводчик, журналист. Редактор отдела поэзии в журнале «Литературный Азербайджан». Автор нескольких сборников стихов и переводов (с английского и азербайджанского). Лауреат и финалист нескольких международных фестивалей поэзии. Публикации в России, Германии, США, Израиле, Словакии, Грузии, Украине, Узбекистане и т. д.

ПОСТ-ШАГАЛОВСКОЕ

(Из цикла «Долгое прощание»)

Который год, который век подряд
Над городом влюблённые парят.
А я сама была той вечной Беллой —
В каштановых кудрях и с узким телом.
И я была, как воск, в твоих руках,
В клубившихся над нами облаках.
Припавши головой к груди твоей,
В измятом платье цвета всех морей.
И я роняла туфельку с ноги
На чьи-то океаны и пески,
Манжетой зацепив за Нотр-Дам,
Пролётных птиц зовя по именам...
Наш Витебск сложен, пышен и богат:
Он снова громоздит — за рядом ряд —
Лачуги из бетона и стекла.
В одной из них я, помнится, жила
За прутьями своих сплетённых строк.
Меня хранил надёжно потолок
От глупости полётов — и дождя.
Я счастлива была тогда, летя,
Вдыхая ветер, пахнувший тобой,
И бархат блузы чувствуя щекой.
Я знаю: ты напишешь в свой черёд
Сухою кистью встречный город тот.
Банк и отель, бордель и стадион...
Дневной азан или вечерний звон,

Минхá иль месса — вряд ли различишь.
В круговороте следствий и причин
Я медленно седею на лету,
Вкруг сердца осязая пустоту.
Наш Витебск прожит, выжат и в прокат
Сдаётся — всем желающим подряд.
Но фреска да хранит парящих нас...
Прошу: живя хотя б ещё сто раз,
Женясь, плодясь и пополняя счёт,
И беспокоясь глории насчёт,
Нравоуча детей, грубя врачу, —
Не отдавай забвенью-палачу
Ты бедной Беллы смутные черты...
Но знаю я:
меня уронишь ты.

БИШКЕКСКИЕ МОТИВЫ

(из цикла «Бывшие»)

I

...Империя — осколками. Снега.
С трудом я различаю берега
Ушедшей эры. Ледяной музей,
Хранительницы остов. Из костей
Архара прорастает космодром
(Во что, признаться, верится с трудом,
Но факт есть факт...).
На смутном полотне
Она шагнула вновь навстречу мне —
Чуйковская рабфаковка. Кумач
Косыночки от солнца хрупок.
Вскачь
Припустит время, только лишь века
Свистят в ушах...
Европа далека.
Но близок Бог — особенно в степи,
Где звёзды вбиты в небо, как колки
Для струн кобузных. У одной из юрт
Волнуется впотьмах соседей гурт.
Спаситель новорожденный у коз
Находит вымя — смугл и раскос,
И дремлет у барана на груди.
Тысячелетья снега впереди.

И Млечный Путь змеится, как коса
Киргизки — серебро и бирюза.
Лишь раз за вечность —
бегло, не всерьёз —
Мелькнёт над миром
солнца лисий хвост...

II

...Ах, как пьётся на травах чай!
Кыргызчаночка, не скучай!
Даже, если любви всё нет,
А в кафешкины окна снег,
Что пришёл из сырой степи,
Чтобы вылепить здесь свои
Арки, парки, мосты, дворы...
Воздух с привкусом шаурмы.
Мир, затерянный между лап
Крупных хищников.
Кабала,
Нано, мега — такая чушь!..
Машет крылышком Мулен Руж
Захолустный —
а начертá?..
Всё проиграно дочистá:
Газ и золото, хлеб, меха
И страна, что была «широка»...
Ах, журавлик бумажный мой,
Что ты плачешь над головой?..
Этнос водит такси и шьёт
По обрывкам заморских мод
(Но сопит Китай в темноте —
У него контрафакт крутей.).
А батыры-то все в Москве,
А киргизочка здесь, в тоске.
Светит в сумрак лицо её
Нежным ракушкиным нутром.
Льётся музыка по плечам,
Рядом требуют коньячка.
Остывает на столике чай.
Не скучай —
разливай —
прощай...

Елена Крикливец

Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей России. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры литературы Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Лауреат VII Международного Пушкинского конкурса (2007, Россия), международных литературных конкурсов «Северная Аврора» (2012, Россия), «Мир без войны и насилия» (2013, Польша), «Литературная Вена» (2013), «Арфа Давида» (2015, 2016, Израиль), «Эмигрантская лира» (2015, Бельгия), «Грузинская весна» (2016). Книги стихов: «На грани света» (Минск, 2008); «За строкой» (Санкт-Петербург, 2015).

* * *

Посмотри, как дрожит этот лист на берёзовой ветке.
Полпути до зимы нам отмерят вот-вот Покрова.
Прорастает тоска, словно детство из песен советских,
и сбиваются в стаи бескрылые прежде слова.
Улетают к теплу облака, журавли, паутина —
неизбежный исход накануне больших холодов.
Пусть для всех моисеев найдется своя палестина.
Нам достанет юдоли и вне гефсиманских садов.
Журавлиное эхо в озябшие заводи канет...
Проплывут над рекой непрожитых столетий клубы,
там, где Пушкинский мост обречённо бряцает замками
и рискует прогнуться под тяжестью чьей-то судьбы.
Посмотри: этот город из ветра и времени соткан.
Нам подсыпала осень в карманы звенящих деньжат.
Обнажённая ветка скребётся в закрытые окна.
Я держу тебя за руку крепче, чем можно держать.

* * *

Поутру на попутке собравшись отчалить,
уложив беспокойную память в суму,
ты смотрел через розовый дым иван-чая:
не дымится ли печка в знакомом дому?
И шептала криница тебе в изголовье,
между явью и сном размывая мосты,
что не скажется гость в опустевшем гнездовье,
не нарушит суровой его немоты,
чугунок не поправит тяжёлым ухватом,
прохуdivшийся невод не сядет плести,
не заглянет в глаза покосившейся хаты,
возвратясь из обжитых своих палестин.
...Может быть, не об этом журчала криница,
но печаль, как травинку, сминая в горсти,
ты сегодня зашёл по-соседски проститься —
и молчишь покаянно, не в силах уйти.

* * *

Скрипел сквозняк несмазанною дверью.
Девичья юбка сделалась узка...
И трепетное что-то в подреберье
сжимала безотчётная тоска,
выдавливала совесть без остатка,
на бересте крутила писем вязь...
И осень, словно пьяная солдатка,
чужого мужа в гости заждалась.
И выпал снег... Не к своему порогу
его звезда сегодня привела.
Качалась в небе сонная пирога.
Стучалась в окна глупая ветла...
А поутру кричали заполошно
сороки, разнося шальную весть.
Брела старуха в стоптанных калошах,
шептала: «хлеб насущный», «даждь» и «днесь».
Разветрилось. По лужам зарябило.
Ослушникам досталось поделом.
И густо покрасневшая рябина
прикрыла ноги ветхим подолом.

* * *

Созревшим боком хвастает луна.
Там, за забором, сторож неприветлив...
Но вдруг рука потянется сама
к отяжелевшей яблонево́й ветви...
Никто в доме огня не зажигал,
не ждал гостей с ночного полустанка.
И не видать смурного мужика
с пристрелянной отцовско́ю берданкой.
Наверно, он сегодня запоздал:
в чужом саду искал хмельного счастья.
Трепещет в небе сонная звезда,
готовая сорваться в одночасье.
Застынет сердце мухой в янтаре,
и вскрикнет потревоженная птица,
когда она по сморщенной коре
серебряной дорожкой прозмеится.
Луна расплавит в озере сурьму,
и я тебе, от страха обмирая,
антоновку в ладонях протяну —
и нас хозяин выгонит из рая.

Анастасия Андреева

Родилась в 1973 году в Ленинграде. Образование высшее экономическое. Первый заместитель главного редактора литературно-публицистического журнала «Эмигрантская лира». Живёт в Брюсселе и Санкт-Петербурге. Автор стихотворных книг и многочисленных журнальных публикаций.

* * *

глухонемой Клаве стукнуло бы девяносто в этом году,
если бы избу её вместе с ней не сожгли какие-то звери.
она была ещё крепкая бабка и упрямая на свою беду,
не хотела дом продавать, никаким уговорам не верила —
собиралась прожить, и прожила бы больше, лет до ста.
помню, как она — высокая, худая, в сермяжном до пола платье —
колола дрова: только щепки летели да береста —
руки машут, как крылья, голову повернет, кивнет: здарсьте, мол,
здарсьте.

совсем одна жила, в доме напротив нашей летней дачи.
какая-то дикая была у неё судьба, как бывает в тех
краях, но об этом редко кто говорит, ещё меньше плачет —
пропадают слёзы, когда жизнь состоит из одних прорех.
помню, как Клава кричала на залезших в сад озорников,
крик этот был без слов и оттого особенно страшен,
выгоняла их, запирала калитку на двойной засов,
но как широко она улыбалась всякий раз нашим
детям — тогда её каменное, как у индейца, лицо
озарялось, и она издавала лишь младенцам понятные звуки,
и скатывалось, не разбившись, с крыльца золотое яйцо,
и не догадывался никто о надвигающейся на неё муке.
хотя, может, и не было мук и, может, просто во сне
умерла, уснула, проснулась на какой-нибудь заоблачной вилле,
где вовеки веков будет счастливой — счастливой вдвойне...
но она бы и здесь была счастлива, если бы не убили...

* * *

Мощная телом и духом грозная, что твой громовержец,
Так же со страницы учебника из-под бровей взирающий,
Наша классная вещала про тех, кто народом был свержен,
Потом вопрошала: есть ли ответить урок желающие?
Но, обнаружив, что не тянется в космос ни одной руки,
Она изменила тактику, решив подобраться к нам с тыла,
Чтобы затрепетали и сдались без боя ученики
Четвёртого класса, она родителями нас устыдила:
— Хорошо, раз так — вам же хуже. Расскажите-ка мне, дети,
Где работают ваши мамы и папы? Начнём с первой парты.
— Моя мама врач, а папа профессор в университете.
— Моя мама физик, а папа составляет морские карты.
— А мои художники, а моя инженер, а мой судья.
— Моя мама уборщица, а папа рабочий на заводе.
Классная просияла:
— Ну наконец-то, умница моя!
Встань, пусть на тебя посмотрят — вот у кого нормальная семья!
(А вы, мол, только интеллигентные урод на уроде.)
И всем было до ужаса стыдно, потому что каждый хотел
Быть Мальчишом-Кибальчишом или Зоей Космодемьянской,
Но выходило, что с такой роднёй остаёшься ты не у дел —
И весь наш класс (лучшей в районе школы) заливался краской.
А потом с нашей классной случилась беда: её нерушимый мир
Вывернулся наизнанку — ничего больше не осталось, за что уцепиться,
Когда оказалось, все бывшие знамёна износились до дыр,
В одночасье она превратилась в растерянную старуху из школьной львицы.
Через двенадцать лет, когда она умирала, к ней пришёл первый муж,
Погибший на фронте под Курском, прижал её нежно к груди:
Ну чего ты боишься, не ори так, это обычная смерть, Валюш,
А тебе приснился кошмар. Но он уже позади. Позади.

* * *

Сашке

зима прогорклый свет деревьев штрих
дождями исцарапанные окна
день отмеряется от сих до сих
чужой рукой из грубой шерсти соткан
примерь его быть может подойдёт
и даже не захочешь расставаться
постель питьё и тщательный уход
и сдать через неделю кровь из пальца

в квартире тихо только стук часов
на кухне мама варит суп куриный
не надо в школу раз ты нездоров
хороший повод пострадать ангиной
хороший повод поболеть и мне
с тобой болтать полдня по телефону
о динозаврах о пиратах о луне
пока не позовут пить чай с лимоном
держись мой друг ты доживёшь до ста
до двадцати ты доживёшь уж точно
и зная что болезни неспроста
с седьмого этажа шагнёшь досрочно
шагнёшь меня оставив в пустоте
в моей душе создав зияющую бездну
и санитары как всегда по доброте
дадут мне — только — местный

Екатерина Горбовская

Родилась в Москве. Училась в Литинституте. Автор трёх поэтических сборников: «Первый бал» (1982), «Обещала речка берегу» (2003), «Утро вечера» (2013). Живёт в Лондоне. Публикации последних лет: «Знамя», «Новый мир», «Дети Ра», «Сибирские огни», «Иерусалимский журнал», «Вестник Европы», «Эмигрантская лира» (Лауреат 2015 года в номинации «Поэзия диаспоры»). Стихи включены в антологии «Московская муза 1799–1997», «Строфы века», «Русская поэзия. XX век» и др.

* * *

Конечно! Обидеть девушку может каждый,
А потом — извиниться, спустя лет тридцать.
Но слово, сказанное однажды (дважды!),
Будет вечно икать и просить напиться.
Это что-то вроде несчастного случая:
По тебе долбануло — а ты виноват.
Всё это, кажется, было у Тютчева —
Но я помню лишь музыку и видеоряд.
А слова — отдалённо, со дна колодца:
«Благодать как сочувствие нам не даётся...».
А по весне в открытое окно
Влетит такое маленькое «но».
Она проснётся — а оно в груди.
Он: «Что с тобою?» —
Взвизгнет: «Отойди!»
...Она начнёт глядеть издалека,
Она начнёт струиться, как река,
Закатывать глаза, цедить слова,
Снимать себе пылинки с рукава
И бегать на Центральный телеграф,
А он её убьёт и будет прав.

* * *

Ой, как плохо всё закончилось,
Ай, как пошло...
А ведь так всё хорошо начиналось,
Даже кошка — даже кошка, даже кошка! —
Вот чего, казалось бы, —
И та улыбалась.

* * *

Алёша, плачьте.
Громче, чтоб все слышали.
Чтоб все пришли и стали в хоровод.
И чтоб она пришла вослед
кормить вас вишнями,
любить и целовать в саднящий рот.
Алёша, не в количестве извилин...
Алёша, лучше топните ногой.
Алёша, не кричите, вы не филин,
Алёша, вы не Байрон, вы другой.
Алёша, ша! Не будет вам Смоленщины.
Вас даже не отыщут в списках пленных.
Такие равнобедренные женщины
выходят замуж только за военных.

Ульяна Шереметьева

Поэт, художник, выпускница Академии им. Строганова (Москва). С 1993 года живёт и работает в Потсдаме. Член Союза художников России, Германии и Международного художественного фонда. Автор многих журнальных публикаций и трёх поэтических сборников. Победитель, призёр и дипломант ряда международных поэтических конкурсов, проходивших в Германии, Бельгии и России. Участница выставок, арт-проектов и фестивалей, член жюри Международного конкурса «Сказка сегодня» и Всероссийского фестиваля художественного творчества «Ассамблея искусств».

* * *

Земного шара неземная ось,
Похоже, сдвинулась — и кто виновен?
А заодно — что нам не довелось
парить вдвоём над выдумкой часовен,
над замкнутым пространством бытия,
преодолев препоны притяженья...
Над горизонтом двое — ты и я, —
мы лишь коснулись головокруженья.
Перед глазами ночь и снегопад.
И странно сознавать, что послезавтра
войдёт апрель, внося иной уклад,
оставив капучино мне на завтрак.
Ну а сейчас я в рубище из снов
бреду одна по некой параллели
тем берегам, чьи плоскости основ
не из песка, да не слышать свирели...
Там ось не сдвинута, и вне чудес рассвет,
и сбой немислим в действии послушном.
там есть на всё заведомый ответ,
но мне там почему-то слишком душно.
Давай пройдем, прощения прося,
по мостику висячему над бездной,
земную ось в сознании неся
противовесом жизни бесполезной...

ПОКА СПЯТ ПТИЦЫ

диптих

1. Весеннее утро

Спят ещё птицы, но щебет в зобах
зреет под сводом апрельской тяги.
Вызрела строчка — до боли в зубах,
выдохнуть или доверить бумаге?
Может, не стоит стреножить строку
вязью кириллицы, статью петита?
Слух мой для строчки всегда начеку,
дверь для неё даже ночью открыта.
Пусть себе смайликом добрым летит
в поисках чуда, нирваны ли, пары...
Строчке свободной ничто не грозит:
ни ураган, ни шумиха пиара.
Так отчего ж я сейчас не дышу?
Выдохнуть строчку становится жалко...
Что ж, по привычке в тетрадь запишу —
так пузырьку доверяют фиалку...
Впрочем, не дам я зацахнуть строке —
не для того родилась она ранью,
ставши царапинкой жгучей Пирке
не на запястье, в моей же гортани...
И, дорожа этим жженьем строки,
кровь ускоряет движение в жилах...
Спят ещё птицы, но профиль строфы
вызрел, исполнившись внутренней силы.

2. Осенняя ночь

Спят уже птицы, их песни в зобах...
Выпито зелье из месяца фляги...
Строчки набухшей печать на губах;
выдохнешь — станет подобна бродяге,
эхом безродным забившись в дупло,
мелким дождём повисая на сучьях...
Может, так лучше — забыв про тепло,
выть на луну, тычась мордою сучьей
в ночь, темноту ощущая хребтом
и неприкаянность, а покаянье
будет оправдано только потом
весом строки вот и всё оправданье.

Тиканьем звёзд обозначена тишь,
суть её спрятана в древние руны...
Строчку опять про себя повторишь,
словно натянешь таинства струны.
Вето снимая с набухшей строки,
терпкость её доверяю тетради —
в мире brutальном бродить не с руки,
строчки рождаются истины ради...

Георгий Хруслов

Родился в Москве. В 1970 году окончил факультет английского языка МГПИ им. В.И. Ленина, в 1982–1984 годах преподавал русский язык в Японии (г. Осака).

Журналист (член Союза журналистов г. Москвы), переводчик (немецкий и английский языки), писатель (приключенческие рассказы). С 2010 года живёт в Берлине (ФРГ).

КАК СОБИРАЮТ РАКУШКИ

Директор курсов предложил в выходной день поехать с группой слушателей на взморье.

— Будете собирать ракушки («кай») или, иначе говоря, морские мидии. В японской кухне это деликатес.

— А вы сами поедете?

— Нет, у меня дела в городе. А вы поезжайте. От дирекции будет Нинагава-кун. Он вам всё объяснит.

Сбор ракушек на взморье заинтересовал меня. Со времени учёбы в институте я помнил английскую скороговорку:

«She sells sea-shells on the sea-shore, the shells she sells are the sea-shore shells, I'm sure» («Она продаёт морские ракушки на берегу моря; ракушки, которые она продаёт, — это морские ракушки, я уверен»).

Историки предполагают, что за местоимением «она» стояла реальная женщина по имени Мэри Аннинг, которая жила в первой половине XIX века и зарабатывала себе на пропитание, продавая ракушки, а также различные окаменелости геологам и туристам.

Ещё одна забавная скороговорка, в которой фигурирует моллюск: «Any noise annoys an oyster but a noisier noise annoys an oyster most» («Любой шум раздражает устрицу, но более шумный шум раздражает устрицу больше всего»).

В древности «раковинные деньги» (англ. shellmoney, нем. Muschelgeld) — раковины каури — служили домонетным платежным средством у коренных народов Африки, Америки, Азии, островов Тихого океана.

По-японски «собираение ракушек» можно передать двумя выражениями: «кайтори» («сбор ракушек» — буквальный, прямой смысл) и «сиоихигари» («охота во время отлива» — переносный смысл, подчёркивается элемент игры).

«Соединение ракушек» («кай-авасэ») — игра наподобие лото, принятая у японской аристократии в средние века. На одной половинке раковины изображалась первая часть рисунка или стихотворения, а на другой — вторая. Требовалось их совместить.

«Ракушка» и «раковина» — в русском языке синонимы: «ракушка» — скорее «небольшая раковина».

«Ракушками» называются также:

- женская причёска для длинных волос;
- одноместный гараж;
- макаронные изделия;
- военная техника (бронетранспортёр);
- автомобиль «Запорожец»;
- глупая, несообразительная девушка (молодёжный жаргон).

Пока я так размышлял, ко мне подошёл Нинагава, заместитель директора курсов. Два года назад он попал в аварию, когда ехал на мотоцикле, и с тех пор прихрамывал. Суд признал аварийный случай в пользу Нинагавы, и он получил изрядную страховку. Сейчас он готовился к сдаче квалификационного экзамена на право работать учителем в школе (одного диплома об окончании пединститута в Японии недостаточно — нужно ещё пройти испытание перед строгой районной комиссией по образованию, куда входят административные работники, учителя и родители).

— Сэнсэй, завтра встречаемся в восемь часов на Вашей станции. Отправление в 8:22 «обычным» поездом.

Пригородные поезда в Японии бывают «обычные» («фу:цу:»), которые идут со всеми остановками, «скорые» («кю:ко:»), которые делают остановки на узловых станциях, и «экспрессы» («токкю:»), которые идут без промежуточных остановок.

— Если опоздаете — садитесь на следующий «обычный» поезд. Доедете до... (называет станцию), это примерно минут сорок. Там мы Вас встретим.

Опаздывать я не собирался, да и негоже это учителю. Лучше прийти заранее. Только подумал: «Не получится ли с этими раковинами, как с рыбой?»

Я вспомнил недавнюю шумевшую историю, которая стала превращаться в анекдот с участием наших работников. Дело было так. Совпосольство добилось заключения выгодного контракта на поставку из Японии строительной техники.

Объём контракта был до тех пор небывалый, и после подписания всех необходимых документов глава японской фирмы-производителя пригласил группу советских специалистов, участвовавших в переговорах, на банкет в свою загородную виллу.

В середине банкета, который успешно развивался, фирмач неожиданно обратился к «русским» с вопросом, не хотят ли они поудить рыбу? И жестом показал на бассейн с карпами («кои») рядом с домом. «Старший»

группы, быстро оценив ситуацию, решил, что правил поведения советских граждан за границей они этим не нарушат, и дал согласие.

Японцы принесли удочки, сачки и пр. Рыбная ловля началась. «Русские» оказались заядлыми рыболовами. К тому же выяснилось, что карпов перед этим два дня не кормили, и они жадно хватали наживку. Словом, где-то часа через полтора бассейн был пуст. «Русские» предвкушали торжественное возвращение домой с уловом, вкусный обед.

И вдруг стали ловить на себе удивлённые взгляды японцев. Японский «старший» распорядитель подошёл к нашему «старшему», наклонился к его плечу и что-то прошептал. Оказалось, ловля карпов — занятие условное, своего рода забава. Поймав карпа, полагалось сохранить ему жизнь и через какое-то время выпустить его обратно в водоём.

То ли это было чьё-то обычное головоунытие (забыли предупредить «русских», хотя на японцев это было мало похоже), то ли чья-то последняя попытка сорвать сделку, но всё обошлось. Глава фирмы только улыбнулся — очевидно, варварским манерам своих партнёров. Кстати, всё рыболовное снаряжение было подарено гостям на память о знаменательной рыбной ловле.

А фольклор дипломатов обогатился песней «Дипломат». Слова, как говорится, народные:

А кто я есть? Я есть советский парень,
Простой советский дипломат,
Простой советский дипломат.
Пятьсот рублей у нас оклад.
А что я ем? А ем я осетрину —
Простую русскую еду,
Простую русскую еду,
Её ловлю в своем пруду.

...

К слову сказать, упомянутые пятьсот рублей в советские времена были немалыми деньгами. Это была ставка доктора наук, профессора, зав. кафедрой в вузе. «Просто» доктор наук, профессор получал четыреста, кандидат наук, доцент — триста рублей в месяц.

Но вернёмся к ракушкам. На всякий случай спрашиваю Нинагаву, что будем делать с ракушками. Тот отвечает: «Сварим и съедим». — «Есть ли какие-то ограничения, “квоты” на сбор?» — «Нет, в том месте, куда мы едем, нет. В других местах бывают лимиты — например, не больше одного килограмма ракушек на человека».

Я говорю Нинагаве, что есть примета: ракушки собирают в те месяцы, в названия которых входит буква «р», то есть это — сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель.

Нинагава кивает головой: да, ему знакома эта примета. Но с тех пор, как мидий стали разводить искусственно, на промысел, их «урожай» можно собирать почти круглый год.

Никто не опоздал — все пришли вовремя. Собралось семь человек, я восьмой: шестеро мужчин, две женщины. Сели в вагон, и поезд тронулся

в путь. За окнами вагона границы между населёнными пунктами нет — всё сливается в единый индустриальный пейзаж.

Доехали. От станции к бухте одного из многочисленных разветвлений Осаковского залива ведёт грунтовая дорога. Идти минут двадцать. На последнем отрезке — лестница, спускающаяся к берегу. Рядом два домика — небольшие гостиницы, одна европейская, другая японская (рёкан). Тут же в деревянном сарае — пункт проката инвентаря. Внизу — пирс, выходящий на мелководье. Песок на берегу, песок вперемежку с камнями на дне Японского моря.

Мужчины ставят палатку. Женщины налаживают переносную печурку с газовым баллоном, достают одноразовую посуду и съестные припасы. Переодеваемся в «спецодежду»: резиновые сапоги, куртка-ветровка, шорты. Часть её Нинагава берёт напрокат. Берёт также необходимый инвентарь — ведёрки, грабельки, сетки-садки, сачки, перчатки.

«Охота» началась. Примерно через час появляется навык, движения становятся автоматическими. Грабельками осторожно снимаешь верхний слой песка, ждёшь, пока он осядет, и смотришь, есть ли «добыча». Если есть, сачком подцепляешь раковину и отправляешь её в сетку-садок. Если нет, повторяешь попытку или перемещаешься в другое место.

Стоять по щиколотку — по колено в морской воде, хоть и в резиновых сапогах, холодно, но азарт перевешивает. Не успеваем заметить, как проходит два часа. Все с «добычей», некоторые собрали почти по ведёрку раковин — это до 100 штук.

Я говорю Нинагаве, как удачно получилось, что раковин в бухте хватило на всех. Нинагава совершенно серьёзно замечает, что удача здесь ни при чём, это — бизнес, и клиент всегда должен остаться доволен. Место для сбора раковин абонируется по заявкам. В назначенный день рано утром сюда из «мидийной фермы» приходит машина с контейнерами для моллюсков. Ракушки равномерно разбрасывают по морской акватории. Так было и в этот раз.

Я невольно вспомнил эту «заботу» о клиенте/посетителе/заказчике/госте/покупателе и т. п., когда через какое-то время очутился в Афинах, на экскурсии по Парфенону — памятнику античной архитектуры, древнегреческому храму на афинском Акрополе.

Экскурсанты набивали карманы пиджаков и дамские сумочки мелкими мраморными камушками, подобранными под ногами, как «сувенирами». Очевидно, они наивно полагали, что это часть разрушенной древней кладки. Между тем в целях сохранения «всемирного культурного наследия» эти камушки уже давно привозят грузовиками из мраморного карьера неподалёку и разбрасывают по Акрополю, чтобы отвести от него удар «собирателей древностей».

Настаёт время для главной части всего дня — кулинарной. При варке мидий как «побочный продукт» получается бульон с тонким вкусом, на его основе делается суп из мидий. Женщины готовы приступить к работе, а мы — им помогать, но неожиданно небо заволакивает тучами. Вот-вот начнётся сильный дождь. Наша палатка не рассчитана на восемь человек и всех не уместит.

Нинагава озабоченно смотрит на небо и подходит ко мне.

— Сэнсэй, до дождя мы не успеем дойти до станции. Надо что-то делать, если не хотим промокнуть до нитки.

Нинагава учился в Ленинграде, свободно говорит по-русски и особенно гордится знанием русской фразеологии.

— Предлагаю переночевать в гостинице, — продолжает он, а утром вернуться в город.

— Что ж, вам решать, как лучше, — говорю я.

— Какая гостиница вам больше подойдёт: европейская или японская? — спрашивает он.

— Конечно, японская.

— Но учтите: удобств там мало, и кроватей нет — спать придётся на полу.

— Всё равно надо посмотреть, как и что.

Мы наскоро собираем вещи и почти бежим в гостиницу. Едва успеваем переступить порог, как хлынул ливень. Перед входом переобуваемся, меняем ботинки на тапочки (ходить внутри в уличной обуви — грубое нарушение этикета). В комнатах же вообще ходят босиком.

Горничная — женщина средних лет, одетая в национальное платье-халат «кимono», — показывает отведённые нам комнаты, приносит матрасы («футон»), термос с зелёным чаем, лёгкую закуску. Показывает, где висят халаты («юката»), в которые можно переодеться и ходить по гостинице. Предлагает приготовить на кухне часть собранных нами мидий. Мы охотно соглашаемся.

До приезда в страну я много читал о Японии, и о её архитектуре в том числе. Поэтому сейчас я соотношу «книжные» слова с реальными предметами, которые они обозначают.

Комнаты поражают своим аскетизмом и минимализмом. Они почти пустые. Полы устланы соломенными циновками («татами»). Тапочки остаются за дверью. Между комнатами бамбуковые перегородки («сёдзи»).

В комнате низкий столик, за которым удобно есть сидя. На стене ниша («токонома»). В ней висит свиток с какой-то надписью. Прочитать я её не могу, так как она написана скорописью. Надо будет спросить Нинагаву, что она значит. Попеременно чередуя со свитком, в нишу ставят композицию из цветов («икебана»).

Заходит хозяйка, интересуется, всё ли в порядке, довольны ли гости. Спрашивает, в какое время подавать завтрак, когда планируем отъезд, сообщает расчётный час. Мы просим разрешения открыть сёдзи между комнатами и сдвинуть два столика так, чтобы мы могли сесть все вместе. Хозяйка разрешает.

Горничная «накрывает на стол». Приносит фарфоровые тарелки и два больших блюда с отваренными мидиями. От них идёт ароматный пар. В маленьких кастрюльках суп. Повар добавил в бульон дикие овощи и какие-то душистые травы и корни. Через горничную передаём для повара конверт со скромным вознаграждением за дополнительный труд. Такой же конверт получает горничная. Видно, что она рада.

С хозяйкой за ночёвку рассчитывается Нинагава. Я пытаюсь заплатить свою долю, но Нинагава делает жест отрицания — всё за счет прибыли курсов.

За окнами льёт как из ведра. Не «сливовый дождь» («байу»), когда в двух шагах от себя ничего не видно из-за потока воды, но очень похоже. А мы пируем. Хозяйка присылает к столу бутылку домашней сливовой настойки («умэсю»).

Завтра — подъём рано утром, возвращение домой, новый рабочий день, новая неделя.

Морская «охота» запомнится надолго.

Берлин
23.05.15

НЕМЫЕ ЛЮДИ ИЗ ВАЛЬЗЕРСКОЙ ДОЛИНЫ

«Для жизни необходимы миражи и галлюцинации...»

Н.И. Пирогов

«Способность к речи является сама собой понимающей для нас. Тем не менее некоторые люди по разным причинам лишены этого природного дара и должны опираться на другие коммуникативные возможности».

Krankheits Lexikon

Артур Шульце был педагогом и «свободным» (то есть «независимым», чем очень гордился) журналистом. Если его фамилию записывали как «Шульц», он вежливо поправлял: «Пожалуйста, пишите “Шульце”, с “е” на конце». К слову сказать, Шульц и Шульце были однокоренными фамилиями, имели одно значение («сельский староста», «управляющий») и отражали лишь местные разновидности произношения и письма.

Для Артура его фамилия была постоянной памятью об отце. Тот служил чиновником в экономическом отделе рейхсвера, но в 1933 году, после прихода нацистов к власти, сам подал в отставку. Во Второй мировой он не участвовал как инвалид Первой, но следил за событиями на Восточном фронте, интересовался русским языком и русской культурой и передал этот интерес сыну. От отца он унаследовал также личное бесстрашие и тягу к приключениям. Мать занималась воспитанием сына, и от неё он вынес основы знаний музыки, живописи, литературы.

Сдав положенный абитур и получив высшее образование, он начал зарабатывать на жизнь репортажами в газетах и чтением лекций гуманитарного цикла в университетах Южной Германии.

Как-то само собой получилось, что его постоянным местожительством стал уютный городок О* в Баварских Альпах на границе с Австрией — горнолыжный курорт и отличное место для работы, особенно когда наплыв лыжников спадал. У домовладельца Томаша, чеха по происхождению,

Артур арендовал флигель в две комнаты, в которых устроил кабинет и спальню. Нечего и говорить, что кабинет — его рабочее место — был оборудован новейшими средствами получения, хранения и передачи информации. На крыше дома была установлена спутниковая антенна. Артур регулярно обновлял свой блог в Интернете, а часть ранее опубликованных материалов выставлял в открытый доступ.

Со своей невестой, баваркой Маргаритой (вот где прячутся фаустовские Гретхен) он познакомился на выставке картин в Мюнхене. Молодая девушка, но уже хозяйка магазина кожаных изделий, на открытие которого ей дала деньги мать как «приданое». Отец Маргариты скончался несколько лет назад. Магазин торговал изящными красивыми вещицами (сумками, перчатками, ремешками), которые Гретхен частью делала сама (ручная работа), а частью скупала в окрестных деревнях для перепродажи. Они нарасхват раскупались в туристский сезон.

Молодые люди собирались осенью пожениться и отправиться в свадебное путешествие на Лазурный Берег Франции — в Ниццу. Тёща, урождённая Матильда Зайфельд, благоволила к Артуру, в спорах всегда брала его сторону, соглашалась на все его предложения, касающиеся дочери и её магазина, так как считала его «надёжным мужчиной».

Артур часто бывал в отлучках — по заданиям редакций ему приходилось много ездить как по самой Германии, так и за рубежом. Накануне Рождества он подписал с одним мюнхенским издательством договор на подготовку книги «О загадочном в повседневной жизни» («Auf dem mysteriösen im Alltag»). Издатель, не известный Артуру, сам разыскал его через Интернет и обратился с этой просьбой, чем немало порадовал журналиста, посчитавшего, что его имя становится всё более известным в немецкоговорящих странах.

Литературный агент издательства на встрече с Артуром просил основное внимание уделить «необъяснимым» для науки фактам и событиям. Артур должен показать, как неразрывно связаны между собой таинственное и обыденное. По предварительным прогнозам, такая книга должна вызвать интерес на книжном рынке.

Договорились, что Артур не будет касаться религиозных сюжетов (например, евангельских «чудес» о всевозможных исцелениях, сотворённых Иисусом). Будут сведены до минимума народные суеверия (вера русских в домовых, русалок, леших и т. п.).

Относятся ли к этой теме уходящие корнями в славянскую мифологию рассказы о ведьмовском шабаше в Вальпургиеву ночь — с 30 апреля на 1 мая на горе Брокен (Валун-горе) — на севере Германии, в горном массиве Гарц? Подобные дохристианские верования были широко распространены в Европе. В фольклоре восточных славян, например, главным местом (были и другие) ежегодного сборища ведьм считалась Лысая гора под Киевом, столицей Киевской Руси.

Артур вспомнил, какое впечатление произвела на него симфония русского композитора Модеста Мусоргского «Ночь на Лысой горе», которую он впервые услышал в России, в Ленинградской филармонии. Музыкальный язык симфонии поразил его своей выразительной силой, мощью и яркостью.

Исторические, социальные и культурные причины веры в то, что существуют женщины-колдуньи, исследованы учёными. Очевидно, эта тема подпадала под ограничения, установленные заказчиком.

Направляясь домой и внимательно всматриваясь в узкую заснеженную дорогу, Артур по привычке обдумывал план предстоящей работы. В голове мелькали даты, имена, факты.

Эпиграфом к этой книге Артур собирался взять слова Уильяма Шекспира из «Гамлета» (1601), ставшие крылатыми:

«Гораций, много в мире есть того,

Что вашей философии не снилось».

(«There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy».)

Ту же мысль выражали слова английского писателя Генри Райдера Хаггарда из приключенческого романа «Она» (1887):

«На земле, на небе, в море чудеса есть на просторе».

(«In earth and sky and sea strange things there be»).

Была одна тема, которая давно интересовала Артура и которая, казалось, «лежала» совсем рядом — далеко ходить не надо. Речь шла о народности вальзерцев (иначе вальзеров) в горных Альпах, давшей название Вальзерской долине.

По обе стороны долины лежат высокогорные альпийские луга, покрытые яркими цветами. Тут и там каменистые россыпи, обрывистые ущелья, заросшие деревьями и кустарниками. Внизу бегут ручьи и речки.

Вальзерцы отличаются от австрийцев, хотя компактно живут рядом с ними. Они говорят на «горном», или «альпийском» варианте немецкого языка.

В Альпах австрийцы традиционно работают в гостиницах и пансионатах, на горнолыжных сооружениях, занимаются хозяйством (держат домашний скот, выращивают зерно, овощи и пр.). Потомки вальзерцев — природождённые охотники, надёжные проводники в горах.

Местные жители рассказывают легенды о необыкновенных способностях этих людей. В дальней дороге они могли по нескольку дней обходиться без еды. Были отменными стрелками. Вальзерец со ста шагов попал из охотничьего карабина в медную монету.

Скорость их передвижения в горах была настолько высока, что казалось, будто они одновременно находятся в разных местах. Увидеть вальзерца наяву можно было только, если он сам не препятствовал этому. Те, кто пытался насильно удержать его, могли на время потерять зрение из-за внезапно возникшего яркого света, ослепляющего зевак.

Артур дал себе слово просмотреть опубликованные газетные материалы о вальзерцах, почитать (в который раз) «Легенды из Австрии» («Sagen aus Österreich», 1980) австрийской писательницы Кэте Рехайс (Käthe Recheis) — труд, сопоставимый со сборником сказок, собранных в немецких землях и литературно обработанных братьями Якобом и Вильгельмом Гриммами. Нужно также поискать информацию в Интернете на сайтах австрийской истории, филологии, этнографии — вдруг какая-нибудь крошечная заметка послужит катализатором.

Пора было оставить мысли о работе и переключиться на другую волну. Маргарита и её мать ждали его на ужин. Были также приглашены несколько человек из городского «высшего общества». Артур удивился, когда по улице со стороны Австрии проехала то ли повозка, то ли телега. Кому это пришла в голову такая мысль — заниматься перевозками в сочельник?

Сейчас за поворотом он это узнает, дальше его дом — и тупик. Странно, но все ворота были закрыты. Артур пожал плечами, загнал машину в гараж и пошёл в свой флигель. Новый сюрприз: на широкой лавке в прихожей сидело три человека — мужчина, женщина и девушка. Опять Томаш со своей многочисленной роднёй! Дело в том, что у Артура с Томашем существовала договорённость: в дни, когда в городе проводились большие ярмарки, Артур разрешал родственникам Томаша, привозившим на продажу товары из деревни, ночевать во флигеле, если уж всё равно сам Артур был в отъезде и флигель пустовал. За это Томаш снижал ему арендную плату (правда, совсем ненамного, считал Артур). Во всяком случае, раскладная кровать и запасной ключ у Томаша были. Основной ключ был только у Артура.

— Вас Томаш прислал? Ну, проходите в дом.

Он протянул женщине руку. Та не шелохнулась. Протянул руку девушке — с тем же результатом.

«Что за чудеса? Может, ждут команды своего господина и повелителя?» Артур взглянул на всю троицу внимательнее.

Похожи на крестьянскую семью — муж, жена и дочь. Мужчина носил длинный крестьянский тулуп и меховую шапку из волчьего меха. На женщинах были потёртые шубейки (лиса или барсук). Обе довольно миловидные. Странно выглядели лишь нанесённые на щёки белила и узкие полоски румян над верхней губой и по кромкам ушей.

«Прямо грим какой-то, — подумалось Артуру. — Откуда у простых вальзерских крестьянок такие замашки? Нахватались у туристок, да и то вряд ли». Впрочем, когда он проводил занятия в университете, Артур видывал и не такое.

Визит незнакомых людей, да ещё, судя по всему, с ночёвкой был абсолютно не ко времени и не к месту, так как Артур торопился к Маргарите. Но просто так уехать, не накормив их и не уложив спать, он не мог.

— Дорогие молодые женщины, помогите накрыть на стол! — обратился он к женщинам.

Никакого ответа. Мужчина также сидел, как «каменный гость» («wie der steinerne Gast»), «немой, как рыба» («stumm wie ein Fisch»), не проявляя никаких эмоций, никакого интереса к собравшимся. Происхождение слова «немец» на Руси связывали со словом «нѣмой», то есть не говорящий по-славянски, по-русски: в отличие от славян (ст. слав. «словене»), говорящих «словами». К Артуру, похоже, прибыли «немые» австрийцы с той стороны границы. Он почти прокричал, перефразируя известную поговорку «Насильно мил не будешь»:

— Можно сказать и так: насильно сыт не будешь. Тогда прошу занять спальные места.

Он наскоро распахнул своих «непрощенных гостей» по комнатам: девушку — в кабинет, мужа с женой (надеясь, что угадал) — в спальню. Схватил

пальто (на улице +6), показал, где оставить ключ (поймут ли?), и бегом в гараж. По дороге забежал к Томашу, спросил его о приезжих. Тот пожал плечами: он никого не присылал.

— Ладно, утром разберёмся!

Утром оказалось, что ключ лежит нетронутый на своём месте у дворника, на кроватях несмятые простыни.

Звонки мобильного. Это, конечно, Гретхен беспокоится, где Артур, почему не даёт о себе знать.

— Да, дорогая, скоро буду. Небольшое ЧП, — и он коротко рассказал своей девушке, что происходит.

— Та девушка хорошенькая?

— Дорогая, ты лучше.

— Я же не спрашиваю тебя, кто лучше, а кто хуже! Я спрашиваю, хорошенькая ли она.

— Особенно её украшают грим на лице, синяя кофта и красная юбка.

— А, так ты уже до юбки успел добраться, — дразнит Маргарита.

Маргарита — баварская девушка, пышущая здоровьем (как говорят и немцы — «Blut und Milch», и русские — «кровь с молоком»), к сексу относится здраво, не отказывает Артуру в близости до свадьбы, но и она не упустит случая подколоть его, спросив, чем это он занимается в своих бесконечных поездках. Артур же пытается объяснить ей, что ничем особым он не занимается — не отходит от компьютера и телефона.

Вечер удался. Была музыка, танцы, смех. «Почётными гостями» были заместитель мэра и начальник полиции, которого иначе как «шериф» никто не называет.

Пора на шутилой ноте сворачивать веселье: «Чем позже час, тем лучше гости» («Je später der Abend, desto schöner die Gäste»).

Всё может произойти за один день, а может растянуться на дни, недели, годы. С Артуром случилось первое: неприятности посыпались на него как из ведра в течение следующих суток.

От его дома до дома Маргариты пятнадцать минут на машине. Пешком — полчаса прогулочным шагом. Конечно, надо бы пройти это расстояние пешком, чтобы выветрился хмель, посвежела голова. Но Артур в своих журналистских разъездах по сути дела разучился ходить пешком. Впереди показалась полицейская машина. Надо же, ночное дежурство, и он так попал с алкоголем в крови! Обязательно привяжутся. Так оно и есть. Из машины просигналили остановиться. Остаётся один шанс: кто в патруле? Всё-таки он тоже не последний человек в городе. Но, кажется, ему невероятно повезло. За рулём Уилфред Бок или просто Уилли, обладатель почётного титула «Полицейский года». Артур Шульце готовил о нём свои журналистские материалы.

Уилли ещё со школьной скамьи мечтал работать в полиции. Блестяще сдав абитур, он также успешно окончил высшую полицейскую школу и хорошо зарекомендовал себя по службе. Сейчас его кандидатура рассматривалась на руководящую должность в одном из профильных ведомств: уголовной полиции или охраны общественного порядка.

Артур и Уилли заглушили двигатели и вышли на обочину. «Поболтаем минут десять, и поеду дальше», — решил Артур. Но Уилли как-то странно посмотрел на него.

— Арчи, ты хочешь сделать это здесь, в машине, или поедem в клинику?

— Сделать что?

— Пройти тест на алкоголь.

— Послушай, Уилли, я, конечно, виноват, но посмотри сам: на дороге ни души.

— Арчи, да я сам ничего понять не могу. Сегодня днём меня вызвал к себе шериф и приказал встретить тебя на этой развилке после полуночи и провести тест на алкоголь, а лучше даже отвезти на обследование в клинику.

— Боже правый! Мы же были с шерифом на одном вечере! Я только что с ним попрощался.

— Не нравится мне эта история, Арчи. Что-то за ней стоит не то. Шерифа вот-вот отправят в отставку, и если он хочет напоследок провести блестящую тайную операцию, лучше держись от него подальше. Он давно потерял навыки оперативной работы и хочет, чтобы ты, журналист, таскал для него каштаны из огня. В случае успеха (что очень сомнительно) все лавры ему. В случае провала (что наиболее вероятно) ты кругом виноват.

— I shot the sheriff, — стал насвистывать Артур незабвенный хит Боба Марли. —

But I didn't shoot the deputy...

Sheriff John Brown always hated me

For what I don't know...

(Я застрелил шерифа,

Но не застрелил его заместителя.

Шериф Джон Браун терпеть меня не мог.

Уж не знаю за что...)

— Нет, стрелять никого не надо, — улыбнулся Уилли. — Лучше, как я сказал, держись от него подальше. У этих игр с тайными операциями есть ещё одно неприятное свойство. Никто ничего толком не знает, но за тобой тянутся слухи и догадки: то ли ты украл, то ли у тебя украли. В общем, поезжай в объезд, а я скажу шерифу, что никого не видел.

— Спасибо, Уилли! Ты настоящий друг! До скорого!

Артур рванул с места с такой скоростью, что Уилли было впору снова останавливать его. Ну, шериф! Самовлюблённый болван! А он ещё старался, делал серию очерков о работе городской полиции, где выставил его в лучшем свете!

«Как там мои квартиранты? — вспомнил он о приезжих. — А девушка ничего. Правда, умыться ей не мешало бы. А то, что она молчит, даже лучше. Надо посмотреть, как они там устроились».

Артур точно помнил, что отправил девушку в кабинет. На цыпочках он прошёл к двери кабинета и осторожно приоткрыл её. На него в упор уставились ничего не выражающие глаза мужчины. Что-то пробормотав насчёт спокойной ночи, Арчи отправился устраиваться на ночлег в кресле.

На следующий день его ждала новая неприятность. Главный редактор вызвал его к себе в кабинет.

— Как же так, г-н Шульце! Вы опытный журналист, а допустили такую грубую ошибку: спутали Лаос и Лагос — республику в Индокитае и город в Африке.

— Это ошибка корректора и, как мне кажется, умышленно сделанная.

— Но вы как автор отвечаете за текст статьи в целом. Берлинские газеты уже поиздевались над нами. А это неизбежно скажется на подписке. В общем, в этой ситуации я вынужден приостановить ваш контракт. Не расторгнуть — подчёркиваю это (!), — а именно приостановить месяца на два, на три, пока вся эта история не уляжется. Возьмите отпуск, поезжайте куда-нибудь со своей девушкой. У вас ведь скоро свадьба. Кстати, передавайте ей привет. Всего вам наилучшего, г-н Шульце.

Но недаром говорят: беда не приходит одна. Самый тяжёлый удар для Артура был ещё впереди, и получил он его от Маргариты.

Телефонный звонок. Артур взял трубку.

— Дорогая, доброе утро, что случилось? Почему так рано?

— Дорогой, мне не терпится узнать: зачем ты прислал мне эту фотографию? Решил похвастать своими победами над бедными провинциалками?

— О чём ты, сокровище моё? Какую фотографию я тебе прислал?

— Включи компьютер, полюбуйся!

Артур открыл свой почтовый ящик. В текущей почте — фото, на котором он обнимает полуголую, раскрашенную в белый и красный цвета сельскую красавицу из Австрии.

— Дорогая, послушай меня: это недоразумение, простой монтаж, я тебе сейчас всё объясню.

— Не надо мне ничего объяснять, когда и так всё ясно. Твои подарки я пришлю тебе обратно экспресс-почтой. Будь здоров, и желаю тебе счастья.

Так Артур остался один-одинёшенек на белом свете... не считая новых «друзей». Через две недели, когда он уже и думать забыл об австрийской «семье», ночевавшей в его доме, она снова объявилась в городе. На мужчине было новое замшевое пальто, женщины тоже приделались. Не говоря ни слова, мужчина стал заводить лошадь с повозкой во двор. Когда Артур через окно увидел эту картину, он в ярости выскочил во двор и напустился на приезжих.

— Здесь не постоянный двор! Идите в гостиницу — их тут много. Есть деньги на покупки — значит, и на гостиницу хватит.

Мужчина и ухом не повёл. Артур попытался выпроводить его за ворота и толкнул мужчину в спину. К своему ужасу, он почувствовал, как его руки проходят насквозь через фигуру мужчины, не встречая сопротивления. Он потерял равновесие и присел на землю, Мужчина повёл лошадь дальше во двор, к привязи. Женщины молча наблюдали за происходящим.

Так началось регулярное посещение его дома непонятными персонами, которых Артур стал называть «гештальтами» (die Gestalten) — «существами», «фигурами». Постепенно Артур привык к своим «гостям», хотя хлопот они ему доставляли немало. Приходилось непрерывно следить, чтобы

каждый соблюдал порядок, не замусоривал комнаты, не устроил короткого замыкания или «наводнения». Времени на работу почти не оставалось.

К концу шестого месяца Артур перестал обращать внимание на чужих людей в квартире, только вёл короткие дневниковые записи. Вот его наблюдения. Гештальты обладали — в разной степени — необычными способностями. Они могли оказывать воздействие на физические объекты без непосредственного контакта с ними, владели гипнозом и телепатией.

Собирались они ближе к вечеру, устраивались кто где, разбившись на группы, при этом все как один молчали и оставались в квартире до утра, когда Артур ещё спал. Образовался некий круг постоянных посетителей. Они приходили и уходили, никем не замеченные, независимо друг от друга, не здороваясь и не прощаясь. Как они проникали в закрытое помещение без ключа, оставалось для Артура загадкой. С их приходом на полу начинали поблёскивать серебряные пылинки; воздух как бы сгущался, в нём появлялась некая мгла; с их уходом мгла рассеивалась.

Об их безопасности можно было не беспокоиться, как это вначале делал Артур. Фактически они были неуязвимы. Бессмысленно было сражаться с миражами, которые они создавали вокруг себя.

Сделать что-либо с ними было невозможно. Оставалось только набраться терпения и ждать, пока они покинут квартиру. Сами гештальты не проявляли ни малейшей агрессии по отношению к Артуру.

Артур выдержал неприятное объяснение с Томашем по поводу выросших вдвое-втрое счетов за электричество (счётчик у них был общий). Гештальты не утруждали себя экономией электроэнергии, и по ночам у них горел полный свет. Помешать этому было практически невозможно, так как они включали свет не щелчком выключателя, а соединяя цепь на расстоянии. Артур пробовал вывинчивать лампы, но получилось только хуже: вывинченные лампы загорались как будто сами по себе и чуть не устроили пожар. Пришлось покаяться перед Томашем и признаться, что он «забыл» выключить свет перед отъездом в командировку. Томаш был вне себя от такой беспечности.

В первое время Артур, надеясь разговорить пришельцев, предлагал им какую-то еду, закуски, печенье и сладости, но они к ним не притрагивались, а только рассматривали тарелки. В результате к концу дня накапливалась гора грязной посуды и несъеденной пищи. Когда таким образом пропали две упаковки мороженого «Мёвенпик» и ягодного пудинга «Роте грютце», Артур прекратил свои предложения.

Летом произошёл прорыв в отношениях Артура с гештальтами. Один из них включил веб-камеру на мониторе компьютера и настроил её на двухстороннюю связь. На мониторе появилось изображение помещения, в котором принимался сигнал.

Это была просторная комната с минимально необходимой деревянной мебелью — стол, два стула, шкаф. На стульях сидели два старика: один в чёрной рубахе, спиной к объективу; второй в белой рубахе, лицом к объективу.

Посередине комнаты стояла большая ваза из горного хрусталя, который, как верят многие, наделяет человека даром ясновидения. В вазе —

золотистый сноп пшеницы, завязанный в виде человеческой фигуры, — охранный талисман от злых сил.

Старик в белой рубашке, глядя прямо в камеру, заговорил. Губы его не двигались, но Артур отчётливо слышал каждое слово:

— Завтра в полдень будьте дома. Наш посланник рассчитается с вами за пристанище в вашем доме.

— Кто вы? Что делаете в Альпах? Почему ваши люди немые?

— Кто мы? Скажем так: мы не такие, как вы, — усмехнулся старик. — Но вы не пошли в полицию, не подняли шум в газетах, хотя сами газетчик, а хотели сами во всём разобраться. Это требует большой выдержки и мужества. Вы благородный человек и настоящий мушкетёр, если вы не против такого сравнения.

Артур покраснел: в детстве его любимой книгой были именно «Три мушкетёра», но как старик мог знать об этом?

— Это из-за вас у меня сплошные неприятности: с полицией, с моей газетой, с моей невестой?

— Вы живёте в мире бинарных оппозиций: верх — низ, правый — левый, прошлое — будущее, жизнь — смерть... «Что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, — спрашивает персонаж любимого вами русского романа, — и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени?»

Это были попытки сил зла опорочить вас и использовать для своих целей. Разумеется, мы примем свои меры и всё исправим. Если хотите, мы можем стереть память у окружающих вас людей, начиная, допустим, с Маргариты, за последний год.

— Нет, нет! Не надо! — поспешно сказал Артур, представив себе, как Маргарита переспрашивает, как его зовут.

— Что мы делаем здесь? Поверьте: у нас нет намерений подчинить себе вашу или любую другую страну. Мы — не боги и не демоны. Мы — часть системы наблюдения за глобальными проблемами Земли. Они касаются всех стран и народов. Проблем хватает: угроза мировой войны, загрязнение природы, нищета, голод, неграмотность... Глобальная катастрофа на Земле может вызвать цепную реакцию, угрожающую всей галактике.

Механизм возникновения катастроф до конца не изучен, а без этого невозможно определить пути их предупреждения. Этим занимаются наши станции. Одна из них находится в долине. На ней заняты потомки вальзерцев. Посещения вашего дома были для них отдыхом.

Своим доверенным лицам мы передаём некоторые полезные знания. Немота — это побочный эффект телепатических способностей, которые начинают заменять акустическую речь. Красно-белая символика на теле и на одежде — опознавательные знаки.

Мы не можем прямо вмешиваться в события земной жизни, какими бы тревожными они ни были. Но мы находим способы донести до землян результаты наших исследований.

Г-н Шульце, вы узнали о нашем существовании. Если захотите, ещё больше вам предстоит узнать. Ведь вас влечёт загадочное в повседневной жизни.

— Так это были вы? Вы — тот таинственный издатель?

Старик улыбнулся:

— Ещё «философ на троне», римский император Марк Аврелий говорил: «Наша жизнь есть то, что мы думаем о ней». Предлагаем вам сотрудничество. Такие предложения мы делаем только духовно и профессионально зрелым людям. Как журналист вы можете принести большую пользу.

В голове у Артура вертелась тысяча вопросов, но он сказал только:

— Я согласен. Как мы сможем связываться друг с другом?

— Все вопросы будете решать с моим вторым «я». Если хотите, можете называть его моим «двойником», «братом-близнецом» (хотя у нас нет семьи в вашем понимании). Он — это я, моя вторая сущность.

Второй старик повернулся к Артуру лицом, и стало видно, что он — точная копия первого.

— Если это так важно для вас, можете пользоваться любым «земным» именем, называйте его (а значит, и меня)... ну, хотя бы Модестом, как композитора, который вам так понравился. Просто сосредоточьтесь на том, что вы хотите передать ему, и он тут же получит ваше сообщение.

— А какова дальность такой связи?

— С использованием подстанций — практически без ограничений.

Артур спросил, может ли он взяться за работу над книгой.

— Работайте, — разрешил старик. — Всё равно вам никто не поверит. Даже отдельные факты можно проверить только с «нашей» стороны.

В 12 часов следующего дня к воротам подъехала повозка. В дверь постучал кучер с большим саквояжем в руках... Одновременно раздался телефонный звонок в доме...

P.S. Врач-невролог найдёт у главного персонажа этого рассказа Артура Шульце признаки зрительного галлюциноза Бонне. С возрастом галлюцинации постепенно усложняются, приобретают сценичность, цвет, объёмность. Распространённые сюжеты — природа, люди, животные, бытовые сцены.

Однако границы между ненормальными и нормальными ощущениями при галлюцинациях остаются зыбкими, на что указывает, например, такой авторитет, как Николай Иванович Пирогов.

— Этот русский врач, Николай Пирогов, — да он настоящий философ, не только врач! — восхищался Артур словами Пирогова:

«Против действительности ощущений ничего не поделаешь; если мы все галлюцинируем, то галлюцинации для нас уже не существуют; кто будет тогда разубеждать нас, что мы обманываемся?»

(Н. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача. 1879–1881.)

Эту цитату из Пирогова Артур переписал на отдельный листочек и приколол его к стенке.

*Содержание рассказа является литературным вымыслом.
Всякое совпадение имён действующих лиц случайно.*

Михаил Шерб

Родился в 1972 году в Одессе, окончил физфак ОГУ, с 1994 года живёт в Германии. Окончил Дортмундский технический университет, работает программистом, женат, есть сын. Печатался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Крещатик», «День и ночь», «Ното legens», «Эмигрантская лира» и др.

благодарственное

Благодарю тебя, Боже, за этот дом.
Разве я смог бы жить в каком-то другом?!
Там тараканы б ползли изо всех щелей,
Сыростью пахло, струился сквозняк из дверей.
Благодарю и за то, что женат на своей жене,
А не на этой, которую давеча видел во сне.
Я у неё голодным вставал бы из-за стола.
Да что там голодным — просто б со свету сжила!
Слава Тебе, что у нас родился именно этот сын!
Разве любой другой был бы мной так любим?!
Он ведь один такой из миллиардов детей.
Как же мне, Господи, жалко других людей!

ванда

Простыни Ванды пахли
Ландышем и лавандой.
Волосы Ванды пахли
Влагою дождевой.
Если я вижу вёдра,
Я вспоминаю Ванду,
Особенно если вёдра
Полны до краёв водой.

У Ванды длинные ноги,
Кожа — как воск пчелиный.
Я ей достаю до мочки,
Когда она на каблуках.
Ванду лепили боги
Из самой упругой глины
Жаркой беззвёздной ночью,
На самых тугих ветрах.
Ванда любила солнце
И длительные прогулки,
Ванда любила сдобу
И срезанные цветы.
Я покупал ей розы,
Я покупал ей булки.
Ванда смеялась: чтобы
Стала такой, как ты?
Ванда через полгода
Вышла за музыканта —
Жарит ему котлеты,
Он ей дудит на трубе.
А я, если вижу воду,
Всегда вспоминаю Ванду,
Особенно если эту
Воду несут в ведре.

засыпая

Засыпая, шепчу молитву из слова «будь»,
Левую руку помещаю тебе под грудь,
Правую руку кладу тебе на живот.
Мы становимся лодкой, и наша лодка плывёт.
Я не чувствую больше твою и свою наготу.
Что достать тебе из пустоты, прежде чем я уйду?
Перед тем, как стальная дверь за мною захлопнет пасть,
Прежде чем я, изогнувшись, ещё попытаюсь упасть
Половчей. Рассыпаясь на сор разноцветный и белый шум,
Мрамор ступеней затылком не сокрушу.
Пусть приходят люди в посыпанный солнечной манкой двор,
Пусть каждый заводит особый свой разговор —
Все разговоры похожи на заводных зайчат:
Сжата пружина — палочками стучат.
Покуда сжата пружинка — лапками машут в такт,
Словно курицы крыльями. Знают, что не взлетят.

праздники

Бесконечные праздники. Что ж ты, хозяин, невесел?
Разливаешь кипящих гостей по фарфоровым чашечкам кресел,
Угощаешь их тонко намазанной лестью-икрою
И уходишь в заснеженный парк — ночевать под корою.
Зимовать под корой старой липы — невзрачной личинкой,
В оболочке хитиновой прячущей нежность начинки,
От морозов укутанной мхом — серебристою ватой,
Между ждущими и торопящими крепко зажатой.

Даниил Чкония

Поэт, переводчик, литературный критик, председатель и член жюри нескольких международных конкурсов и фестивалей русской поэзии. Родился в Порт-Артуре в 1946 году. Жил в Мариуполе, Тбилиси, Москве, с 1996 года — в Кёльне. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей с 1976 года, ныне — член СП Москвы и Русского ПЕН-центра. Автор одиннадцати книг стихов. Отмечен специальными дипломами Фестиваля зарубежного русского искусства имени Чехова (Афины, 2007) и Русской премии (2011). Лауреат поэтического интернет-марафона «Сокровенные свирели» («45-я параллель», 2014). В 2015 году поэту присуждена премия имени В. Сирина (Набокова), а в 2016-м — Русская премия в номинации «Поэзия» (2-е место).

* * *

дело было у моря
 именно на берегу
 как ты смеялась: умора
 умру перестань не могу
 смех был звонкий и громкий
 не ведающий беды
 бегали вы у кромки
 у самой кромки воды
 на икрах на бёдрах капли
 искрятся и дрожат
 так ли было не так ли
 в памяти образ сжат
 юное гибкое тело
 повод для новых строф
 что ж ты не долетела
 музыка катастроф

что же мотор заглохший
память о ней не стёр
слышишь мол мой хороший
в сердце горит костёр
память листы листает
можешь унять — изволь
долго горит не тает
медленно тлеет боль

* * *

это грустно и непонятно
снова время кричит пестро
и толпятся слова невнятно
как набитый вагон метро
лишь одно словцо-неотложка
спит у сердца оно пока
не распахнуто нам окошко
уж ли участь его горька
и стеною непреодолимой
подступает тоска к нему
молчаливой печальной длинной
той которую не пойму
от которой не жду привета
от которой не жду обид
демон тьмы или ангел света
днём и ночью в трубу трубит

* * *

венцианские мосты
без нас задумчиво пусты
тиха почти чугуна
пуста без нас лагуна
и пуст без нас небесный свод
над тихим всплеском тёмных вод
и только тем прельщает
что чудо обещает
ах ты надежды милый бес
тебе ли ждать их от небес

да и каких таких чудес
а вот жива трепещет —
и взлёт мелодии в зенит
как будто пенье аонид
как будто голос вещей
и значит снова жизнь течёт —
душа трепещет и поёт
распахнута безумна
вдохни и грудь освободи
веди мелодия веди
туда где спит лагуна
её разбудим мы с тобой
не посчитаемся судьбой
не зная постоянства
не сдать бы души на убой
солируй медленный гобой
пронизывай пространство

Владимир Головин

Поэт, журналист, член Союза писателей Грузии, заместитель главного редактора журнала «Русский клуб». Призёр поэтического фестиваля «Эмигрантская лира — 2016». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Грузии, Израиля, России. В 2006–2011 годах — главный редактор самой многотиражной газеты Грузии «Головинский проспект». Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний» и восьми книг очерков.

* * *

Проталины сменились лужами,
мороз — холодным ветрами,
снежинкой вытканное кружево —
холстом дождя в оконной раме.

Зима сдаваться не торопится,
и не спешит весна с атакою,
но где-то там, где крыши сходятся,
коты по-мартовски заплакали.

А им плевать на все условности,
коту под хвост пошли приличия,
в любовно-боевой готовности
они — весенний знак отличия.

Вот так меняем тучи рваные
на небо бледное, но чистое,
воронье карканье гортанное
на этот хор котов неистовых.

И в сердце, жить надеждой смеюшем,
вдруг ощущаешь каждой клеткою
зелёный лист, победно реющий
над скинувшей серость веткою.

* * *

Гамлет смотрит «Мышеловку».
Смешаны судьба и роль.
Дворне страшно и неловко,
в ложе корчится король,
королева вся в ознобе,
и визгливых флейт минор
сотрясает, словно в злобе,
старый замок Эльсинор.

Ах, какая это пьеса!
В ней суфлёром — жизнь сама.
Вот приподнята завеса
тайны горя от ума.
Вот, набрав помалу скорость
в пышных залах и в людских,
вдруг являют страсть и кобысть
все причины бед мирских.
И сквозь годы к нам направлен
масок нарочитый плач...

Смотрит «Мышеловку» Гамлет —
суд присяжных и палач.

* * *

От наветов и чёрных меток
отобьёмся дубьём и кольём,
закопаем десяток монеток
и водичкою сверху польём.

Сядем рядышком, тихой парой,
поглядим, на прозреньё легки,
как с болот побредут Дуремары,
Артемонам неся поводки.

Распознав Карабаса с Алисой,
осознаем средь бранных забот,
что Шушара — всего только крыса,
а Базилио — просто кот.

В вязком мареве грусти и сплина
всё ж услышим средь звуков иных,
как стучат башмачки Буратино,
обманувшего псов цепных.

И останется самая малость —
молча ждать урожай пятаков...
А чего ещё, братцы, осталось
населенью Страны Дураков?

* * *

Разом пожелтевший город
прорастил дымы на крышах.
Зеленеть ему нескоро —
он уже зимою дышит.

Ждать её совсем немного:
в липких тучах оседая,
вдруг запляшет у порога
мух белёсых злая стая.

Вдруг всё станет по-иному —
величавее и строже.
Заспешит от дома к дому
задержавшийся прохожий.

Подтянувшись на морозе,
руки отогрев дыханьем,
город встретит вечер в позе
грешника пред покаяньем...

Это всё ещё успеет
явью стать. Ну а пока...
Ветер. Воздух стекленеет.
Набухают облака.

Елена Игнатова

Елена Игнатова — поэт, прозаик, киносценарист. Родилась в Ленинграде. С начала 1970-х годов публиковалась в изданиях самиздата, с 1975 года — также в изданиях русского зарубежья. Автор шести поэтических книг и книг прозы «Записки о Петербурге» и «Обернувшись». Сценарист документального фильма «Личное дело Анны Ахматовой» (1989). Стихи переведены на немецкий, шведский, польский, английский, французский языки, вошли в русские и зарубежные антологии русской поэзии XX века.

* * *

Как, не ударясь в крик, о фанерном детстве,
бетонном слоне, горнистах гипсовых в парке,
творожном снеге Невы, небе густейшей заварки,
о колоколе воздушном, хранившем меня?
Вечером мамина тень обтекала душу,
не знала молитвы, но всё же молилась робко.
В сети её тёмных волос — золотая рыбка,
ладонь её пахла йодом... сонная воркотня.
Всей глубиною крови я льну к забытым
тем вавилонским пятидесятым,
где подмерзала кровь на катке щербатом,
плыл сладковатый лёд по губам разбитым.
Время редеет, скатывается в ворох,
а на рассвете так пламенело дерзко,
и остаётся — памятью в наших порах,
пением матери на ледяных просторах,
снежными пряжами над глубиною невской.

* * *

Вот и ты возвращаешься в благословенную землю.
Пахнет воском и вереском в старых московских церквах,
там, где у Богородицы плечи в узорных платках,
где прилежные лица святые к высотам подьмлют,
где багровое золото гневно горит в небесах.
Да, и ты возвращаешься, перегорев до конца,
ничего не жалея из жизни, разменянной мелко.
— Вот я — наг и безроден...

Материнские плечи померкли,
и печалью полна драгоценная чаша лица.
Возвращаешься в трудный круговорот бытия,
в жёрнов мельничный.

Гулит вода, уходя из запруды,
мальчик гонит козлёнка, и мать его шьёт у ручья,
и тяжёлого света стекает на жёрнов струя.
Всё — в начале пути, в ожидании чуда.

* * *

В кислородном морозе пьянящей любви
вижу губы, широкие очи твои,
и душа просыпается в боли.
И не хочется ей возвращаться на круг —
в наваждение слов и смыкание рук,
в кочевое сиротство неволи.
Но она, задыхаясь от нежности, пьёт
этот яд ледяной, этот жалящий мёд,
расставания мёртвую воду,
и на оклик встаёт, и покорно идёт,
и не помнит уже про свободу.
Что за боль! Только в юности можно стерпеть
это жженье, в крови растворённую медь,
но, вдыхая осеннее пламя,
я не знала, что не заговорены мы
от подземного жара, провидческой тьмы
и от нового неба над нами.

* * *

Это почти из романа: ставни скрипят,
и уголь подходит к концу в затяжную зиму,
и лечу я соринкой — во тьме, слепоте, наугад
по заснеженному Иерусалиму.

Это почти из Диккенса: Новый Свет,
семейный очаг, любовь подростка, смятенье...
Между землёй и небом — лучшей из скреп —
золотая наука смиренья,
когда даруется зрение шире и чище — снег,
и смирение учит, баюкает, утешая,
и хрусталу и камню твоим во сне
«Иерусалим, — я шепчу, — Иерушалаим».

* * *

То была роза, в которую я влюбилась, —
декабрьская роза.
Когда говорим «Эдем»,
мы в наших снегах представляем сад
роз в декабре. Я срываю декабрьскую розу,
подобную тем.
Да, когда говорим «Эдем»,
мы в наших снегах представляем дол,
оливой и лавром заросший до плоских небес.
Олень, запутавшийся рогами в розах,
ягнёнок, лев...

Ни воздыханий, ни слез.

На той стороне оврага, за головами роз
дол Аялона грубый, как парусина,
с тех пор, как солнце Иисуса Навина
оплавило край его. И кровью истёк
пылающий городок за стенами из рафинада.
Горы людей, ослов, коз... Кровь выпущена как надо.
Нет, декабрьская роза, Эдем не волшебный сад.
На подошве праха его холмы, на подкладке крови —
всё, как в наших снегах, но только древнее стократ,
и ржавчиной смерти деревьев забрызганы кроны,
и декабрьская роза, тугая, как Божий свиток,
как гнев Господень — на сердце ложится мне.

Григорий Кульчинский

Поэт, журналист. Жил в Харькове, теперь живёт в Хайфе. Публикации в периодических изданиях. Пишет о себе скупое. И размышляет: «Стихи — забег наперегонки со временем. Время же, по воле небес, вывернуто наизнанку. Думаешь, что настигаешь лидера, а на самом деле дышишь себе в затылок. Вот и вся лирика...»

* * *

чистые и непорочные обойдутся полумерами
будут ходить в кирзе, пить кофе с цикорием, титуловаться именем-отчеством...
утешаться наградами и брвадами
имитацией страсти в стандартных координатах
и эрзац-пророчеством
в общем жизнь станет фейерверком, сплошным парадом
в монохромном варианте от нагасаки до колорадо

* * *

ты забыт в бытие
и тебе как ни биться ни рваться
круга не разорвать...
постоять на краю — раз в неделю, не чаще
край, ну пусть заваливающий
не самый передний, не самый передний
и есть тыща причин не влезать в эти чащи и гущи
в этот лес непролазный, в эти дебри и бредни
как привычна рутина вне этик и логик
плагиатов повторов и тавтологий
ты внутри, словно залит янтарной смолой...
ты подделок поделщик и соучастник —
словотворная тварь в отштампованном счастьее

* * *

В. Г.

пойдём вдоль времени гулять
нигде особо не встречая
чтоб в середине января
любить грозу в начале мая
о вечном переговорить
об ойкумене покумекать...
давай присядем покурить
в садах Серебряного века

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

(лирическая поэма)

шла мамаша по шоссе и сосала сушку
а навстречу ей опять
вышел зайчик погулять
идёт косой, качается
вздыхает на ходу:
ой досточка кончается —
сейчас я упаду
на дворе растёт трава
на траве лежат дрова
мама мыла раму
анна унд марта баден
тут же вымытую милу
марта мылом вновь помыла
уронила в речку мыло
утопила в речке милу
ну а таня горько плачет:
где мой мячик где мой зайчик
да и сушка где моя?
не осталось ничего
тут естественно охотник
из тумана выбегает
любит он свою лошадку
вынул месяц из кармана
прямо в зайчика стреляет
но вмешался дед мазай
опытный спаситель зай

что-то промычал герасим
как сказал один поэт:
ни хрена себе дуэт...
ехал грека через мост
наступил лисе на хвост
а медведь сказал «зер гут»
между делом два еврея
по верёвочке бегут
жили гуси у бабуси
с ними трое поросят
волк и семеро козлят
кларацеткин с карломмарксом
и коралловый кларнет
дед пихто и конь в пальто
а также — агниябарто
(фигу накось выкуси
только сушку не проси!)
два братана с дядей стёпой
погоняли ради стёба
всех, кому невесело живётся на руси:
понесли по кочкам, врезали по почкам
пиф-паф-ой-ой-ой
и в ямку
бух!

Семён Крайтман

Родился в Одессе. Учился. Служил в армии. Окончил Свердловский политех. С 1990 года живёт в Израиле. Стихи пишет с 2006 года — с момента открытия Живого Журнала.

* * *

Так розовые ирисы росли.
так, накоротко стрижены, оливы
корнями комья сторбленной земли
скрепляли.
так,
черны и молчаливы,
летели птицы, выдыхая пар,
который нам казался облаками...
а это просто небо выдыхали,
летели так
и так,
по их стопам
любовники в измученной постели
тела свои меняли и смотрели
на зимний свет, всходящий из окón.
свет разнимал стекло и был кромешен.
и мир был безутешен и безгрешен,
был скорбен взгляд его и удивлён.

* * *

по вечерам над ресторанами
укутаны в размер строкí,
летают ангелы багряные.
закат дымит, но, вопреки

унылой этой зимней оптике,
я вижу лица их, они —
печати, горельефы, оттиски,
морщины городской возни,
сюда глядящие участливо
из перистых своих седин...
«мы жили долго и несчастливо.
и так и умерли в один...»

* * *

прошли дожди.
и плиты с именами
свежи, как будто живы.
говори..,
шепчи, рассказывай,
раскаивайся, ври...
а что сказать?
вот море с кораблями,
вот небо светлое,
вот сердце дышит в такт
великой музыке,
отторгнутой от яви.
о, этот звук, преображённый в знак.
в начале — нет, не слово,
на рояле
в начале сыграно.
как жаль, тут не растёт
ни крупная, ни просто земляника...
но мёд течёт.
но зимний мёд течёт.
из лёгкого сочится сердолика.
и выше жизнь,
и меньше нужно слов.
и небосвод и нем, и неподвижен.
и птичий крик
над зеленью холмов
протяжен так.
и так скоропостижен.

* * *

казалось мне, что схлопнулись века.
десницей вновь звалась его рука.
и жертвенная первая строка
лежала в луже под прозрачным клёном
среди листьев тряпочных.
и подавала знак:
«прими меня, не дрейфь. пацан! слабак!»
я взял её.
она звучала так:
«три дня лил чёрный дождь над Гаваоном...»
я взял её, и повернулись вспять
войска небесные, жестоких капель рать.
и небо стало..., стало прозревать,
и уходить в поля ультрамарина.
и мне приснилась женщина.

Людмила Клёнова

Место рождения и учёбы — Харьков, Украина. Окончила Институт искусств. Профессиональный музыкант, пианистка. В 1999 году репатрировалась с семьёй в Израиль. Место жительства — Ашкелон. Член Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России, зарубежное отделение. 9 изданных сборников поэзии и прозы, публикации в израильских и международных альманахах. Сотни концертных выступлений. Более четырёхсот песен и романсов написаны на стихи Л. Клёновой музыкантами России, Украины, Казахстана, Израиля, США, Германии.

ОНА И ОН

Она умела по ночам
Луны касаться,
Ходить по звёздам, и в луче
Росой светиться...
А Он её не замечал.
Казалось, снятся
И лунный промельк на плече,
И песня птицы...

Она умела по утрам
Листа ладонью
К его щеке прильнуть слегка,
Как будто ветер...
А Он подумал, что, мол, сам
В небес бездонье
Легко развеял облака —
И солнце встретил...

Она искала столько лет
Возможной встречи.
Она звала его к себе,
А Он не слышал.
А Он молчал всегда в ответ
И думал: лечат
Терпенье долгое в судьбе
Приказы свыше...

Он дружелюбен был всегда —
Неколебимо.
А как Она тепла ждала
В бессонном вальсе...
Но, как мелодии, года
Скользили мимо...
Она устала — и ушла...
А Он — остался...

ЛУННАЯ МЕТЕЛЬ

Замело метелью лунной, замело
И дома, и нашу крышу, и дороги...
Как от этого кружения светло!
Лишь дрожат слегка оливы-недотроги;

И такая в поднебесье тишина,
Словно больше нет ни взрывов, ни сирены,
Словно кончилась, растаяла война...
Но она своя — у каждого поколения.

Сколько мальчиков под светлою луной
Лягут в землю, города свои спасая...
И, как прежде, плач вселенский — и земной —
Вскинет крылья над могилами, у края...

Вновь оскалом ненавидящим — война,
И беды вокруг натянутые струны...
...А от взрыва и до взрыва — ТИШИНА
Под метелью этой сказочною лунной...

19. 07.2014

*Двенадцатый день операции «Несокрушимая скала» —
и вторые сутки с начала наземной операции ЦАХАЛа.*

ВТРОЁМ

Они втроём сидели у окошка:
Луна, собака рыжая и кошка,
Вдыхали дым от трубки из самшита.
Скрипело кресло, и была укрыта
Мохнатым пледом давняя потеря
Морского волка. За открытой дверью
Дышала ночь, бессонница вздыхала...
А для него и ночи было мало,
Чтоб подойти вплотную к той, с которой
Они делили множество историй,
Шторма и штиль, и в отмели далёкой
Из губ и рук сложившиеся строки...

К рассвету сон бывал помилосердней,
И билось тише и спокойней сердце.
Собака с кошкой спали в уголочке.
Луна, в себя ушедшая до точки,
Чуть-чуть погладив сонные ресницы,
Спешила с небом высветленным слиться...

Но как-то ночью кресло замолчало —
И вспыхнул свет у звёздного причала,
И отмель стала ближе и светлее...
Две тени — видишь? — кружатся над нею...

Собака с кошкой ждут, и в лунном свете
Спит тишина. И сон шагами метит
Колечки дыма над забытой где-то
Той, из самшита, зябкою планетой,
Где пульса нет в рассветном свете утра...
...А кажется — всё прежнее как будто...

БЕССОННИЦА

Тихо падает дождь в законе рассветном,
Беззащитность стекла прошивая стежками,
Не заботясь нимало о сумрачной гамме
В перекрестье миров, продуваемом ветром.

И подрамник окна для холста приготовлен.
Что там будет на нём? То ли синь, то ли слякоть...
То ли ливням грядущим в картине той плакать,
То ли в небе раскинется радуга. Что в ней?

Белый цвет, раскольцованный спектром на части?
Или мост между теми мирами — в прицеле?
Может, детская радость — и к солнцу качели,
Может, взрослое, наше, неожиданное счастье?

А пока только дождь за окошком бормочет,
Не печалься о том, что там дальше случится,
И какая в картине заблудится птица,
Продолжая мелодию ласковой ночи...

Перемытая за́ ночь стекольная правда
Не расскажет о том, что поведал ей дождик...
Отдыхай, мой уставший мудрец и художник!
Мы с тобою сегодня не спали — на равных...

Марина Ариэла Меламед

Поэт, прозаик, бард. Родом из Харькова, живёт в Иерусалиме. Училась в музыкальном училище и на филфаке университета в Харькове, а затем в театральной школе в Иерусалиме. Автор пяти книг стихов и прозы. Лауреат премии «Олива Иерусалима» (проза). Публикации в СМИ и литературных журналах. По образованию — музыкант, актриса, преподаёт гитару и выступает на сцене с авторскими программами.

* * *

Сентябрь насвистывает лето.
Неясный свет, неслышный тон,
Неспешный шаг... Остались где-то
Воспоминаний десять тонн.
Душа насвистывает осень,
На осень тут ангажемент...
Мы осень плохо переносим,
А у неё настал момент...
Махни рукой. Давай беспечно
Вперёд и прямо, к ноябрю.
Там по пути. А путь наш Млечный,
Хоть верь — не верь календарю...

* * *

Потому что среда — это время сиесты,
Потому что четверг — это время дождя.
А во вторник душа просит что-нибудь вместо,
Чтобы было о чём вспоминать, уходя.
А куда уходить — вот вопрос из вопросов:
В магазин или в рай, на работу и в снег.

На пути — этот век, перенос перекосов,
И о вечной любви говорит человек.
То есть он говорит: что за чёрт, понедельник,
Я купил новый шарф, остальное — забыл.
Твой сегодняшний сон, мой вчерашний поделник,
Растворился в дожде и тебя растворил.
Что за мир, что за тир, что за тем перекрёстком, —
То ли брат, то ли Брут, то ли вброд, то ли бред.
Ты родился никем, а уходишь подростком,
Ангел мой, не молчи, возвращайся, мой свет....

* * *

«Покуда ночь длится...»

Б. Окуджава

Я обещаю вам присниться,
Сказать, что всё уже в порядке,
Что расцветают флоксы в Ницце
И помидор растёт на грядке.
Мы не расстанемся вовеки,
Покуда сны идут пунктиром,
Мы, как французы или греки,
Гуляем морем или миром...
О, мой сеньор! О, донна Анна!
На сей разошедшейся гондоле
И на земном воздушном шаре
Забудем о сиротской доле.
В конце концов, владеет миром
Лишь тот, кто радости подвержен, —
Тогда не будет он повержен
Ни сном, ни выстрелом, ни пиром.
Он будет сдержан от природы,
Которая всегда летает,
И ветер бабочкой болтает
О чём — не ведают народы.
Так вот, покуда ночь длится,
Или, пожалуй, на рассвете
Я обещаю вам присниться,
А вы мне что-нибудь ответьте...

СТОЯНКА В ПУСТЫНЕ

На восток уходит ветер за пустыней Иудейской,
На холмы и на дорогу скоро выпадет роса.
Кто на ослике гуляет старою тропой индейской,
Кто летает по пустыне, раздувая паруса...
Никогда того не зная, ты включи хотя бы чайник,
Ты свисти хотя бы молча и смотри своё кино.
А пока автобус едет — всех автобусов начальник, —
Тут ишак молчит и смотрит на тебя через окно.
Это, что ли, за окошком прямо тут дорога к Храму,
Это, стало быть, за дверью намечается пейзаж,
Там у пальмы на стоянке чья-то мама мыла раму,
А пацан на самокате рисовал крутой вираж.
Ну а вечером стоянка молча ждёт луну и полночь,
Не зовёт к себе на помощь ни звезду, ни вертолёт.
И идёт по ней собака — ты её, наверно, помнишь, —
Даже если дождь и ветер, или ненадёжный лёд.
Просто улица и полдень, просто день сегодня полный,
Или день как будто круглый, или полная луна,
Но всё реже и всё тише перекатывают волны,
И уже почти не больно, и звезда уже видна.

* * *

Весна, похожая на лето,
Зима, похожая на сон...
Я по ночам гуляю где-то,
Считаю городских ворон.
И в том краю необъяснимом
Взлетаю рыбкой до небес.
В пространстве истинном и мнимом
То лес густой, то снова лес...
Зима, похожая на осень,
Любовь, похожая на дым.
Иерусалим меня уносит
По тесным улочкам седым...
Бегут гурьбой слова и мысли,
Терзают гусли соловья...
Качаюсь, как на коромысле,
На ложноножке бытия.

Феликс Чечик

Родился в г. Пинске (Беларусь).

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (отделение художественного перевода). В 1997 году репатриировался в Израиль. Живёт в Нетании. Автор нескольких поэтических книг и многих журнальных публикаций. Дипломант премии «Московский счёт» (2009), лауреат «Русской премии» (2011).

* * *

Молчанием оберегая
себя — обречь
на жизнь, которая другая
реальность, речь.
От бега времени, от бега
на месте зря
спасаясь без берега
и словаря.

* * *

Я большего страха не знал
(о чём не рассказывал маме),
чем в детстве кромешный подвал
и лампочек хруст под ногами.

Боялся его как огня!
Но мама об этом не знала,
когда посылала меня
в холодную бездну подвала.

«Сходи за картошкой, сынок».
И не отказаться, конечно.
Спускаюсь, не чувствуя ног,
но чувствуя ужас кромешный.

Мгновенья, как годы, текли...
Уже ни подвала, ни мамы.
А только вращенье Земли
и предощущение драмы.

* * *

футбольный мяч на пустыре пылится
дырявый мяч и рядом никого
как будто пациента психбольница
безвременье опутало его

лежит забытый никому не нужен
быть может только ветру одному
взошла луна и остывает ужин
и время погружается во тьму

* * *

грех на душу возьму
от тяжести такой
душа пойдёт ко дну
и обретёт покой

и там на самом дне
и жабрами дыша
в холодной тишине
заговорит душа

ДОЖИВИ...

Доживи до моих,
оторвись от груди,
и останься в живых,
и с ума не сойди.

Чтоб с утра соловьи
пели не для тебя —
дотяни, доживи
до листвы октября.

Доживи несмотря,
вопреки и назло,
чтоб, как снег января,
седины намело.

Чтобы снова и вновь,
как столетье тому,
освещала любовь
беспросветную тьму.

Чтобы дети твои
были с сердцем вась-вась...
До моих доживи,
не оглядываясь.

И, когда доживёшь
до счастливого дня,
пропадёшь ни за грош,
но уже без меня.

* * *

омываемые небом
как водой со всех сторон
мы живём и кормим хлебом
несосчитанных ворон

их всё меньше год от года
да и те как снег белы
и овальная природа
превращается в углы

Сергей Угренинов

Окончил факультет журналистики КазГУ (Алма-Ата). Работал слесарем в автоколонне, сменным буровым мастером в геологоразведочной экспедиции, заведовал отделом газеты, преподавал в университете политологию. Автор ряда художественных книг и трёх документально-исторических. Печатался в таких изданиях, как журнал «Юность», «Литературная газета», еженедельник «Неделя» (Москва), литературно-художественный ежегодник «Побережье» (США), газета «Литературный бульвар» (Казань), журнал «Берега» (Калининград), альманахи «Русский стиль» и «Согласование времён» (Германия), журнал «Шмель» (Алма-Ата) и многих других. Живет в городе Костанай (Казахстан).

ХАЗА САЛАМИ БАЯХАТ

Рассказ

Двадцать лет я ждал этого момента. И вот мой коллега-геодезист толкнул меня в бок:

— Тим, просыпайся, приехали. Сарыоба.

Я открывал глаза, твёрдо зная, что нахожусь в раю. Никакое другое слово не вызывало во мне столько переживаний, чувств, эмоций и мыслей, как это тюркское название озера. Да, уважаемый читатель, Сарыоба — всего лишь водоём, каких несть числа в северных степях Азии. И вряд ли он вызовет такой восторг и ощущение счастья у вас, чьи фетиши детской привязанности и любви находятся совсем в других местах. Но раненные когда-то в душу материнской ли песней над вашей кроватью или же улыбкой вам той девочки, которую вы вдруг полюбили до беспамятства неизвестно за какие достоинства. Вы поймёте меня, вы поймёте непонятное чувство, у которого нет названия, оно связано с проявлениями немотивированного вашей психики, и его невозможно объяснить, как не могут объяснить мир грёз сонмы учёных мужей, тысячелетия тревожащих цивилизацию своим проникновением в тело и душу. На берегах Сарыобы я провёл своё детство и отрочество и в тринадцать лет покинул их со своими родителями, которые в поисках счастья навсегда ушли от этих благодатных, золотых

от тростника и серебряных от ковыля мест, и ветры, дующие здесь непрерывно, давно унесли их голоса в неизвестную даль, а дожди и снега стёрли их следы с солонцов этих долин.

Я открыл дверцу автомобиля и ступил на грудь моей родины. Я чувствовал полынное дыхание земли, которая растила и кормила меня своими соками, как эту траву под ногами, ставшей мне сестрой, — ведь мы были вскормлены молоком одной матери.

— Тим, ты не передумал? — окликнул меня из кабины коллега. — Зачем тебе такое большое озеро пешком обходить? Может, на машине проедем?

— Нет-нет, — махнул я рукой, — езжай в посёлок, возьми номер в гостинице. А вечером я сам приду. Хочу один побыть.

— Ну, как знаешь. Я поехал, — захлопнул дверцу товарищ. Машина вырулила на дорогу и побежала на север, где в семи километрах отсюда располагался небольшой посёлок.

Теперь ничто не мешало мне беседовать с родиной, слушать её ответы устами жаворонка над поляной и суслика на пригорке. Родина гладила мои волосы легким ветерком с озера, пахнущим тиной и водяными лилиями. Нет, никогда не вернусь я сюда насовсем, потому что моя профессия, мой образ жизни, связанные с городом и разъездами, не позволят мне поселиться здесь, среди покоя и буколической чистоты и умиротворённости, где дух не знает сомнений и тревог цивилизованного мира. Здесь нить Хроноса атрофирована, а поскольку мы должны когда-нибудь умирать, то мы и живём во имя этого в обществе, которое не признаёт за нами права на вечность и на свободу. И живая связь с одним биологическим видом никогда не даст мне уединения духа, оставляя за ним право только на тоску по несбыточному.

Озеро Сарыоба. Оно лежало передо мной, как громадный голубой лабиринт на фоне непроходимой камышовой равнины. Облака белопёрых чаек и острокрылых крачек кружились над богатыми рыбой водами, оглашая округу резкими, пронзительными криками. Тысячи уток кормились на мелководьях, и неисчислимое количество куликов сновало по илистым и песчаным берегам, то и дело втыкая свои длинные носы во влажную почву. Где-то за стеной камыша гоготали гуси и хрустально звенели высокие голоса лебедей-кликунов. Ничто не изменилось в этой стране птиц — они жили так же, как и двадцать лет назад, когда я слушал их чудные, нерукотворные симфонии, будучи мальчиком.

Порыв грустной нежности охватил меня — я присел и поцеловал белые веки золотоглазой ромашки, чтобы стебель и корень её передали мою любовь всей этой земле, не забывшей моё имя и мои руки: на пригорке, где когда-то стоял маленький дощатый домик, служивший жильём с весны до осени нашей семье рыбаков, зеленели два ширококронных крепких карагача, посаженные мною когда-то совсем ещё малышами. Они были в стороне от моего пути, и я не стал сворачивать к ним, экономя время.

Я по гладкой, тёплой от августовского солнца полевой дороге с мягкой лентой лебеды посередине зашагал к озеру. Стаи уток поднялись с прибрежного плёса, и воздух наполнился мелодичным свистом их крыльев; где-то вдали грустно и долго закричали кроншнепы.

Метрах в сорока от берега дорога свернула на восток и потянулась вокруг озера, то петляя среди зарослей камыша и рогоза, аира и тростника, то выходя на степные ковыльные участки или же солончаковые низинки, покрытые красным ковром солянок, хрустящих и взвизгивающих под ступнями ботинок. Я, взволнованный близостью с дорогими мне местами, шёл, вспоминая берега утраченной мною Аркадии. Бело-розовые цветки ситника и сиреневые кисти ятрышника восторгали меня больше, нежели одно из чудес света — висячие сады Вавилона. Моя сущность была пронизана содержанием жизни долины Сарыобы, и простое и скромное в этой природе находило высшую гармонию в сочетаниях моих органов чувств и интуиции. Ощущение себя клеткой одного организма с окружающим было катастрофично — я знал, что без земли, воздуха и воды Сарыобы я умру, как не сможет функционировать, скажем, мой палец самостоятельно от моей руки.

Я неторопливо шагал по дороге, то и дело останавливаясь у какого-нибудь скромного полевого цветка, или же валился на минуту в зелёную прохладу пышной осоки, чтобы подышать болотной свежестью родных берегов. Серые и рыжие цапли с мелководий удивлённо и настороженно провожали меня немигающими глазами, а белые мартыны, словно ножами, резали воздух острыми крыльями над моей головой и зычно, но добродушно хохотали над проявлениями человеческой сентиментальности.

Озеро Сарыоба в округности не меньше двадцати пяти километров. И когда мой коллега-геодезист узнал о моём намерении прогуляться вокруг него, озадачился, сделал удивлённую мину и то и дело пожимал плечами, никак не понимая, что можно «просто так» прошагать полдня, не извлекая из этого никакой практической выгоды. Мой аргумент «я провёл здесь своё детство» он всерьёз не воспринимал, как, может быть, не посчитают и многие читатели его серьёзным поводом для многочасовой прогулки. Но есть вещи, которые не согласуются с требованиями выгоды, а существуют для равновесия полюсов души. Если на минусовом полюсе сильна скорбь по родине, то нужна встреча с ней, чтобы противопоставить страданию радость и уравнивать две стороны во имя внутреннего спокойствия.

А дорога манила и манила меня своими воспоминаниями, озеро веселило вновь зазвучавшими во мне звуками, запахами и красками. Но с каждым пройденным километром я замечал всё больше нового и необычного по берегам. Откуда взялись эти нежнейшие бело-голубые ирисы, пушистыми семейками вкрапленные в серебро ковыля, и дымчатый пепел австрийской полыни? Ведь они растут значительно южнее этих мест и расцветают в конце весны, а сейчас середина августа! А на зеркале одного плёса я увидел стаю пеликанов, которые раньше лишь единицами залетали сюда с юга. А дальше лопатоклювые колпицы и розовокрылые фламинго важно ступали длинными тонкими ногами по врезавшейся в озеро узкой земляной косе — эти места словно перекочевали из Тоболо-Ишимского между-речья на Кургальджино или юг Каспия.

Как-то незаметно степь Сарыобы стала превращаться в нечто необъяснимое и противоречащее с точки зрения географа или биолога. Среди камыша и тростника появились кустарники ивы, а за ними — тамариска

и чингила, обескуражившие меня не столько своим появлением, сколько буйным цветением. Флора и фауна Сарьюбы стали так усложняться, что мне подумалось: не созданы ли здесь за двадцать прошедших лет гигантский ботанический сад и зоопарк? Но даже самые выдающиеся и смелые специалисты-биологи назвали бы блефом создание такой невозможной консорции. И чем дальше я шёл, тем таинственней и более потрясающим становился мой путь. Дорогу стали перебегать косули, джейраны и пятнистые олени, иногда из буйной травы шумно вылетали радужные фазаны и, что ещё невероятнее, горные улары. Туранговые леса, заросли толстой ферулы, эфедры с нежными и хрупкими цветами, и барбариса уже с сочными ярко-фиолетовыми ягодами словно погрузили мой мозг в дивный сон. Простые северные ландыши и васильки росли вперемежку с алыми тюльпанами, эдельвейсами, голубыми юнонами и верониками.

Странно, но мой потрясённый мозг не сопротивился этому насилью алогичности и торжеству прекрасного и дикого по замыслу ландшафта. Какая-то невероятная, неощущаемая физически сила, словно спасая меня от сумасшествия, заглушила мою способность анализировать, оставив мне только осознанное созерцание и наслаждение.

Я обогнул озеро и пошёл по его противоположному берегу в обратном направлении. Солнце, постепенно уносимое ветром на запад, светило с севера, будто бы я находился в Южном полушарии. Иногда оно пробивалось сквозь кроны стройных кипарисов и платанов, невесть откуда взявшихся на берегах Сарьюбы. Озеро всё больше приобретало тропический оттенок, на его жемчужной воде чинно сидели чёрные австралийские лебеди и покачивались матовые красавцы-лотосы. С нависших над водой, обвитых лианами и диким виноградом ветвей деревьев пели северные зарянки и иволги, подавали голоса попугаи и райские мухоловки. Бамбуковые чащи и рощи цитрусовых сменялись зарослями папоротников и сказочных по обилию и неповторимости красок орхидей.

Как во сне, брёл я по этим райским кущам, пока жажда не заставила свернуть к воде. Берег золотился мелким, тёплым от солнца песком, и вода шуршала разноцветной галькой у моих ног. Я наклонился к воде, чтобы зачерпнуть её ладонями, и поразился: на ней не было моего отражения, а прекрасная, вееролистная пальмира, которую я заслони́л собою, отражалась на воде сквозь меня, словно моё тело было невидимым. Изумлённый, я выпил воды и, то и дело таращась на озеро, вышел на дорогу и продолжил путь.

Ближе к западному концу озера увидел двух девушек, купавшихся в озере. Они с весёлым смехом бегали по мелкой воде, поднимали фонтаны изумрудных брызг, падали в бирюзовое тепло Сарьюбы и снова вскакивали. Я остановился невдалеке и смотрел на их игры. То, что они были совершенно обнажёнными, меня не только не удивило, а я даже оставил без внимания, как будто так и должно было быть. Я воспринимал этих изящных своими формами и движениями, с распущенными русыми волосами женщин как произведения искусства, полностью игнорируя то, что наблюдал за ними живыми.

Почему-то радостно было смотреть на счастливое баловство этих пери. Но солнце всё приближалось к горизонту, и я зашагал дальше.

Так я шёл еще некоторое время, пока не заметил на большой малахитовой лужайке, похожей своей чистотой и свежестью на альпийский луг, нескольких человек. Я направился к ним в надежде спросить, где нахожусь и куда мне идти. Чем ближе подходил к людям, тем странней казалось мне их занятие.

Под одинокой тенистой арчой сидели два совершенно седых древних старика в белых одеждах, даже тюбетейки на них были снежно-белые, без единой линии традиционного восточного орнамента. Лица их и руки тёмно-коричневого цвета разрезали глубокие морщины. Длинные бородки-клинышки мелко вздрагивали, когда старики шёпотом произносили какие-то слова. Глаза старцев ни разу не посмотрели в мою сторону, а были устремлены напротив, где стоял высокий деревянный стол с бортиками по краям, как у бильярдного стола, и с крупными костяными набалдашниками в виде полураскрывшихся бутонов тюльпанов на каждом углу. На столе, застеленном мягкой, пушистой, словно мех, тканью, лежала девушка в тонком красном до щиколоток платье, а голова её в синем атласном чепчике покоилась на жёсткой, расшитой парчой подушке. Чёрные блестящие волосы её струились на грудь, закрытую пышным, благоухающим букетом белых и алых цветов. С противоположной от старцев стороны стола суетился мальчик, тоже одетый во всё белое. Он непрерывно двигался, то обмахивая девушку длинным, словно пальмовая ветвь, перистым веером, то подбегая к небольшому костру и подкидывая в него веточки сандалового дерева, дым которого приятным ароматом обволакивал лежащую на столе и старцев под арчой.

«Наверное, умерла, — подумал я, остановившись в десятке шагов от людей и наблюдая за происходящим, — и у них какая-то похоронная церемония». Но лицо девушки! Оно было так прекрасно и безмятежно, в нём было столько жизни, что я был озадачен противоречивостью своих наблюдений. Губки её, как две сомкнутые зари полярного неба, дышали теплом, щёки были похожи на грудки снегирей, во всех чертах её лица словно готовилось движение — я ясно ощущал на нём преддверие прелестной улыбки. И больше всего было бы удивительно, если бы эта улыбка никогда не осветила милое личико неизвестной мне юной красавицы.

Я неподвижно и молча стоял неподалёку, не в силах оторвать глаз от изящного лица, и почему-то пронизывающая печаль наполнила мои глаза, мозг и сердце. И я понял: я её никогда не увижу. И что потрясло меня — я говорил себе эту фразу без слова «больше». Я её никогда не увижу!

Вдруг с той стороны, откуда я пришёл, послышалась мощная низкочастотная музыка. От скорости и динамичности ритма её захватило дух. Сила её, как и топот чьих-то гигантских ног, нарастали с каждым мгновением. Из-за горизонта вылетел колоссальных размеров всадник в достойных себя латах. С копьём, будто сделанным из эвкалипта, на вороной лошади-горе он пронёсся мимо нас, закрывая треть неба и торжественно выкрикивая:

— Хаза пришла!.. Хаза пришла!..

Земля закачалась под моими ногами, когда гигантские копыта ударили её рядом со мной. Но, словно заранее зная, что со мной ничего скверного не произойдёт, я довольно спокойно отнёсся к этому незаурядному

событию, только слова «Хаза пришла!» взволновали меня, потому что были как-то связаны с тем, что я наблюдал на лужайке. Старцы при этих словах поднимались и кланялись в сторону лежавшей девушки, прижав ладони своих сухих, жилистых рук к левой стороне груди. Когда музыка и топот затихли, старики вновь замерли под арчой, а мальчик продолжил свои занятия.

Вдруг он остановился, повернулся ко мне и сказал:

— Скоро амита. Уходите, вам нельзя здесь оставаться.

— Что такое «амита»? — спросил я.

— Амита — это смена символа воплощения.

— А... — хотел я задать следующий вопрос.

— Уходите, — с необычайной твёрдостью сказал мальчик.

— Но куда?

— Туда, — махнул головой мой собеседник на северо-восток.

Я понял, что оставаться здесь далее нельзя, последний раз с горечью взглянул на лицо девушки, повернулся и пошёл по дороге. Солнце уже садилось, и надо было спешить.

Теперь я не обращал внимания на необычность природы вокруг, а думал только об этой девушке, а вернее — даже не столько думал, сколько просто непрерывно вспоминал её черты, не ставя себе никаких вопросов. Так я шёл и шёл, двигая ногами, как робот, пока ночь не спустилась чёрною звёздной толщей на долину Сарыобы. «Что же это такое? — очнулся я, озираясь по сторонам. — Ведь я должен был обогнуть озеро ещё до заката и прийти в посёлок засветло!.. Странно, очень странно». Но делать нечего, и я пошёл по светлеющей полосе дороги дальше. С правой стороны, с какой и начинался мой путь, блестело величественной гладью озеро.

В полночь я наткнулся в темноте на кучу соломы. «Всё, достаточно, побродил вволю, — думаю. — Заберусь в солому, высплюсь до утра, а там и разберёмся, что к чему». Так и поступил: улёгся в самое чрево копны и вскоре сладко уснул, побеждённый усталостью и переполненный впечатлениями от странных и необъяснимых событий минувшего дня.

Наступило прохладное августовское утро. Озеро снова огласилось криками тысяч гусей, уток и чаек, а я всё спал в теплой, мягкой, пахучей постели.

Мой напарник-геодезист, всерьёз встревоженный моим долгим и непонятным отсутствием, поехал на розыски. То и дело сигналил, он подрулил к озеру — туда, где оставил меня день назад, — и остановился.

Сигналы достигли моих ушей — я открыл глаза и выбрался на свет. Недалеко стоял автомобиль, а рядом осматривал окрестности в бинокль мой коллега. Я окликнул его.

— Тим, что с тобой случилось?! — воскликнул напарник, беспокойно глядяваясь в моё лицо и подавая приветственно руку. — Я уж и не знаю что думать!

— Да так... загулялся, — засмеялся я, понимая, что мой рассказ будет нелеп для ушей любого психически здорового человека. — А лучше — не спрашивай меня ни о чём, — неожиданно для него и для самого себя

закончил я беседу и, повернувшись спиной к недоумевающему коллеге, зашагал к автомобилю.

Всю дорогу мы ехали молча, и товарищ не досаждал мне вопросами и болтовнёй, так как был умным и тактичным человеком.

Через пять дней, 28 августа, я, вернувшись из командировки, зашёл на центральное городское кладбище, где ровно три года назад был похоронен мой младший брат-солдат. Его, посланного государством воевать за непонятно кого и что в далёкую горную страну, убили жители этой же страны по возвращении на родину. И теперь я каждый год приносил на его скромную могилу с поцарапанной гвоздем какими-то выродками фотографией на гранитной плите цветы. Обязательно красные, чтобы кровь тюльпанов, роз и гвоздик всегда напоминала проходящим мимо жестокость, бессмысленность и нелепость его смерти.

Постояв у могилы, я пошёл по тропинке между рядами оградок и надгробий. На кладбище было тихо и безлюдно, только листва тополей, берёзок и сирени, насаженных тут и там, слегка шелестела под лёгкими порывами запутавшегося в ветвях ветерка. Нет в мире более грустных и тихих мест, чем скорбные города усопших, и потому меня всегда манила неуловимая, вечная жизнь кладбищ с вселенским счастьем бесконечного покоя и отсутствия суеты.

Часто я останавливался у той или иной могилы, читал надпись на памятнике, вглядывался в фотографию, а затем долго рисовал в уме исчезнувшего человека, его характер, его судьбу — и что было тяжелее всего: его судьба, независимо от моего желания, всегда заканчивалась трагедией. Мужественные юноши с гордыми лицами, красивые девушки с обаятельными улыбками, игривые весёлые малыши, робкие девочки-подростки, важные мужчины среднего возраста в галстуках и морщинистые старушки с добрыми, лукавыми выцветшими глазами на фотографиях — все были всего лишь отпечатками исчезнувших из нашего бытия людей, тела которых давно истлели в мрачном царстве всепожирающей и превращающей в себя земли.

На одной серой гранитной плите, установленной в изголовье усыпанной белыми и красными благоухающими цветами свежей могилы, я прочитал дату рождения и смерти. Этот человек умер, когда я был на Сарыобе. Я взглянул на цветную фотографию в округлой рамке и вздрогнул. Сердце бешено застучало в груди. Со снимка на меня смотрела большими кариными глазами девушка с озера Сарыоба, которую я видел на странном столе под аркой в окружении двух старцев и мальчика. Потрясённый, я перевёл взгляд выше — и прочитанная надпись, словно солнце, ослепила мои глаза:

ХАЗА САЛАМИ БАЯХАТ.

Бахыт Кенжеев

Родился 2 августа 1950 года в Чимкенте, с трёх лет жил в Москве. Казах. Закончил химический факультет МГУ. В 1982 году переехал в Канаду. Член Русского ПЕН-клуба. Лауреат многочисленных литературных премий. Публиковался в переводах на казахский, английский, французский, немецкий, испанский, голландский, итальянский, украинский, китайский и шведский языки. Живёт в Монреале и Нью-Йорке.

* * *

Продай мне по дешёвке пресс-папье,
старьёвщик. Я пристроюсь на скамье —
на парковой, ребристой и зелёной, —
а рядом будет в шахматы играть
пенсионер (судьбы не выбирать),
простоволосый юноша влюблённый
рассматривать в айфоне молодом
возлюбленной в акриле голубом
любительские фотки: плеск оркестра,
всё на продажу, как она стара-
ется, возвышенна, добра —
позирует невесело, но честно.
Подглядывай, любитель бытия,
корреспондент вселенского жнивья,
так лучший город мира непохабен,
хоть и причастен мировой тоске.
Здесь solusrex на клетчатой доске,
здесь непременно умный чичибабин
схватился бы за вечное перо,
чтобы воспеть дурацкое метро
(без барельефов, с грубою бетонной
колонной), чтобы взвиться нараспев.
Но я другой. Я от рожденья лев
охлаждённый, может быть, влюблённый
любитель шахмат. Тронул — так ходи.
Лишь не гадай, что будет впереди.

Там ангелы, нас проглотив, не охнут.
А пресс-папье не разгоняет страх,
не осушает пены на устах,
но без него чернила не просохнут.

* * *

Я почти разучился смеяться по пустякам,
как умел, бывало, сжимая в правой стакан
с горячительным, в левой же нечто типа
бутерброда со шпротой или солёного огурца,
полагая, что мир продолжается без конца,
без элиотовского (так в переводе) всхлипа.
И друзья мои посерьёзтели, даже не пьют вина —
ни зелёного, ни креплёного, ни хрена.
Как пригубят сухого, так и отстают. Морды у них помяты.
И колеблется винноцветная гладь, выгибается вверх мениск
на границе воды и воздуха, как бесполезный иск
в европейский, допустим, суд по правам примата.
На компьютере тихий вагнер. Окрашен закат в цвета
побежалости. Воин невидимый неспроста
по инерции машет бесплотным мечом в валгалле.
Жизнь сворачивается, как вытершийся ковёр
перед переездом. Торопят грузчики. Из-за гор
вылетал нам на помощь ангел, но мы его проморгали.

* * *

Когда зевес, с олимпа изгнанный,
разжалованный в львиный зев,
на тощем стебельке колышется
и вспоминает нараспев
свои победы над титанами
(был кипяток — и нет его),
над нимфами над безымянными
(он был большое божество),
как похищал европу жаркую,
пел над эгейскою водой,
где нынче турция, слал молнии,
ругался с герой молодой —
ох, я и сам, лишаясь голоса,
в косяк трамбуя анашу,

уже не чехову, а хроносу
ночные жертвы приношу.
Кто кается, кто дурью мается,
а в греции сыра земля,
и неохотно раскрывается
цветок под тяжестью шмеля

* * *

Ну, вот и мы отцокали копытцами по льду —
а так любили брокколи, здоровую еду.
Приснись мне, овощ сладкая, согрей меня в конце,
богатая клетчаткою и витамином С,
для печени полезная! Нет, весь я не умру.
Сварю тебя, любезная, на водяном пару,
залью густой сметаной и, жизнью смерть поправ,
сожру тебя, желанная, как некий костоправ.
Но хватит гастрономии! Отменен харч, но в нём
совсем не зрит гармонии суровый астроном.
Мурлычет, звёзды меряя линейкой давних лет,
про тёмную материю (отечественный свет).
И просит: «Положи мою тетрадь обратно, брат!»
Ему недостижимое милее во сто крат,
а ночь его, разметчица простых небесных сфер,
прохладной водкой лечится и спиртом, например.

* * *

Вчера ещё мне было девятнадцать.
Как англичане говорят, «я есть»
(допустим, сколько-то). Чё рт знает что. Спина
болит, немеют пальцы, сердце
частит, и даже выпивка не в радость.
Знай пью таблетки от холестерина,
от той ли мандельштамовской извёстки
в крови, с которой вряд ли совладать
медикаментам. Или я и впрямь
старик? Высокогрудая девица
стишкам кивает в такт, не представляя,
как с этим молодящимся козлом

возможно... ну, вы поняли. Бог с нею,
смазливой вертихвосткою. Но ах!
Куст жимолости пред грозой —
смеясь, качаются в её ушах
простецкие серёжки с бирюзой.
И это хорошо, сказал Господь.
Всё хорошо. И рыба, символ веры,
и чешуя соскоблённая, и
вода, и твердь. Приятели мои
ярились и подтягивали песням,
протяжным, словно родина, а ныне
утихомирились и молча тлеют,
читай — гниют, в недорогих гробах.
Сопровский. Пригов. Лосев. Величанский.
Пахомов. Шварц. Кривулин. Инна Клемент.
Дашевский. Всех не вспомнить, только имя
от каждого осталось, только имя
звенит в ночи, ни пить, ни есть не просит.
Где стол был яств, там мартовский сквозняк
листки слепой машинописи носит
по пыльным коммунальным коридорам.

Ирина Чуднова

Родилась в 1974 году в Ростове-на-Дону, детство провела в городе Ясный, в Оренбуржье. Училась на геолого-географическом факультете Ростовского университета. В 1993 году уехала в Китай, училась в Китайском геологическом университете (г. Ухань), после защиты диплома переехала в Пекин, где и живёт по настоящее время. Переводчик, фотограф, журналист-фрилансер; с 2016 года работает в китайском государственном издательстве «Синолингва». Автор многочисленных публикаций прозы и поэзии в различных сборниках и журналах.

* * *

Моя усталость — высокородная птица,
глубоководная рыба,
колонковая кисть
в двадцать одно касание пишущая
угасание взгляда и тяжесть век.
Моя усталость — седая волчица,
скупость движений,
лопаток подкожный бег.
Сократившись до влажного следа улитки,
до скрипа ночной половицы,
озвучившей твой шаг,
не спеша растекаюсь смычком по волосу скрипки,
светом по стёршейся грани гроша. Усталость.
Виски левой рукой зажав в горсти —
веки дрожат, дыхания ритм бесконечно
на выдохе сбит —
слышу, как ветер в оконную раму стучит,
скалится зеркало, на часах три
стрелки мотают клубки сахарно-ватного времени.

Моя усталость — неутомимый, морщинистый, медлительный слон,
раскачивает хоботом-маятником
в забытьё ли, в сон,
втаптывая.

25.02.2004, г. Пекин, Шанди Сили

СУББОТНИЙ ЧАЙ В САДУ ПОД ИВАМИ

Под небом бродит ветерок, минута копит день,
Даль глубока, осенний лёгок свет,
Вода играет и блестит, её рябой
Весёлый блеск глаз праздных не калечит —
В саду под ивами расслабленные речи,
И звук чужих шагов, и мы лелеем лень.

До вечера ещё часы, часы, растягивай обед —
Но быстро промелькнут, ноябрь не обманет.
В прозрачном небе облачко растает,
И вышьют самолёты белый след.

Погёртый за год год, я, наконец, к тебе —
Взглянуть в глаза, порадоваться встрече
И помолчать. Холодный встретить вечер
И палый листик приколоть к судьбе.

Бег стрелок резв. Придёт туман седой,
Накроет сад, и скрип ворот,
И эхо птичьих голосов, что с лета влёт
Запутавшись, в густых ветвях повисли,
И головастики моих осенних чувств и мыслей
В забытой кадке с дождевой водой.

Ну а пока он длится, этот день,
Я им дышу, неожиданный праздник отмечая,
И в чашке остывающего чая
Ловлю ветвей рассеянную тень.

10.11.2004. г. Пекин, Лунцзэ

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

* * *

Гибкой веточкой сердца итожатся нежность и власть,
нервно вскинется пясть и забьётся в силке семиструнном.
Что такое минута? Лишь шестидесятая часть
колокольного трепета в небе над Юнхэгуном.
На сетчатке баюкая в сотню ночей недосып,
ты услышишь, как пепел роняет моя сигарета
в разноцветный фарфоровый гробик, и головы рубят часы —
с того края земли, с того края любви, с того света.
Карандашик дрожит над бумагой и жмётся к руке,
я графитовый остов в туманное утро макаю.
С небом шепчется море и чертит прилив на песке —
привыкаю к зиме, привыкаю к себе, привыкаю.

2003-2004-2009, г. Пекин, Лунцзэ

ТОНКАЯ ДИНАМИКА

I.

знаешь, у меня всё как у всех: целлюлит-седина-колит,
недовыплаканный смех, недолайканный общий вид,
лощины-морщины, цинична усмешка, крив рта уголок,
сеансы гламурных салонов туда же: невпрок-сырок,
сурок настагает, сурок бесконечный, суровый рок.
вот так постою с тобой по-над бережком-речкой-дугой,
половлю тени-блики, луч солнца над головой,
подышу сентябрём-угрём, послежу катерки-курки,
погляжу, как мечут внахлёт сети-удочки рыбаки,
подышу тонким ветром осенним, послушаю их матерок
и пойду, пока пёрышко в небе пишет чей-то последний срок,
а потом голубиной почтой его адресату несут,
призывною повесткой-судьбой меж мозолей в ладони кладут.
придержал мои пальцы в сухой и горячей горсти —
и я слышу: у сердца металл просвистел — и уже не спасти!
помогай тебе господи-боже на долгом и пыльном пути,
и прости меня тоже, быть может, сумеешь, прости!
я печаль твою кожей несу, и сумею бы её донести:
не раздать, не разъять бы, на атомы не растрясти.
..сквозь трамвайный звонок, на восток — ах, позвольте, позвольте пройти!..

II.

зацепиться случайно сердцем за крючок-ништячок рыболова,
смаковать макуху, макову росинку, снова-здоровая,
подержать в ладонях кончики пальцев — побежалость-жалость:
да я оставлял, вот те крест, звал с собой, только ты не осталась!
нет, не осталась ты, и не сбьлась, не сошлась как пасьянс, вслед не оглянулась,
покачалась с мыска на пятку, углами губ улыбнулась
и пошла странной походкой витой, как по болотине птица,
по неметённой мостовой, по серым осенним лицам,
вдоль унылой жизни моей, в направлении земного рассвета,
я стоял на ветру, растягивал трамвайный звонок
на невыносимый литавр конца света, разрезал свою жизнь этим
звуком на раньше и позже, чтоб когда-нибудь, через добрую сотню лет-зим,
посреди ли монгольской степи, на площади в польше
повстречать тебя вновь, на рогатину сна напоровшись
чутким сердцем седым, не щадя ни желудочков и ни предсердий.
я сто раз уходил-годил, наглотался нездешних поветрий,
я калёным железом травил, в океане солёном топил бесконечную память свою,
изворотливый, злой, гибкий вервий.
пощади меня, тонкая кость, карий глаз, мой манок, мой силоч-оселок,
моя дудочка крысолова!
..только леса натянуто-сладко дрожит,
и стальной крючок сердце рвёт снова, и снова, и снова.

*14–16.09.2016 (в праздник Середины Осени)
г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 173А*

Вячеслав Шаповалов

Поэт, переводчик тюркской и европейской поэзии. Родился и живёт в Бишкеке. Народный поэт Киргизии, лауреат Государственной премии КР и Русской премии, заслуженный деятель культуры КР, профессор, доктор филологии, вице-президент Центрально-азиатского PEN-центра, Русского PEN-центра, автор 12 книг стихотворений. Публикации в журналах «Арион», «Дружба народов», «Знамя», «Иерусалимский журнал», «Литературный Киргизстан», «Литература», «Новая юность», «Новый берег», «Prosodia», «Эмигрантская лира» и др.

КИРГИЗСКИЙ ДИСКУРС. 2010

дитя человечье бездомная лёгкая серна
 пересекает шоссе пугает луну вспугнута псами
 юность бежит и рвётся бедное сердце
 путь завершает земной да вы помните сами
 дитя человечье под хоровод звездопада
 в свете фар творит истерзанный танец
 на жаркой дороге что целую ночь остывала
 в серебряных слепках копыт без остатка истаяв
 о вот она возвращается с гор молодая элита
 и бентли шумят парусами над пыльной волною
 к болотам на севере молча стекает долина
 кремнистый путь горит и плавится под луною
 дитя человечье как одиноко и слепо
 предчувствие давит на грудь и велит ты гори там
 и сущестительное по имени небо
 впотьмах откликается керосиновым метеоритом
 дитя человечье нас ждут в небесном аиле
 забвенное имя и прошлого стылые стогна
 голодные злые борзые опять затравили
 дорогу и пешеходов и дом и ждущие окна
 предчувствую ужас провижу сестёр на кружале
 детей пригвождённых вилами к стенам

лицо гражданской войны роддомы где нас рожали
чумную зарю над Ошом Джалалабадом Узгеном
павшие толпы в нелепом смертном поклоне
неубранных тел неотпетых непогребённых
ребёнка в оранжевом платье на мёртвом балконе
распятыя деревьев и тоже над каждым ребёнок
вот площадь иуда сыт по горло осиной
от зверя разит перегаром дрожа обнажилась держава
толпа польхает со всей пренатальной силой
тужится вспомнить по имени лоно пожара
смад копоть и смерть столетия спасаются бегством
реченья черты и надежды вливаются в реку
уже на дунганском уйгурском турецком узбекском
заплакал поток убегающий к новому веку
расхристанный ропот беженцы и границы
безглазые лики жилищ гром в бронхах подонков
что было в нас вложено в памяти не сохранится
святилище предков умрёт в экскрементах потомков
кентавры суккубы сатиры из частной отары
и мелкие бесы из позднего скучного мифа
всё позже сольётся в невнятные мемуары
в немыслимом танце отродья скуластого скифа
дреколье и факелы над собой воздымая
на грязную плоть водружая гранатомёты
вновь пересекают вселенную месяца мая
тени дождя о брат мой клыкастый ты кто за кого ты
и вслед за весною спалившей себя до травинки
волоча автомат смеясь с лицом гамадрила
бредёт мертвоглазая осень по наркотропинке
в крови дотлевают холодный оргазм эфедрина
ночь зимняя сказка дней безымянная смена
полёт гуманизма приторный сон шелкопряда
и снова дитя человечье бездомная серна
и бредит луна и под небом узор винограда

МАТРИЦА

не ищи за деревьями леса
а в песках мановенья воды
всё что в нас тяжелее железа —
только отзвук погибшей звезды
только отсвет вселенной багровой
где мгновеньями вечность качнём
мы бездомное пламя сверхновой
злая искорка в небе ночном

смутный разум впотьмах разметала
зов сирот исчезающий свет
лишь ментальная тяжесть металла
нас уверит что нас уже нет
это знание недолго продлится
краткий разум в награду зачти
матерь матрица злая таблица
первосмыслов слепые зрочки

ВЕК БЕЗЪЯЗЫЧЬЯ

Памяти Льва Шеймана

Вот и скончался один, верен и истов,
весь — от родин до седин — из пушкинистов,
вот и шагнул на покой, с верой в бессмертье,
левой усталой рукой грея предсердье,
высоколобый мудрец в шапочке чёрной,
в хитрую дуду игрец, бедный учёный,
жрец, одинокий старик из чародеев,
из книгочеев, из книг, из иудеев.

Вот и вперил он во тьму старое око,
с несоразмерным ему даром пророка,
даром, что так он скрывал от недоумков,
даром, что прятал в провал, тьму переулков.
Жить не наскучив, едва, без многоточья,
сдал он в канун Рождества все полномочья,
соединяя в судьбе твёрдость и гибкость,
уединяя в себе Тору и Библиос.

Вот и не переборол хвори и боли —
и ничего не обрёл в смертной юдоли.
Мудрости солнечный звон — тоже обитель:
нищий, творец, робинзон, нравоучитель!
Книжник в разлуке зачах с далью и ширью —
у перемирья в глазах блеск двоemiрья,
где над кострами из книг в детском обличе
учит язычник Язык — в век безъязычья.

Прежде бывало легко и высоко с ним,
виделось так далеко по високосным,
да и по прочим годам, памятным датам,
Слова летучим следам, снам бесноватым.
Это запомните, мы, кто здесь остался,
кто ни сумы, ни тюрьмы не зарекался,

кто не боится сейчас светлого завтра,
кто выбегает встречать Год динозавра.

Будут покровы чисты смертного ложа —
мудрости и доброты тяжкая ноша,
где остаётся печать чести и долга,
где остаётся молчать книжная полка,
где ни земли, ни воды, Божия духа,
ни шестикрылой звезды — только разруха,
только уход на иглу, мимо знамени —
в потустороннюю мглу,
в холод,
в забвеньё.

* * *

Я гимны прежние пою...

А.П.

Нас было много на челне
со знаком пепла на челе —
и, подчинясь каким-то рунам,
мы за каким-то, блин, руном
гребли куда-то там с трудом...
Но что поделывать: мир был юным.
Нас было много на челне,
когда заплакал в тишине,
в хлеву — малыш, дитя мигрантов,
и Вифлеемская звезда
покрыла светом навсегда
мечты пигмеев и гигантов.
Нас было много на челне.
И жизнь мы прожили вчерне,
и все зарыты в чернозёме —
за родину ли, за царя,
за первого секретаря,
за то, чтоб мыши жили в доме.
Нас было много на челне,
когда в Афгане и Чечне
кричала в нас пригоршня праха,
и луч по танковой броне
скользил — и в вышней глубине
мы шёпот слышали аллаха.

Нас было много на челне —
в который век? в какой стране?
О, по какой мы шли трясине
и не запомнили святынь:
звезда Полярная, земля Аминь,
но веры нету и в помине.
В дерьме, в огне, в родной стране,
но с Божьим словом наравне
в аду, в раю, идя по краю
и повторяя «Мать твою!..»,
я гимны прежние пою
и родину не укоряю.
Нас было много на челне...

Елена Копытова

Родилась и живёт в Латвии. По образованию — юрист, по профессии — преподаватель вуза. Автор печатных и сетевых публикаций стихотворений, лауреат, призёр и победитель ряда литературных конкурсов.

ГОРОД ТЫ МОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ

Чётное и нечётное — улицы арифметика.
— Не говори мне лишнего, ведь всё равно — не то!
В красном трамвае с рожками — шумные безбилетники.
В зыбком морозном мареве — клетчатые пальто.
Как не поверить в лучшее, если в кармане — семечки,
Город мой, опечатанный в памяти навсегда —
старой ушанкой кроличьей, булочкой трёхкопеечной,
струнными переборами, искрами в проводах...
«Винный», «Пивной», «Закусочный», в меру обезображенный
пряным закатным соусом; кухонный шут и враль...
— Город ты мой единственный, памятью приукрашенный,
был ты таким «безбашенным», выл в голове февраль.
Хватит. Откуролесили. Впору бы образумиться.
Время упругим яблоком катится в никуда.
Но... за подкладкой Города, в тесном кармане улицы
прячется сумасбродная — только моя — звезда.
Капли летят за шиворот. Ветром лицо исколото.
Жёлтый фонарь качается. Мокрая тень дрожит.
— Город ты мой единственный,
ну, извини — какого ты
лешего бестолкового — стал мне таким чужим?
Что остаётся? — Вымокшей тенью бродить по улицам,
жадно курить и сплёвывать в чёрные пасти луж.
Город ты мой простуженный, что же ты так нахмурился?
Сколько в тебе утоплено эдаких «мёртвых» душ?

ДЫМЫ ОТЕЧЕСТВ

Всё мимолётно и непоправимо.
Лохмотьями на шпильях — облака.
Отечество клокочет едким дымом
в прокуренной груди товарняка.
В ознобе Город; каждый перекрёсток
вздыхает: «Лишь бы не было войны!»...
— А помнишь,
мы в безумных девяностых
взрослели на развалинах Страны?
Наш мир, давно потерянный, не рухнет.
Нам — по большому счёту — всё равно,
когда и с кем на тех же самых кухнях
пить то же полугорькое вино —
за то... чтобы у стен отсохли уши,
чтоб слово закипело, как слеза.
А Бог молчит, с прищуром глядя в души,
в который раз не знает, что сказать.
Возьмёт — по паре — всех (как при Потопе),
чтоб каждый удивлялся, что — живой,
пока по угасающей Европе
гуляет призрак Третьей мировой...
И мимо проплывают чьи-то лица —
глаза в глаза — сплошной «лицеворот»...
но будет перевернута страница,
и Стрелочник часы переведёт.
...а время... —
ни черта оно не лечит! —
«Мгновения... как пули у виска»...
— Давай покурим, все дымы отечеств
бесстыдно выдыхая в облака.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В плацкарте — разговоры «просто так»:
— В Европе, говорят, священник — падре?
Здесь тёплая людская теснота —
впритирку, как в фойе кинотеатра.
Стучат колёса, как ...-цать лет назад.
«Москва — Чита»? Неважно! Здесь — всё то же.
Есть главное. О нём не говорят.
Его впускают иглами под кожу.
Всё было просто. Снял с гвоздя пальто...
Вдгонку: «Ищешь родину на вырост?»
Успел подумать: «Пусть! А судьи — кто?»

Ушёл ни с чем, и там ничуть не вырос.
Как рассказать о том, чем не жил там?
Здесь за окном — дымком зелёным озимь.
В полях на краски дышит Левитан,
губами выколдовывая осень.
И нерестится омут голубой,
где облака ныряют окунями...
Так родина становится тобой,
врастая в душу небом и корнями.
Дышать горчащей лиственной пургой
и окающим гулом колокольным...
В печи — зола. Обжечься кочергой,
отдёрнуть руку... Радостно, что больно!
Так надо. Возвращаешься седым.
В судьбе не остаётся «белых пятен».
В гортани закипает едкий дым...
а Чацкий прав: он «сладок и приятен».

КУКУШКА

...а кукушка молчит и не будит Лихо,
ведь куда спокойней в сухом гнезде,
если осень пишет неразбериху
проливными вилами на воде.
Тракт распух. До города не доехать.
Кровоточит небо семь дней подряд.
— Не хандри! У нас новый доктор — Чехов.
Может, слышал? — Правильный, говорят.
Небеса зашить журавлиной нитью
для него — привычные пустяки.
Нас несёт нелёгкая с яркой прытью
по раскисшим хлябям слепой тоски.
Это осень. И хорошо, что грустно.
Пусть болит похмельная голова!
Дом пропах антоновкой и капустой.
Гусь пока жирует (до Рождества).
Разговоры долгие всё насущней. —
«Новый барин — старому не чета»...
(Старый барин всегда почему-то лучше.)
До зимы осталась одна верста,
да и та утоплена в тучах хмурых...
Перетерпим. Будет опять весна.
А кукушка молчит, потому что — дура,
раз не верит в лучшие времена.

Алина Дадаева

Родилась в 1989 году в городе Джизаке (Узбекистан). Автор многочисленных публикаций в журналах и сборниках. В 2014 году вышел сборник стихов «В узелки заплетая шарады...». Принимала участие в Форуме молодых писателей России и Международной писательской программе университета Айовы (США (2016)). В настоящее время живёт в Мексике.

* * *

Шорты в заплатках, травинка за ухом,
бабка Зулейка окликнет: «Зайнъка!»
на полурусском присвистнет: «Олинка!»
А на верёвке у бабки — облако
сушится вместе с атласным лифчиком,
и не понятно, что больше — лишнее.
Кошка сидит у конюшни в ступоре:
чашку разбила с вареньем тутовым.
Чешутся кони боками дряблыми,
кошка — в тутовнике, кони — в яблоках.

* * *

В сумке — снежинки и сказки Гоцци.
Все помянешь ушко иголье
и неприступное божье царство.
Спрячешься в норку — и будешь счастлив,
спрячешься в строчки — и будешь частью
тех беззастенчиво безучастных,
тех, существующих параллельно.
Между озябших еловых веток.
Между фонариков новогодних.

* * *

Выдуваешь губами пар,
на пару
с люками на проезжей части,
слушаешь, как набухает воздух.
Воздух, который
станет птицей,
белой,
взъерошенной,
но сначала —
бездной
невывказанных и горьких.
Всё потому, что больное горло.
Всё потому, что под горлом — сердце.
Все потому, что под сердцем — голо.
Катятся тени с подлунной горки,
ветер следы на снегу качает.

НАБРОСОК

Так зимой и не в зиму — а будто слеп
или будто репчатый режешь лук,
и не видишь из-под опухших вежд,
и не видишь на шаг и ещё окрест,
как легко опускается след в снег,
как легко опускается свет в пыль.
а потом по земле — и немного вглубь,
а потом по ребру — и немного меж.

* * *

Звук становится светом, если
вместо гаммы выводишь спектр.
Пихты — это немного ели,
море — это немного пена.
Пепел был бы цветнее, кабы
сквозь него прорастали маки,
Мекка — это уже Кааба.
Точка — это уже прямая.

Сергей Пагын

Живёт в городе Единцы. Автор четырёх книг стихов: «Обретения» (2002), «Прогулка в ноябре» (2005) «Сверчок в радиоприёмнике» (2008), «Перед снегом» (2012). Финалист и дипломант Международного поэтического конкурса имени Н.С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011). Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия, 2012/2013). Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

* * *

Из какого глядим мы покоя,
если в злой суете бытия
вдруг на нас налетает такое:
«Боже мой, что здесь делаю я?!»
Из какой тишины безмятежной
слышим гам у базарных ворот,
лай собак, одинокий неспешный
захолустного времени ход?
Значит, кто-то берёт нас легонько
в чудотворное небо своё
на секунду нездешнюю, только
нам до смерти хватает её.

* * *

Такая во сне уязвимость,
как будто бы сняли с меня
ладони Божественной милость
среди бесконечного дня,

в котором ни ветки, ни птицы,
ни тёмного дома вдали...
Но можно и здесь заручиться
угрюмой поддержкой земли.
Но можно и здесь надыхаться
игольчатым воздухом впрок,
на гиблом ветру удержаться
за светлый репейный комок;
его золотые ресницы
в руке шевельнулись моей,
чтоб в линию жизни вцепиться,
не дав улетучиться ей.

* * *

И в слово лёгкое вместишь ты напоследок
косматый промельк придорожных веток,
на пальце мёд и варежку в снегу...
Куда-то вдаль над местностью печальной
оно плывёт ладьёю погребальной,
а ты в траве сидишь на берегу.
Но будет день, и будет ночь кривая,
и ты пойдёшь, пути не разбирая,
водой ли, глиной, воздухом во мгле.
А там зима растёт из рукавицы,
и снег встаёт, и вспорх синичий длится,
и твёрдый мёд сияет на столе.

* * *

Как будто кто нарушил зрение
одним движеньем светлых рук —
простых вещей преобразование
мне всё мерещится вокруг.
Вот груша жёлтая и в крапинку
в ладони дрогнула, светясь.
Блестит бронзówka — словно запонка
в траве отцовская нашлась.
И детство сладкое и длинное
лениво возникает тут,
пока булавка стрекозиная
скрепляет облако и пруд.

* * *

В самих себе мы — дикая вода,
не знающая музыки и слова.
Над нею жизнь проходит без следа,
без всякого прибьтка и улова.
Она нема, она глуха, как сон,
по ней скользят события-водомерки.
И если мир в ней как-то отражён,
то это просто судорога ветки,
и всплеск огня, и детский влажный рот,
скользнувший над, смеющийся, и снова
приходит смерть — и тут вода встаёт,
перетекая в музыку и слово.

Елена Карелина

Ака Геля Глядсхейм (Gelya Glyadsheim) родилась и живёт в Санкт-Петербурге. Член Международного союза писателей «Новый современник». Призёр Международного Грушинского интернет-конкурса 2014 года в номинации «Поэзия». Диплом «За поэтическое мастерство». Международного Грушинского интернет-конкурса 2015–2016 годов в номинации «Поэзия»).

Публикации в различных изданиях. В г. Торонто (Канада) в 2014 году издана книга «Здесь и сейчас» (издательство «Альтаспера»).

обратно

Уже — другая история, в которой — другие лица.

Власть едет обратно — в Питер.

Так с юга кочуют птицы
Весною — к родимым гнёздам, где в небе берёзово-ломком
Впервые расправил крылья...

Трамваи грохочут звонко.
Ветра раскачали шпили.
Нева опрокинулась в море, разбив о валун колени.
Балтика пахнет йодом и волны о берег пенит.

Зажило. Давно. Не плачу.

Ржаво скрипят качели...

Подписано: Афродита.
Адрес: Тебе, Боттичелли.

купорос

Каждое утро — Литейный мост.
Русалочья маета —
На бронзу Невы выливать купорос
И — хорошо бы — летать
С ангелом — над Петербургом парить.
Бросив монеты в колодцы дворов,
Города драйв перемножить на ритм...
...На аритмию стихов...

ступени

Бежала.
Гранит на ступенях округло-истёртый.

Держала фасон так, как паузу держит актёрка.

Носила в решётах солёную горькую воду.

Просила кого-то о чём-то.
Нет, это не трогай.

Не трогай ни это, ни прочее.
Время излечит.

Но как обмануться, когда собирается Вече,
Когда всё по новой...

Ступени истёрты до блеска.

Актёрка, держись, это жизнь, jеvousprіe...

...Просто — пьеска.

февраля

дом ощерился подворотнею
и прижмурился занавешенно
неизменное — прошлогоднее
бродит в сумерках тенью бешеной

дождь свинцовый стекает суриком,
жёлто-грязные стены вымарав
у мазуриков и хануриков
ни отечества нет, ни имени

билась лестница в сине-хрупкое
февраля — до изжоги налито
сизым голубем за голубкою
выкурлыквивать шибко маетно

в подземелье с жетоном прыгая,
задыхаюсь — в толпе потеряна
звонко пелось молчанье рыбами:
очешуиться — дело времени.

надёжное

афиши намокли — в ладоши
захлопает зритель — прелестно.
забытая кукла и кошка
поют колыбельные песни.

ни оха, ни аха — вдогонку —
к чему эти вздохи — напрасно.
трамвай под дождём — дважды звонко
покатится пятница — праздник!

...и только, свернув в подворотню,
уткнувшись в надёжное эхо,
позволишь себе ты сегодня
завыть — до икоты... до смеха...

Злата Линник

Петербургский писатель и переводчик. Родилась и живёт в Петербурге, окончила Санкт-Петербургский государственный университет по специальности «Романская филология». Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей. Автор книги «Озерковская ведьма» и трилогии про вампиршу Элеонору. Переводит с французского исторические романы и детективы.

ТЁМНЫЙ КОРИДОР

Интерес к магии и волшебству особенно усиливается в переломные моменты истории.
(из газетной статьи)

Совы — это не то, чем они кажутся.
(сериал «Твин Пикс»)

*Из интернет-дневника
одного из пассажиров
автобуса «Финнорд-экспресс»*

Начинаю своё еженедельное путешествие Петербург — Хельсинки. Для тех, кто не в курсе: цель поездки — провести уикенд с любимой бабулей. С ней мне круто повезло, и не только потому, что она живёт в дальнем зарубежье. Но сейчас я хочу поведать миру вовсе не об этом.

Только что обогнали целую колонну грузовых фур, ещё такая же движется нам навстречу. Между ними шныряет целая стая легковушек — это отправляются в коммерческий тур представители отечественного частного бизнеса, которые в графе «цель поездки» неизменно указывают «туризм». На самом же деле они собираются осчастливить жителей государства

Суоми товарами, приобретёнными на московском оптовом рынке, не говоря уже об обязательном наборе: блок сигарет и литровая бутылка «огненной воды». Для меня всегда остаётся загадкой, как они провозят свои клетчатые баулы незаметно для бдительного ока таможенников. Явно не обошлось без вмешательства инфернальных существ — другого объяснения здесь не найти.

Прямо сейчас одно из вышеупомянутых транспортных средств появилось у меня в поле зрения. Пользуясь остановкой у очередного светофора, постараюсь описать этот движущийся объект. «Жигули» тёмно-зелёного цвета, год выпуска непонятен — скорее всего, сразу после Олимпиады-80. Внутреннее убранство салона не разглядеть — мешает стопка туго набитых клетчатых баулов высотой едва ли не до потолка. Загорелся зелёный свет, легковушка рванула с места, за ней ещё две — судя по всему, члены того же клуба.

Дорогие читатели, оставайтесь с нами — я перехожу к самому интересному. Всем пассажирам, независимо от транспортного средства и цели путешествия, неизбежно предстоит пересечь аномальную зону. Этот участок в несколько километров между Выборгом и финской границей вроде бы находится в цивилизованной местности. Но как тогда объяснить тот факт, что на протяжении нескольких километров здесь не встретишь ни автозаправки, ни придорожного магазинчика из тех, где можно купить практически всё: от запчастей до аккуратно упакованной вязанки дров.

Единственным достойным упоминания объектом является заброшенный пост ГАИ, но сфотографировать его не удалось — пронесли на максимальной скорости. Водители легковушек тоже погнались как ненормальные. И такое происходит каждый раз. Говорят, здесь строжайше запрещено останавливаться и тем более подбирать голосующих на обочине граждан. Ерунда, конечно, но стоит только взглянуть на тёмный лес — ёлки, кажется, так и тянут к тебе ветки, причём не с хорошими намерениями; болота, над которыми всё время туман, — поневоле поверишь в то, что здесь полно оборотней и прочих аномальных созданий.

Кстати, немаловажный факт: на протяжении нескольких километров здесь нет ни одного работающего фонаря. Об этом даже упоминалось в новостях: коммунальная служба буквально разоряется на лампах — любой хватает только на несколько минут. Возможно, из-за этого аномальная зона и получила своё неформальное название — «Тёмный Коридор». Должен заметить: здесь чувствуешь себя жутковато даже на втором этаже автобуса.

А пока я описывал местные достопримечательности, мы благополучно миновали Выборг и приближаемся к вышеописанной аномальной зоне. Большинство пассажиров уже закрывают окна занавесками. По виду в салоне начинается боевик с Брюсом Ли, поэтому я прерываю своё повествование.

В поддержанном микроавтобусе

Автобан не космос,
Дойчланд не Россия,
Едут по Германии
Русаки косые...

— Выключи это! Сию же минуту выключи!

— А чего «выключи»-то? Хорошая песня! — толстяк в «типанайковском» спортивном костюме с озорной ухмылкой повернулся к жене, даже не подумав сделать магнитофон потише.

— Ну давай, слушай, там дальше как раз про тебя! — набросилась на него женщина с короткой «химией», поправляя китайскую толстовку, еле сходящуюся на мощной груди. — Забыл, что ли, где едем?

И теряют пачками
По пути права... —

как бы в подтверждение её слов продолжил хрипловатый баритон.

— Мам, а это уже Тёмный Коридор? — подала голос с заднего сиденья дочка, дожёвывая очередной «Сникерс». — Почему тогда здесь так светло?

— Потому что ещё день, горе ты луковое! — сердито плюнула женщина, выключая источник шума и оборачиваясь назад. — Вот стемнеет — увидишь, каково здесь! А морду чего намазала? Кому глазки строить собралась? Сотри это всё от греха подальше, а то на таможне знаешь за кого примут!

— Слушайся мать, Анжелка! — подхватил снова повеселевший толстяк, нажимая на педаль газа. — Всех, кто плохо себя ведёт, забирает Мёртвый Гаишник. И устраивает им трудовое воспитание — на огороде с могильными плитами.

— Да ты что, совсем сдурел?! Разве можно о таком вслух, да ещё и здесь, на ночь глядя?!.. — От возмущения женщина едва не поперхнулась и тут же испустила горестный вопль. — Батюшки светы, допрыгались! Говоришь вам, говоришь, а вы не слушаете! Что же теперь будет, ой, пропали мы!

Не успел супруг возразить, что днём у аномальных созданий нерабочее время, а дочка — поинтересоваться подробностями перевоспитания, как посреди дороги неизвестно откуда возникла фигура в серой милицеской форме. Худой мужчина грозил полосатым жезлом, приказывая остановиться. При попытке его объехать он всякий раз непостижимым образом снова оказывался перед машиной. Дочка на заднем сиденье завизжала от страха и сделала попытку спрятаться за стопкой туго набитых клетчатых баулов.

— Харе скулить! — рявкнул на неё отец. — Бомжа какого-то испугались: купил на толкучке форму и лохов пытается разводиться. Знает, что здесь народ в Финку ездит. Вот тебе, видал?!

С этими словами мужчина высунул руку в форточку, состроив излюбленный жест героев американских видеофильмов. Но незнакомец в уста-

ревшей милицейской форме и не думал сдаваться. Несколько километров он бежал, не отставая и норовя сунуть в окно штрафную квитанцию. Наконец, изловчившись, он сумел кинуть её в приоткрытую форточку возле водительского места. Взлетев под потолок, тонкая желтоватая бумажка плавно опустилась на колени девице, которая от страха разревелась, растирая по лицу разводы от туши и теней и не решаясь даже притронуться к жутковатому «сюрпризу». Лицо человека в милицейской форме ещё больше побледнело, глаза загорелись красным, а на руке, упорно цеплявшейся за бок машины, отросли впечатляющих размеров когти. Хотя со страху чего не привидится, особенно после нескольких просмотренных по видею ужастиков...

Постепенно смеркалось, но фонари, стоящие по обе стороны от шоссе, и не подумали зажигаться. На километр впереди царил темнота, нарушаемая лишь светом фар. И в самом деле, коридор — ни дать ни взять.

Через несколько минут отчаянной гонки микроавтобус влетел на освещённый участок шоссе.

— Наконец-то отстал! — с облегчением выдохнул водитель. — Вот ведь упёртый какой! Чесал, блин, как спринтер! Не иначе, из бывших спортсменов. Ну, всё, проехали, успокойтесь уже. Анжелка, глянь, что он тебе на колени бросил — часом не любовную записку?

Но никакой бумажки не обнаружилось. Вместо неё на светло-голубых джинсах оказалась кучка не то пепла, не то невесомой истлевшей бумаги, которую девушка тут же стряхнула на пол.

— Что-то там сзади скрипит не по-хорошему, — заметила женщина. — Ты бы остановился, посмотрел.

На задней части кузова красовались вмятины и борозды от когтей, которые местами пропоролы заднее крыло насквозь.

— Ну всё, плакала наша торговля, — подвела итог женщина, расстроенно качая головой. — Кто нас, таких красивых, в европейскую страну пустит... А всё ты, ирод! Говорила же: не зли кого не надо, а тебе всё как об стенку горох!

*За два года до описанных событий.
Маленький городок под Хельсинки*

— Ну, как ты здесь устроилась? Не скучаешь после культурной столицы?

Мама, которая не представляла себе жизни без музеев и концертов в Филармонии, на удивление всем знакомым взяла и вышла во второй раз замуж. Уехала из Питера в почти европейскую страну. Правда, мамин избранник оказался не просто вдовцом-пенсионером, у которого дети разлетелись из родительского гнезда, а председателем городского исторического общества, таким же страстным краеведом, как и она сама.

Микко Роихио — просто классный старик. Для своих семидесяти с хвостиком выглядит самое большее на пятьдесят, зимой ходит на лыжах

и снегоступах, летом не слезает с велосипеда. Жаль только, по-английски почти не говорит, и по-русски только пару слов — особенно не пообщаться.

И всё-таки Константин никак не мог понять маму: переехать из Питера в посёлок, где всего десяток домов... Хотя дом очень даже ничего, да и сам посёлок не производит впечатление заброшенной глубинки. Но есть ли там что-нибудь достойное внимания культурного человека?

Будто услышав его мысли, мама, едва они допили кофе, сразу потащила сына «обозревать окрестности».

Так он и думал: супермаркет, кафе постройки второй половины двадцатого века, несколько довоенных зданий. Но тут на глаза Константину попало нечто вроде хижины или шалаша. Такие возводят на шести сотках не самые усердные огородники.

— А это ещё что за концептуальный арт-объект?

— Перед нами самая главная городская достопримечательность, — начала мама голосом прирождённого экскурсовода. — Дом шаманки, к которому здесь относятся с большим почтением. Дата постройки неизвестна, может принадлежать и к XV веку, и даже к более раннему историческому периоду. Сохраняется в аутентичном облике на протяжении уже многих поколений. Во всяком случае, Микко помнит, что, когда он был маленьким, дом выглядел точно так же, — добавила она уже обычным голосом. — То же самое рассказывал его дед. Шаманка Анни считается хранительницей этого города. Правда, когда она здесь жила, это был не город, а скорее охотничье поселение. Согласно легенде, она отправилась в путешествие и просила в её отсутствие присмотреть за домом. Жители города (а точнее — общество краеведов) заботятся, чтобы здесь всё было в порядке. (...)

Год спустя

— Не может быть! Ты же мне сама говорила, что дом шаманки — городской талисман, чуть ли не национальное достояние! Не могут его просто так взять и снести!

Обстановка в маленьком коттедже, где ещё недавно сразу чувствовалась атмосфера спокойствия и семейного счастья, сейчас больше напоминала похоронную. Мамин муж, который теперь выглядел старше своего возраста, произнёс длинную малопонятную фразу.

— Микко говорит, что всё дело в частной собственности, — перевела мама. — Участок, где стоит дом, принадлежал старому Сеппо Хервели. Туристический концерн уже давно предлагал ему за него хорошие деньги, но Сеппо даже пригрозил пожаловаться властям, если его не оставят в покое. А его наследники давно перебрались в Америку — им нет дела до исторического наследия и моральных ценностей... Дорогой, тебе вредно так волноваться. Подожди, Костик, я сейчас.

Мама поднялась с места, достала из аптечки успокаивающее и, накапав в стакан воды, подала мужу. На старика было жалко смотреть. Как будто он сам только что остался без крыши над головой.

— Подождите расстраиваться, — заговорил Константин со всей возможной убеждённой. — Здесь же свободная страна, к историческим памятникам отношение нежное и трепетное. Власти обязательно разберутся. Этому концерну такую рекламацию вкаты — вот увидите!

Поняв всё без перевода, Микко отрицательно покачал головой.

— Дом шаманки не охраняется государством, — ответила за него мама. — Я тебе уже об этом рассказывала. Беречь его было личной инициативой семьи, владевшей участком. Никто не вправе помешать наследникам господина Хервели распорядиться своей собственностью.

— Но, мама, помнишь, как тогда у Тишкиных? Отстояли же дачный кооператив, не дали снести!

— Думаешь, здесь не пытаются? Чтобы финны вот так вышли на улицу с плакатами, надо очень и очень много. Краеведческое общество делает всё, что в его силах. Пригласили корреспондентов, даже с национального телевидения приезжали. Пока всё безрезультатно.

(...)

Константин почувствовал себя так, будто, приехав отдохнуть, оказался в гуще боевых действий. К тому же и события вокруг дома шаманки Анни с самого начала не были ему безразличны. Тем более он не мог видеть, как переживают мама с Микко...

— Я сегодня прошёлся, посмотрел: там, можно считать, не заперто, — сообщил он маме, понизив голос до еле слышного шёпота и оглядываясь вокруг. — Ни сторожей, ни собак. Вся техника уже там, наготове. Дом пока цел, но завтра за него точно возьмутся. Короче, нужен сахар. Сыпануть немного в бензобак — и всё, финита ля комедия!

— Но это же незаконно! И потом, там явно есть видеокамеры.

— Мама, ты помнишь, где я работаю? Таких видеокамер знаешь сколько установил! Отключить на несколько минут — ничего сложного, можешь мне поверить.

— Тогда будь осторожен, и в случае чего я заявлю, что весь день ты был с нами, — ответила мама тоном патентованной заговорщицы и добавила уже по-фински: — мы все вместе смотрели новый сериал. Правда, дорогой?

Старик, с подозрительной настойчивостью посматривающий на стену, где висело древнее охотничье ружьё, улыбнулся и поднял вверх большой палец.

Ему даже не пришлось заходить на территорию, огороженную забором. Всё произошло само собой. Больше всего на свете Константин жалел, что не взял с собой видеокамеру или хотя бы фотоаппарат. Вместо этого захватил охотничий бинокль, который Микко в обстановке строгой секретности одолжил у кого-то из соседей.

Константин решил действовать по всем правилам. Для начала произвести разведку. Бессменная рождественская ель для этого подходила как нельзя лучше. Забраться на высоту примерно четвёртого этажа тоже

не составило особого труда — занятия в студенческом альпинистском кружке не прошли даром.

С высоты стройплощадка была видна как на ладони. Освещено, будто театральная сцена; плакаты с изображением перече́ркнутой видеокамеры и что-то по-фински: не иначе грозятся. Дом шаманки по контрасту с освещённой площадкой выглядел, наоборот, тёмным и заброшенным. Обречённым, так их перетак!

Техники-то навезли! Бульдозер, парочка грузовиков, ещё какие-то механические монстры. Ждут утра, чтобы совершить своё чёрное дело. Ну, уж нет! Не на того напали! Итак, приступим. Значит, в том углу у них генератор. Первым делом надо будет отключить свет, затем видеокамеры, потом перейти к главному. Миссия выполняема!

Но тут произошло нечто совершенно невероятное, не поддающееся никакой логике. Сперва Константин отказался верить своим глазам. Потом, когда он рассказывал о событиях этой ночи, мама недоверчиво качала головой, а Микко заговорщицки подмигивал, пожимая одну руку другой.

Внезапно все лампочки сперва загорелись вполнакала, а затем ослепительно ярко вспыхнули. Стало видно каждую травинку, каждый сучок на стене дома, не говоря уже о машинах — те были освещены так, словно их собирались фотографировать для каталога или рекламного буклета. И тут бульдозер, стоявший ближе всех к ели, с которой Константин так и не успел слезть, затрясся, будто через него пропустили ток высокого напряжения. Пару минут спустя он начал сам собой распадаться на отдельные детали. Отвалилась и с шумом рухнула на землю дверца, выскользнули из окон кабины стёкла, раскатились в разные стороны мощные колёса. С металлическим звоном лопнуло что-то внутри. Выпали и рассыпались по земле мелкие детали.

Вскоре такая же участь постигла и остальные машины. Не прошло и пяти минут, как на месте строительной техники громоздилась беспорядочная куча металлолома.

Мама с Микко так и не поверили, что он здесь ни при чём, и уговорили его на следующее же утро вернуться в Питер. О дальнейших событиях Константин узнавал из маминих электронных писем и новостей, которые выискивал во Всемирной Сети.

Несмотря на позднее для Финляндии время, музей оказался открыт. (...) На стене прямо напротив входа висела старинная гравюра. Там путешественники увидели женщину — скорее всего, среднего возраста, с длинными тёмными косами одетую в кожаное платье, расписанное причудливыми узорами. Рядом с женщиной находились волки; именно лесные хищники, а не большие собаки — в этом не было никакого сомнения. Один из волков ластился к ней, как большой щенок, двое других спокойно сидели рядом. Гравюра не была таким уж произведением искусства; по стилю исполнения она походила на немного наивные иллюстрации к книгам позапрошлого века. Но сказать, что женщина была нарисована как живая,

значило бы не сказать ничего: казалось, что сейчас она повернёт голову или улыбнётся, а если на минуту отвести глаза от гравюры и посмотреть на неё снова, что-то будет уже другим.

— Девчонки, вылитая наша старушка с болота! — неожиданно воскликнул Вениамин. — Ну один в один, только лет на десять моложе. И без кроссовок.

— Не может быть! Здесь написано, что в последний раз её здесь видели триста лет назад.

— Идите сюда, здесь такое! — Лида буквально захлёбывалась от волнения.

Оставшаяся часть экспозиции оказалась посвящена совсем недавним событиям. Под стеклом находились многократно увеличенные копии газетных статей, рядом можно было прочесть их перевод.

— Вот вам, пожалуйста, — не могла успокоиться Лида. — В городе видели странно одетую пожилую женщину: была дезориентирована и деморализована; некоторые очевидцы заметили рядом с ней трёх крупных собак.

— Извините, музей уже закрывается, — прозвучало за спиной на чистом русском языке. — Если что-то не успели увидеть, вы можете вернуться завтра.

В следующее мгновение служительница музея замерла, с удивлением переводя взгляд с гравюры на Лиду и Вику и обратно. Должно быть, она собиралась что-то сказать, но в это время где-то в служебном помещении раздался телефонный звонок, и женщина поспешила ответить на него.

Несмотря на то, что нашлась завалившаяся за сиденье карта и выяснилось, что добраться до Хельсинки можно за полчаса, путешественники решили заночевать в этом городе. Вениамину, который отправился «на разведку», удалось выяснить, что гостиница практически пустует и здесь можно за те же деньги переночевать с гораздо большим комфортом.

Наутро они отправились на ставший уже привычным рынок, а в начале шестого уже ехали по направлению к границе. Так как любимую кассету Вениамин почему-то не мог найти, Хельсинки покидали под самое подходящее к случаю музыкальное сопровождение: «До свиданья, мой любимый город, я почти попала в хроники твои...».

— Кстати, Вениамин, — неожиданно заговорила Вика. — Вот здесь уже сколько времени ездешь — неужели ни разу не интересовался, как появился Тёмный Коридор?

— Ну, мало ли, что само собой появляется... Когда мы с Ларой только начинали встречаться, у меня деньги на кино и кафе сами собой появлялись. То подработать где-нибудь удастся, то ещё что-нибудь.

— А как же Хельга? — нерешительно спросила Лида.

В ответ лишь Вениамин отмахнулся.

— Сам не понимаю, что это было: погода, что ли, действует.

На таможне провели больше времени, чем предполагалось вначале. Нет, проблемы возникли не у экипажа зелёных «Жигулей». Знакомый

Вениамина, владеющий в Питере магазином подержанной бытовой техники, отвлек на себя внимание всей смены. Подъехав к таможне, трое путешественников услышали, как грузная тётка в обтягивающих рейтузах произносит пылкую речь. Какая ещё промышленная морозильная камера?! У них в багажнике всего лишь холодильник для хранения домашних солений. Да, это уже пятый, ну и что? А варенье и домашние морсы с компотами где-то хранить надо? Желаящие могут поехать к ней на дачу и убедиться во всём самолично.

Сотрудники таможни с удовольствием слушали её, восхищались, но тем не менее всё равно оставались при своём мнении.

Подруги уже втихомолку радовались, что необдуманно произнесённое заклинание развеялось, но тут Вика заметила, что рослый таможенник средних лет на мгновение отвлекся от работы и украдкой посмотрел в её сторону.

Таких влюблённых взглядов она не ловила уже целую вечность.

Тамара Скобликова-Кудрявцева

Член Международной федерации журналистов, заслуженный работник Российской Федерации, по воле случая оказавшийся в «коридорах» Смольного. Несколько лет была главным редактором пресс-центра мэрии Санкт-Петербурга. В качестве журналиста брала интервью у известных деятелей культуры.

«КАК ПОЖИВАЕТЕ, ТРУБАДУРЫ РЕЖИМА?»

Я встречала его каждый раз, возвращаясь с работы. Высокий человек с большой собакой. Я переходила мост с цепями, а они шли мне навстречу. Встреча всегда происходила на мосту. Куда шли они, я не знала. Я же — к станции метро «Владимирская». Путь к ней от Лениздата лежал только через этот мост.

Первый раз, увидев перед собой собаку, я отпрянула в сторону. Я боюсь собак. «Она не кусается, она добрая», — сказал хозяин. Но на всякий случай придержал поводок, освобождая мне путь.

«Спасибо». Это были единственные слова, которыми мы обменялись.

Но незнакомец заинтересовал меня. И не только потому, что выглядел импозантным мужчиной. Поражали глаза: задумчивые, внимательные, но какие-то насмешливые.

Теперь, встречаясь на мосту, он раскланивался со мной. Раскланивался как-то по-старинному, сильно наклонившись вперёд, не произнося ни единого слова. Пару раз я оглянулась. Нет, никто не смотрел мне вслед.

Я работала в Лениздате, в газете «Ленинские искры». При газете выходил журнал «Искорка», редактором которого был Вольт Николаевич Сулов. Это был талантливый поэт, прозаик, журналист. Вдобавок муж моей двоюродной сестры Нины. Наши комнаты в редакции находились рядом.

Однажды утром он заглянул ко мне:

— Зайди. Я хочу тебя познакомить с талантливым писателем.

Я зашла. Навстречу мне поднялся мой незнакомец с собакой.

— Тамара, — почему-то удивлённо представилась я.

— Сергей, — коротко сказал он. Потом вдруг добавил: — А вам не идёт ваше имя. Тамары все чёрные, а вы — блондинка. Думаю, натуральная.

— Натуральная. — Моя глупая поспешность несколько смутила Вольта Сулова.

— А давайте уберём один слог, — продолжал мой новый знакомый, — получится Тама. А зачем вам это резкое «ра»? «Ра» — не надо.

От неожиданности я глупо кивнула.

Вольт Сулов наблюдал за нами с изумлением.

— Вы что, знакомы?

— Давно. Только не знали друг друга.

Да, незнакомец умел строить словесный сюжет. Должно быть, я являла собой карикатурное зрелище. Вольт поспешил на помощь:

— Вот, Тамара, будем печатать в «Искорке» молодого писателя Сергея Довлатова.

— Я на вашем месте не был бы так уверен, — сказал Довлатов.

— Ну я же главный редактор.

Когда мы остались одни, я сказала Сулову, что никогда не слышала имени Сергея Довлатова. Ничего его не читала.

— Неудивительно — его нигде не печатают.

— А как же ты?

— Попробую.

На следующий день мы, как обычно, встретились на мосту.

— Как поживаете, трубадуры режима? — весело спросил Сергей. Он посчитал возможным нарушить свой молчаливый поклон. Теперь уже ввиду нашего официального знакомства.

Меня задела эта фраза. Именно по причине не быть «трубадуrom» режима я и работала в детской газете, а скажем, не в партийной «Ленинградской правде». Наша детская редакция была своеобразным оазисом, неким островком «свободы». Так, по крайней мере, нам казалось.

— Никакие мы не трубадуры. Мы детская газета.

— Трубадуры, трубадуры. Помните знаменитую фразу: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Ну не станешь же разводить дискуссию посередине моста!

Примерно недели через две он меня небрежно спросил:

— Не знаете, как продвигается мой шедевр?

Спросил как бы между прочим. Но я сразу почувствовала напряжение. Нет, не просто дался ему этот вопрос.

— Не знаю, но спрошу обязательно.

— Нет, не стоит. Я сам позвоню Вольту Николаевичу. Хотя, когда редактор не звонит, результат, как правило, известен.

— Отрицательный?

— А какой же ещё? — рассмеялся Довлатов.

Мне не был знаком этот «драматизм ожидания». Мои журналистские материалы появлялись в газете прямо из-под пера. Это много позже, отдав свою первую рукопись в издательство, я поминутно бегала к почтовому ящику, открывала его и готова была расплакаться, не обнаружив ответа.

Но тогда я спросила Вольта Сулова:

— А как там рассказ Довлатова?

— Да никак.

— Ты что же, не собираешься его печатать?

— При чём тут я? Ты попробуй пробей эту железобетонную обкомовскую стену!

— Но почему?

— Да потому, что у него антисоветчина в каждой букве. Думал, пронесёт. Но нет...

Встречи на мосту было не избежать. И я не знала, как держаться. Неожиданно Довлатов сам пришёл мне на помощь:

— Звонил ваш Суслов. Печатанье на некоторое время откладываете.

«Молодец, Вольт, — значит, “пробил”», — обрадованно сказала я, встретив Суслова в редакции.

Вольт Николаевич Суслов сразу понял, о чём речь. Он посмотрел на меня с каким-то снисходительным сожалением:

— Наивная ты, Тамара. Ничего я не пробил. Просто я сказал Сергею, что рассказ откладывается.

— Так что же ему морочишь голову? Почему не скажешь прямо?

— Ни в коем случае. В человеке надо поддерживать надежду. Особенно в таком талантливом, как Сергей Довлатов.

Вольт Николаевич Суслов не был «трубадуром режима». Он был честным редактором. И, наверное, раньше многих понял талант Довлатова. «Нездешний талант», — как-то сказал однажды. Но тогда я на него рассердилась.

Сергей ни о чём больше не спрашивал. Но мне самой стало как-то трудно с ним встречаться. Мне казалось, что я участвую в каком-то обмане.

Я и участвовала. Я ведь знала: рассказ не откладывается, он не будет напечатан.

И однажды, вместо того чтобы, как обычно, пересечь мост, я свернула налево, на улицу Ломоносова, дошла до станции метро «Невский проспект» и уехала в своё Купчино. Это тоже был мой путь домой, только чуть более дальний.

Вот, наверное, с таких мелочей и начинаются предательства. Очень скоро я убедилась в том, что, скорее всего, Довлатов не заметил моего исчезновения. Так, наверное, и было. Но фраза «трубадуры режима» надолго засела в моей голове. Конечно, он был прав, этот Довлатов. Журналисты, где бы ни служили (хотя бы и в детской газете), всё равно невольно служили режиму.

Позднее, когда произведения Сергея Довлатова хлынули к нам из-за рубежа и когда все перестроечные издательства принялись его печатать, я встретила эту фразу в одном из рассказов «Чемодана».

...Весть об эмиграции Сергея Довлатова принёс в редакцию всё тот же Вольт Суслов. «Жаль, — сказал он, — такой талант отъехал».

А передо мной вдруг во весь рост встал мой мелкий поступок. Вдобавок в моей жизни появился человек, который ни с того ни с сего стал называть меня Тамой, не зная ничего о Довлатове. Он тоже считал слог «ра» лишним в моём имени.

Прошло несколько лет. В начале перестройки я по приглашению своей подруги уезжала в Америку. «Ты ведь будешь в Нью-Йорке, — сказал редактор, — возьми интервью у Довлатова». К тому времени Сергей Довлатов

был всемирно знаменит. Бойко его стали печатать и у нас, в России. Очарование его прозы разило беспощадно. Мы уже знали и «Зону», и «Заповедник», и «Иностранку»... Его успехи в Америке были ошеломляющи.

Я обрадовалась предложению редактора. Интересно: узнает ли он меня? Неожиданно для себя вдруг выяснила, что все эти годы помнила наши встречи на мосту. Я почему-то не сомневалась, что наша беседа примет дружеский характер и я наконец смогу объяснить, почему перестала ходить через мост. Мне хотелось покаяться в своей трусости.

Перед поездкой меня охватило какое-то странное волнение. Стало вдруг важно увидеть человека на пике успеха и сравнить с тем давним незнакомцем с собакой, никем не признаваемым молодым автором. Я хорошо подготовилась к интервью. Перечитала все, что у нас было напечатано. Даже узнала, что ту собаку звали Глаша... А когда летела через океан, отчетливо поняла: главным в Америке для меня стала встреча с Сергеем Довлатовым.

Я позвонила сразу.

— Сергея нет в Нью-Йорке, — ответила мне его жена Лена. — Он в горах Денвера. Вернётся через две недели.

— К сожалению, я улетаю в Калифорнию, — каким-то тусклым, не своим голосом сказала я. — Мне так необходимо было это интервью.

— А когда снова будете в Нью-Йорке? Улетать вы ведь будете отсюда?

— Да, шестого сентября.

— Замечательно, — сказала Лена, — я запишу вас на пятое сентября.

Но я была разочарована. Мой стройный план рушился. Лена каким-то образом почувствовала моё состояние:

— Не расстраивайтесь. Встреча-то всё равно состоится.

Америка ошеломила меня. Но, несмотря на все удивительные встречи и приключения, которые меня ожидали в пути, я всё время помнила: мне предстоит ещё встреча с Сергеем Довлатовым.

... Мы с подругой заночевали в Сан-Франциско, в гостинице на берегу океана. Перед этим был день, полный потрясений. И сам город, и знаменитые Золотые ворота — этот мост через океан, — и встреча с миллионером Генри Декином и его супругой Вирджинией, и посещение гей-клуба, и проезд по ночному волшебному городу...

Кто мне может объяснить, почему, преисполненная радости, я проснулась в то утро вся в слезах? Тихонько прикрыв за собой дверь, вышла на берег океана. Было раннее утро в Сан-Франциско. Ощущение чуда не покидало меня. Оказаться здесь уже было чудом. Возник сам по себе мотив песни Вертинского: «И, может быть, в притонах Сан-Франциско»... Восторг буквально разрывал меня. Напевая этот мотив, я проходила мимо газетного киоска и вдруг остановилась. На прилавке лежала газета с портретом в траурной рамке. С портретом Сергея Довлатова...

Это было 24 августа 1990 года.

...Гении не живут долго, но гении и не умирают. Недавно узнала, что в Нью-Йорке появилась улица имени Сергея Довлатова. Молодцы американцы!..

Марина Гарбер

Поэт, эссеист. Родилась в Киеве. Эмигрировала в США в 1989 году. Магистр искусств, преподаватель английского, итальянского и русского языков. Автор четырёх книг стихотворений (последняя — «Каждый в своём раю». М.: «Водолей», 2015). Поэзия, проза, переводы и критические очерки публиковались в российских и зарубежных периодических изданиях: журналах «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Литература», «Нева», «Новый журнал», «Плавучий мост», «Слово/Word», «Стороны света», «Студия», «Урал», «Эмигрантская лира», «Шо» и других периодических изданиях. Жила в Европе и США. В настоящее время живёт в Лас-Вегасе, штат Невада.

ОТРАЖЕНИЕ

Уткнуться лбом в попутчицу в стекле,
на чьём лице читается погибель
от безысходной жалости к себе —
той самой, что описывал Нагибин
преклонных лет, когда писал «Дневник»,
там есть пассаж такой: звенит трамвайчик,
а в нём к стеклу... нет, сам к себе приник
красивый и не старящийся мальчик.
Ему кивают грузные дома,
щекочет ноздри сладковатый запах,
и тополя, как всадники Дюма,
покачивают перьями на шляпах.
Но, чу, зеленоглазая, на лапах
приподнялась в конце туннеля тьма.
Куда ушла душа твоя, Ахилл,
всю жизнь проведший в круговом движенье?
Недаром тот, кого ты так любил,
нахмурился в зеркальном отторжении.
Иль это я — неон, стекло, акрил?

Пусть под завязку полнится трамвай
червоно-рутным голосом Ротару,
пока любви настоянный токай
нас наполняет, словно стеклотару.
Так нам, прозрачным, хочется огня
и урожая солнечного сорта,
что дробь и дрожь железного коня
почти отделены от натюрморта.
И той, что горько смотрит на меня,
мне хочется сказать: какого чёрта!
Прочь, ахмадулинские девочки Дега!
Всё без толку, хоть умирай прилюдно.
И, вычтя из портрета облака,
я узнаю в попутчице врага,
что очевидно — столь, сколь обоюдно.
Летят к чертям, в глухой чертог депо
в искрящихся объятиях трамвая
рекламы «Спортлото» и «Шапито»,
початая бутылочка токая,
и я — нектар бесценный проливая
на траченное временем пальто.

* * *

1.

В колодец плюнешь или в потолок,
забытая чужими и своими,
припомнишь «воробьиный холодок»
каникул зимних.
Ещё не покачнулся материк,
дома нежны, как белая посуда.
Игра в снежки и дворничихин крик:
«Давай отсюда!»
Побег — кривая веточка метро —
в чертоги современного искусства,
в глазах рябит от шапок и пальто,
на сердце пусто,
дыра в подкладке, на трамвай пятак, —
и понимаешь, что в стенах музея
ты лишняя, одна, среди зевак
и ротозеев.
Плывёт Вергилий, горбоносый гид,
за ним волна в мохере и граните,

а ты прислушиваешься: бубнит
в углу зритель,
в пяти шагах из-за твоей спины,
хоть кажется, что там зияют рвы,
сидит, неотличимый от стены,
без головы.

И так расслышать силишься слова,
малейший шорох норовишь за ласку
принять, вообразить: вот голова,
вот губы — сказку:
«в саду деревья — во дворе дрова,
твой дом — на слом, любовь пойдёт на вынос,
а медных труб тугие рукава —
тебе на вырост».

Домой, домой! Покуда невредим,
пока живой и дышишь горячо,
на Чоколовку: чок-чок-чок... Таким —
куда ж ещё?

Трамвай застынет, покачнется лёд,
но ты беги, покамест не погасло
внутри, как будто знаешь наперёд,
что не напрасно
с базара дворничиха Аннушка идёт:
авоська, масло.

2.

...и что ни пропоёшь, выходит «аве».

Ольга Аникина

Фойе вокзала. Женщина в платке
(обычный хлопок, лютики да маки)
привычно моет окна: проведёт —
проступит надпись на помойном баке,
листва на необкатанном катке
и вдалеке жужжащий вертолёт.
В ней ни на волос нет от феи, всё же
колдует, совершая чудеса,
то тряпками, то скомканной газетой
взмахнёт — и побежит волна прохожих,
ещё — и разглядишь, какого цвета
у первого невстречного глаза.

Мы обе знаем: за спиной — перрон,
кассирша заскучавшая в окошке,
и предотъездный шум, и толкотня,
покашливает машинист Харон,

и кто-то там, похожий на меня,
докуривает на входной подножке.
Скользит рука — то запад, то восток,
а наш вокзал — всегда меж тем и этим.
Не стану врать, нам хорошо вдвоём!
Кому — гудок, кому — в руке платок.
Волшебница, мы нынче не уедем
и никуда отсюда не умрём!
И по небу размазывая синь,
но думая, должно быть, о другом —
о чистоте? о разноцветной пене? —
она отрадно говорит «аминь»
пред тем, как медным прозвенеть ведром
и разогнуть затёкшие колени.

* * *

В круге первом с самого утра
заедает старая пластинка,
ластится бумажная ворсинка
к коготку жар-птичьего пера
как-то по-собачьи, как-то так
не по-человечески тоскливо,
будто всё здесь наперекосяк —
и зима, и почерк, и чернила.
У соседа — счастье с молоком,
у соседки — паучок на блузе,
ты одна — под скошенным углом
у окна, где по гипотенузе
то ли снег слетает на порог,
то ли светляки зажглись на ели, —
это от зимы уставший Бог
подражает Сандро Боттичелли.
И читать теперь, не перечсть —
от земли до близгорящих кровель.
Не пиши, дыши, пора и честь
знать и замолчать на полуслове.
Свет ещё не меркнет, но уже
счёт закрыт, погашена рассрочка.
Слышишь, на десятом этаже
тишиной зашлась радиоточка?

Преемница негреющих широт,
где невпопад коса летит на камень,
и память, словно бабкин огород,
бессонно зарастает лопухами,
я помню звук, тот самый первый хруст —
хоть, говорят, в начале было слово, —
у чьих-то ног осыпавшийся куст
шуршал газетой шестьдесят восьмого.
Не домысел, я слышала сама
с такого дна глухого, но, поди ж ты, —
под фонарём кругами шла зима
и в ночь с орбиты обрывалась трижды,
летела манной, падала халвой, —
я той зимы нахлебник и наследник —
и Суламифь, беременная мной,
завязывала на спине передник.
Родительный падеж — кого? чего? —
уже тогда звучал во мне вполсилы,
когда соседка слово «рождество»
чуть заговорщицки произносила, —
ей, маковым пропахшей молоком,
в подъезде прибиравшейся в Сочельник,
хотелось, чтобы с каждым сапогом
на лестнице расшаркивался веник.
Во лбу семёрка, пассажир во рту —
гундосил заблудившийся автобус,
и реки вен текли по животу,
похожему на выпяченный глобус,
и оттеня темно-синий диск
(«О, девочка моя, как много света!»),
наш ясень превращался в тамариск —
я ощущала превращенье это!
Фонарная трещала голова,
под кроличьей не умещающейся шапкой,
«Еловый лес» летел под жернова,
вращаемые отставной лошадкой,
уже слепой, но слышащей пока:
ша, на муке замешивает вьюгу
ничейная широкая рука,
пускающая музыку по кругу.
На тридцать третьем прыгала игла,
поддетая невидимым мизинцем...

Александр Немировский

Поэт, прозаик, программист, антрепренёр. Родился в Москве. С 1980 до 1986 года выпустил 7 сборников в тогдашнем самиздате. С 1990 года живёт в Калифорнии. Регулярно печатается в различных литературных альманахах и изданиях в США и в Финляндии. Автор 4 книг стихов: «Без Читателя» (Москва 1996), «Уравнение разлома» (2009), «Система Отсчёта» (2012). «На втором круге» (2014). Член Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России, зарубежное отделение. Автор считает себя Русским — Калифорнийским поэтом (вычесть Калифорнию из его творчества сложно).

ЗИМА В САН-ФРАНЦИСКО

*«... в притонах Сан Франциско лиловый негр...»
(А. Вертинский. 1916)*

Притоны кончились.
Порт переехал в Окленд.
Квартиру снять —
Не думай в одиночку,
Не подступиться.
Дождь по закрытым окнам,
Стенам, тротуарам струится
В водосток
Под надпись «Течёт в залив. Отходы не сливать!»
Бомж,
Скорчившись,
Везёт тележку: спальник, ну и прочее,
Что так необходимо для свободы
Листок-
Дощечка «подайте ветерану».
И подают. Доходы
Невелики. Но на марихуану
Насобирать
За день — так это точно.

Ботинки горные,
Топорщится «гортексом» куртка-свитер.
Надежда к ночи забрести в приют.
Под капюшоном видно, что небритый,
Что кожа чёрная.
Плывут
Авто неторопливой улицей в сорочке
Из разноцветных домиков. Моторека,
Где светофоры по фарватеру наперебой
Моргают. Мы едем с дочкой
Отыскать щенка,
Чтоб в дом внести любовь.

ДЖАЗ В ОДЕССЕ

Я считаю ступени, ведущие к Дюку.
Раз, два, три.
Я делаю вид, что набил себе руку,
Чтобы лихо вести удачную жизнь.
Четыре, пять.
Черноморский бриз
Завернул мои брюки,
Дышит в спину —
Не поверни.
Если придётся сбежать вниз,
То тогда половину
Камней ноги сами смогут узнать.

На эти я капал мороженым
За девятнадцать копеек
В первом классе.
Семь, восемь, девять.
А на этих поссорился с другом из-за корма для его канареек.
Что поделать. Мы помирились гораздо позже,
В очереди к кинокассе.
Четырнадцать, пятнадцать.
Вот тут я споткнулся, чтобы схватиться за твою руку,
И пальцы,
Вздрыгнув, переплелись. С тех пор запахом твоей кожи
Или звуком
Голоса загорается память.
Шестнадцать, семнадцать, двадцать.
Я не знаю, как я прожил
Через пустоту, когда ты уехала в эмиграцию.
Возможно,
Я поехал за тобой — догнать и оставить.

Я в туристской толпе на пятидесятой ступени.
До верха ещё далеко.
Я грызу семечки из газетного кулёчка,
И тени
Каштанов соответствуют точно
Моему росту.
Легко
И быстро мимо поднимаются не наши дети.
Шестьдесят, семьдесят, девяносто.
К залитой солнцем последней площадке,
Откуда можно заметить
Песчаные
Дюны вдоль фривейной дороги.
Одноэтажный домик.
Сто десятая, сто девяносто вторая.
Всё. Мостовая.
Черта.
Пологий
Пляж. И томик
Стихов на языке, что больше не прочитывать.
Из другого края.

ПАПЕ

Иногда, спотыкаясь о запах варёного кофе,
Я попадаю в наше обычное утро.
Глушилка борется с радиостанцией «Немецкая волна»,
Твой набитый портфель,
Темнота
За окном.
За обрывом подоконника косо летящая пудра
Снега. До дна
Обжигающий лёгкие морозный вздох. Пешком,
Торопливо догонять трамвай
И успеть ввалиться, подтянувшись за поручень.
Стукнуться в расстояния между сумками
И прочими
Вещами. (В духоте толпы сразу теплее.)
Варежкой отскрябанный край
Непрозрачных стёкол в морозном рисунке.
И смотреть, смотреть, как ночь становится посветлее.

На завтрак делались бутерброды,
Иногда ленивые вареники
Со сливочным маслом.
Я входил в садик, как в непогоду,
Съёжившись от детской вражды, ожидая ненастья.
Глушилка хрипела «Голосом Америки».
Кофе, прыснув,
Шипя, заливал конфорку.
И бесконечная жизнь не имела смысла.

Сейчас, когда взгляд упирается в переборку
Авиалайнера,
Летящего над Атлантикой,
Я понимаю тебя гораздо больше.
Мы жили в рамках, следуя правилам,
Глупым, как стало понятно намного позже.
Романтика
Оставалась уделом книжек,
Собранных в домашние библиотеки
Так, что обоев на стенах было не видно.
Что-то всё-таки из нас вышло.
При взгляде в прошлое, по крайней мере, не стыдно.

Мне, наверное, уже никуда не деться.
Не сойти с вектора, начатого морозной ночью.
Я прохожу площадью.
Я вкладываю записку в стену.
Калифорнийскому солнцу не озарить детства,
Как на твою любовь не поставить цену.

Михаил Садовский

Михаил Садовский широко печатается в периодике разных стран мира. В США в переводе на английский вышли книги прозы писателя: сборник рассказов *Stepping into the blue* («Голубые ступени», 2004), повесть и рассказы *Those were the years* («Такие годы», 2006). В настоящее время в России готовится к печати книга «размышлизмов» «Шкаф, полный времени», основанная на беседах писателя с соавторами, друзьями — выдающимися людьми страны второй половины XX и начала XXI века. В Америке переведён и готовится к печати роман *Beforeit'stoolate* («Пока не поздно»).

В ПАЛАТЕ

— Для чего ты хочешь дать мне это письмо? Чтобы я что-то посоветовал тебе? Отредактировал? Но письма не редактируют, особенно когда находят их «после». Ты хочешь поделиться со мной, чтобы я знал, как всё было?..

Понял! Отправлять его или нет?! Хорошо, пришли мне письмо по и-мейлу, а я обещаю, что сотру его тотчас по прочтении... — так мы поговорили по телефону с моим братом.

И он сразу послал мне письмо по почте. Пискнул электронный секретарь, оповещая, что оно прибыло. Я, почему-то сильно волнуясь, открыл его... прочитал... и, сам не понимая, что делаю, автоматически отпечатал, а потом взял в руки три странички и перечитал ещё и ещё раз, но не сумел их порвать и стереть в компьютере, как обещал. Я совершил бессовестную кражу.

— Ты меня слышишь? — отзвонил я вечером, — разреши мне... — я не успел договорить

— Я так и знал, — сказал брат. — Я знал, ты же писатель... что тут говорить... только имена поменяй и не рассказывай, где это было... да это и не важно...

Я так и поступил: поменял имена, отредактировал текст и, если добавил своего, то совсем немного несущественного — своих мыслей, выдав их за предполагаемые, по моему мнению, мысли автора письма.

Когда ты спросила меня: «Я умираю?», я тебе твёрдо ответил: «Нет!», хотя сам плохо соображал, на каком я свете. Только смотрел, как чья-то кровь из подвешенного мешочка переливается в тебя по капле, пластиковые стенки пакета сжимаются и выдавливают её остаток, потом монитор-дозатор заверещал тревожно, прибежала сестра, а ты розовела и засыпала, и покой выступал на твоих губах вместо тяжёлой напряжённости боли и отчаяния.

Зачем тебе знать всё это? Пусть бы осталось только в моей памяти и ушло со мной. Но ты так настойчиво просила... и не однажды. А я не хотел, не мог рассказывать тебе и каждый раз после своего отказа мучиться, потому что эти тревожные дни сами собой выстраивались в моей голове минута за минутой, и я переживал ничуть не меньше, чем, когда всё это происходило... я стал бояться этих твоих вопросов и думал: как же сделать так, чтобы ты их больше не задавала?

Я лежал рядом с тобой ночами, и прокручивал эту госпитальную трёх-летнюю ленту, и молился, и не мог успокоиться...

Может быть, это письмо успокоит нас обоих? Я отпишусь и отодвину воспоминания, а ты узнаешь всё, вообразишь и не станешь больше возвращаться в прошлое. Хотя, возможно, всё будет совсем не так: ты начнёшь добиваться всё новых и новых деталей и уточнений, а мне тогда придётся снова вспоминать с ещё большим напряжением и погружением в страшные часы и минуты, и от этого напряжения я снова перестану спать, а буду впадать в какую-то вязкую ночную полудрёму, и те давно прожитые события вернутся явственно и осязаемо, и я буду обнаруживать всё больше и больше слов, движений, лиц, переживаний в ответ на твои вопросы, как нерадивый ученик вспоминает когда-то читанный урок по наводящим подсказкам учителя, которому надо вывести ему тройку... В нашем случае я никогда не смогу стать отличником и восстановить всё досконально, и лишь твоё почти болезненное любопытство заставит мой мозг, мою память вызволять из бесконечных завалов ушедшего твоё лицо или просьбу протянутой руки, выражение глаз врача, дающее надежду, или недовольное моей надоедливостью лицо медбрата...

Как-то в коридоре меня встретила Ребека и так поздоровалась, что интонация заставила меня остановиться. «Зачем вы ночуете здесь и изводите себя? — спросила она. Я не знал, что ответить. Это же было так понятно и естественно. «Напрасно, — продолжила она. — Ей это не поможет и вообще...» Я понял по этому «вообще» и её жесту, что она не верит в твоё выздоровление... «В этой палате, — она опять махнула рукой, сделала шаг уходить, но вернулась и, потупившись, закончила: — Простите!..» — мне послышалось сожаление в её голосе, но я не понял, чего: того ли, что ты так плоха, а медицина ещё слишком слаба, или что она выдала свои чувства и сболтнула то, за что из отделения немедленно изгоняют и могут вообще лишиться лицензии.

Это я потом понял, когда Марк заступил на дежурство и, похлопав меня по плечу, ободрил: «Держись, старик, сегодня химия в одиннадцать, потом неделя — и домой! Это уже который раз? Пятый?..» Я различал дни не по числам и названиям, а по цветам. Их было всего три: прозрачный белый, красный и жёлтый. Первый — это были рядовые солдаты

нашей жизни, они охраняли её постоянно, пока ты была в госпитале, день и ночь непрерывно. Капли выскакивали из мешочка, висевшего на стойке, как всегда, вниз головой и бежали по трубке в твою вену. Их ровное монотонное движение успокаивало и вселяло уверенность, что ты жива, пьёшь, дышишь, и нет никакой тревоги. Зубастая ниточка, бежавшая на экране монитора, не прерывалась, зуммер молчал, счётчик равнодушно щёлкал — всё было зримо, налажено и надёжно. А когда возникала угроза, появлялся красный мешочек. Несуетливо, буднично его вешали на стойку рядом с прозрачным, и тогда они вместе наполняли тебя недостающими соками, держали тебя под руки, чтобы ты шла ровно и не поскользнулась на этом тяжёлом подъёме из ничего в свет. Потом красный пустел, съёживался, как шагреновая кожа, и висел уже ненужный, неинтересный глазу, отдавший своё содержимое за твою жизнь.

Жёлтый возникал после прихода врача. Она долго сидела у компьютера за стойкой напротив двери палаты, гоняла по экрану таблицы, столбцы цифр, картинки томографии — всю тебя, превращённую в цифры и символы, — чтобы точно высчитать, когда и сколько влить в вену яда, который на грани жизни и смерти сможет уберечь тебя, одновременно убивая то лишнее, что появилось в теле и пыталось сожрать тебя изнутри. Я тоже в это время находился на грани небытия. Будто случайно проходил мимо всезнающего монитора компьютера, приносил тебе воду, говорил о каких-то незначущих пустяках, смотрел в окно на городок сквозь белёсую серебристую изморозь, на перечёркивающие небо следы самолётов, слушал жалобы Дженнифер, менявшей тебе простыню, выносившей судно, наводившей порядок в ванной и мимоходом всё время подбадривавшей тебя нежным, воркующим голосом: «Красавица ты моя! Хорошо смотришься сегодня! Сейчас всё уберём — и светлее станет, и Господь в твоё окно заглянет и порадует тебя! А потом ты позавтракаешь и совсем повеселеешь! И пойдёшь гулять по коридору! Вон у тебя какой провожатый — с таким гидом и я бы не прочь...» И её бесконечное словесное журчание успокаивало, возвращало в непрерывное течение дня и ночи, будничное и прекрасное именно тем, что оно будничное и непрерывное.

Жёлтый мешочек всегда вешали на ночь, и теперь жёлтый и белый становились твоими поистине кровными братьями, а к ним присоединяли ещё какие-то совсем маленькие и даже крошечные. Все они по капле добавили тебе сил и изгоняли нечисть. Кап-кап-кап — несинхронно, вразнобой, не соревнуясь, кто скорее, а строго по приказу, назначенные доктором, вычитавшим всё по компьютеру. Те, что отработали, отправлялись на переплавку, и вместо них сёстры в специальных жёлтых пластиковых халатах с завязками на спине и в таких же жёлтых шапочках и перчатках приносили новые и вешали на стойку. Это мерное капание сразу убаюкивало и усыпляло тебя, а я уходил. Меня изгоняли от соприкосновения с ядами и ненужными волнениями, совершенно очевидно ненужными, которые, нарушали создавшееся хрупкое биополе.

— Марк! — отчего Ребека сторонится меня и не поднимет глаза? Я остановил его рукой, когда он шёл в другую палату в своём жёлтом облачении и нёс жёлтый мешочек.

— Не стой близко... — он шагнул назад, — она боится...

— Меня?

— Себя! Наверное, сболтнула что-то и боится, что ты скажешь доктору. Иди в палату. Я зайду потом...

— Не забудь...

— У нас было занятие вчера, — с порога сказал он, вернувшись. — У нас каждые две недели инструктаж: как себя вести с больными, как научиться быть терпеливым и вежливым и не болтать лишнего. У неё ребёнок недавно родился, она боится остаться без работы... однажды её пожалели. Ты пойми: если доку кто-то капнет, оно уже не сможет застрять на нём, потому что тогда... сам понимаешь... тогда он крайний... Я тебе ничего не говорил и не спрашиваю, но думаю, что она что-то сболтнула... Потом куда ни пошлешь резюме — позвонят на прежнее место, и ничего не скроешь...

— Но я и не думал...

— Значит, сболтнула! Видишь. Она теперь боится, что...

— Но я и не думал...

— Ничего не говори! Ни мне, ни ей, не дай бог. Не думал — и хорошо. Только просто молчи и всё. Это система. А болтать не надо всё равно. Рана на рану — это никто не выдержит. Она просто решила, что раз твоя в палате одна, то... — он как-то особенно цокнул языком, — но это не правило... Ты вытащишь её, поверь мне! Всё хорошо будет. Главное — чтобы кто-то тащил сюда, потому что химия сама не может, ей вектор ещё нужен.

— Марк, а почему ты здесь, извини, застрял? Не пошёл учиться?

— Ещё не поздно, конечно, но я не хочу...

— Почему? — видно, я слишком недоумённо спросил.

— Почему? — он помолчал, как мне показалось, потому, что раздумывал: говорить или нет. — Потому, что я тут своими руками всё делаю! Ташу! Понимаешь! Каждый день ташу и вижу сразу результат. Я ближе всех — на передовой. Без меня доктор ничего не сделает! В операционной — хирург, а здесь я!

— Но это тяжело! Сколько так можно выдержать!

— Господь мне все грехи простит за это. Я верю... Вот и ты тоже добром вспоминать меня будешь, потому что я точно тебе говорю: ты свою вытянешь, я по приметам всегда заранее знаю, но молчу, конечно. А ты вытянешь — не сомневайся. Я не имею права это говорить. Но тебе не придёт-ся разочароваться в моих словах и потом пожаловаться. Я восемь лет уже здесь и точно знаю... ни разу не ошибся. У смерти свой запах... понимаешь.

— Марк, на тебе столько. Разве одному это под силу!?

— На всех. И только Он знает, какой тяжкий, а какой не тяжкий грех. — Он думал о своём и продолжил брошенную мысль. — Бывает мелочь страшнее тяжкого, а бывает наоборот. Никто не знает. Мы не знаем. Одно слово бывает... Поэтому здесь молчи. И никому не рассказывай.

Тяжелее всего мне было возвращаться обратно в палату. За один раз одолеть этого беса было невозможно. Он живуч и изворотлив. Но всё же оставляет следы, как и всё происходящее в мире. И били его до тех пор, пока следов не осталось.

Ты не помнишь всего этого. Оно сместилось во времени в твоей памяти и превратилось в один долгий день со всплесками солнца и провалами ночи, не совпадающими со временем суток. И короткие передышки не столько укрепляли тебя, сколько изматывали нервным ожиданием. Пока не хлынул свет с длинным, вбирающим в себя весь мир «всё-о-о-о-о-о!»

Дальше писать не стоит — ты всё помнишь и знаешь сама, а если захочешь сравнить, как это запомнил я, расскажу вечером потихоньку... пошепчу в ушко, не глядя тебе в глаза, чтобы не выдать свои, которые неожиданно наполняются слезами.

И помнишь, когда ты приходила на проверку сначала раз в три месяца, потом в четыре, потом в шесть, двенадцать и, наконец, год, год, год — и опять всё-о-о-о-о-о! Тебя встречали, как победительницу после тяжёлой дистанции биатлона, бившую без промаха и бежавшую без усталости, закусив губы на втором, на третьем, на неперебиваемом дыхании, и все теперь знают тебя в лицо и по имени, и хлопают по спине ладошками, прижимая к себе и касаясь щеками, и искренний праздник наполняет пространство, потому что здесь в тот миг нет ничего, кроме победы! Их победы и твоей, победы разума и духа!

И Ребека улыбается и смотрит мне в глаза, потому что это её победа тоже! Она победила себя, своё неверие и свой страх, и Марк убедительно трясёт мне руку и подмигивает — нет, он никуда не уйдёт отсюда — он первый знал, что мы победим. «Всё, старик, всё-о-о-о-о-о! И не говорю “до встречи”! Всё...»

Я отправлю тебе это письмо по почте честь по чести, с адресом и маркой, чтобы ты удивилась, посмотрев на обратный адрес, совпадающий с тем, где ты живёшь! Я знаю: ты заплачешь, но меня не будет дома. А когда я вернусь, ты опять заплачешь и уткнёшься носом в моё плечо... как в молодости, когда всё ещё было впереди.

20 марта 2015 года

Вера Зубарева

Главный редактор журнала «Гостиная». Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012) и других международных премий. Автор литературоведческих монографий, книг стихов и прозы. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «День и ночь», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал», «Новая юность» и др.

ИЗ КНИГИ «ТЕНЬ ГОРОДА»

* * *

Манхэттен. Солнце, не выдержав нагрузки,
Плюхнулось на небоскрёбы, распласталось на брюхе.
Сваленные в кучу, как битые моллюски,
Темнеют бездомные. К ним ластятся мухи,
Лижут им лица, мурлычут, кланчат,
Ходят кругами, тычутся мордой
В позеленевшие блюдца фонтанчиков.
Сабвей приливает электричками к городу.
Вспыхивают осколки стеклянных офисов.
Закат. Манхэттен объят пожаром.
Жёлтых такси обзолённые осы
Несутся, сигналивая пронзительным жалом.
Кричат воробьи, взрываются лужи,
Брызги прожигают всё, как сигареты,
И одежды пытаются спасти свои души,
На которые с утра они были надеты.

* * *

Город кишит ночными привычками.
На столах бутербродов разложен пасьянс.
Выгибаясь, саламандры с горгоновыми косичками
Включают светофоры ядовитых глаз,
Зазывая в переулки — заводи эrogenных
Зон, где отбывает свой срок плоть.
Фонари с добавками галлюциногенов
Высвечивают бродячих собак лохмотья.
На люках призраками фиолетовыми
Мощи странников греются. Между нищими
Шуршат промасленными газетами
Древние читатели остатков пищи.
Деревья разбрасывают листовки, требуя
Социальных свобод для беспризорного мусора.
В одиночке из небоскрёбов чахлое небо
Ждёт второго пришествия Пруста.
Город неспящих, свихнувшихся гамлетов,
Фаустов, чацких, старух-процентщиц,
С облавами бедных на богатых
(Одних всё больше, других всё меньше).
От старого театра пожарная лестница
Уносится сточной канавы руслом.
— В такую погоду хорошо повеситься*... —
Бормочет дядя Ваня на ломаном русском.

* * *

Кварталы метастазируют заколоченными апартаментами.
Ночью в них кто-то ходит-бродит,
Дышит сквозь щели, разговаривает с ветром,
Вызывает вьюги потусторонних мелодий.
Их шушуканье — сплетни да смуты,
В их воронках ураганит амок,
Они баюкают: «Не ложись на краю ты»,
И город ворочается с боку на бок.
Стонут чайки вдоль океанской лагуны.
В кельях раковин кто-то молится.
Ветер от нечего делать дует,
И всплывает, вся в водорослях,
Луна-утопленница.

* реплика Войницкого из «Дяди Вани».

* * *

Парусник с дыркой луны в парусине.
В полночь играют они в привидения,
Свет проливают
Мёртвый, синий,
В гости к ним ходят
Блики, тени.
Потчуют их они
Порчею устриц,
Зельем медуз,
Настойкой из спрутов,
И фонари
На окраинах улиц
Быстро мигают, меркнут и тухнут.
Прыгают пьяные блики с галеры.
Волны их гонят, хватают, щекочут,
И затопляет парки и скверы
Вольная,
Чёрная
Магия ночи.

* * *

Лунная дорожка,
Звёздных вод алтарь,
Сгорбленная кошка
Обошла фонарь.
Сгорбленная спичка
Бросилась в окно.
Режутся привычно
Волны в домино:
Стук да стук по хляби
Каменистых плит.
В выеденном крабе
Дубль пусто спит.
Спит моллюск в ракушке,
Как рыбак в челне.
Белопенных кружев
Ветер сплёл волне.
Всколыхнула чайка
Отражённый свод,
Словно опечатка
В рукописи вод.

* * *

Закат остатки света роздал.
Бакланы ходят неуверенно.
Прозрачные медузы в звёздах
Качаются вдоль кромки берега.
Спит город-городок с игрушками
Автомобилей под балконами,
Венками клумб, котами плюшевыми
И гнёздами, свирелей полными.
Колдует ветер. Зомби-флюгеры
Вращаются рывками быстрыми.
Звезда с волны скатилась кубарем
И высекла на камне искры.
Влюблённая ночная бабочка
Флиртует с фонарём подвыпившим,
А время в мягких детских тапочках
Шагает прочь, как третий лишний.

Елена Лапина-Балк

Родилась в Ленинграде. Окончила ЛИТМО (Ленинградский институт точной механики и оптики) факультет квантовой физики, одновременно — отделение журналистики ФОП. В настоящее время живёт в Хельсинки. Автор пяти поэтических сборников и сборника короткой прозы «Тропы судьбы» (2011). Участник литературных журналов, альманахов, коллективных сборников, газет — как российских, так и зарубежных. Член Союза писателей СПб.

ВАГОН, ПОЛНЫЙ СНОВ

Отрывок из новеллы

И тут женщина запела. Без слов, одним голосом. Казалось, она пела о чём-то очень знакомом ещё с детства, приятном и успокаивающем, но безвозвратно позабытом в этой новой финской жизни.

В электричке было человек десять. Но на поющую женщину никто внимания не обратил, только уселись поудобнее и закрыли глаза.

Сидящие у выхода мужчина и женщина переглянулись:

— Я тебе, Вадик, всегда говорила: странные эти финны — вроде и не пьяная, а поёт.

— И хорошо поёт, по-фински, пусть и без слов... А может, радуется, что воскресенье?

— Так что же ей, по-турецки петь? Смешная ты, Лёлка! Говорят, у них каждый пятый с психическим расстройством.

— Врут, наверное, — разве можно с психическим расстройством в таком порядке страну содержать?

Тут они обмякли, склонили головы и закрыли глаза.

Лера сидела на краешке сиденья и продолжала петь. Она пыталась остановиться, замолчать, но не могла... Звуки рвались наружу, и это было удивительно приятно...

Зачем тогда останавливаться?!

Вспомнила: замолчала она, ну слова не могла сказать, после срочного переезда из города Ломоносова в Хельсинки...

Тогда, три года назад, местное телевидение города Ломоносова транслировало награждение почётными знаками людей года, где присутствовала и Валерия Берёзина — целитель и ясновидящая, разыскивающая пропавших и похищенных детей, взрослых. Слух о её даре распространился по всему городу, даже дошёл до Петербурга. Работала она и на уголовный розыск, и на ФЭС*. Ну, наградили, не забыли поздравить с тридцатилетием — вот, мол, наша молодая волшебница. Подарили новый телевизор, путёвку в Финляндию, а на следующий день раздался телефонный звонок...

— Валерия Берёзина? Так вот, слушай сюда, волшебница: рот откроешь — и догадайся с первого раза, что будет... Всё поняла?

Валерия ответить не смогла, будто кто железной рукой сдавил горло. Перестала говорить.

Тогда она работала в группе поиска. Искали сына директора Центрального банка города Ломоносова. Похитители требовали выкуп, милиция с ног сбилась...

А тут такой звонок с угрозой. Всё и закрутилось. Из органов кому-то куда-то позвонили, договорились, дали Валерии на сборы 24 часа и вместе с мужем на служебном микроавтобусе переправили в Финляндию. На границе почти не стояли — проехали по специальному «зелёному коридору». Хотя, даже если бы и пришлось разбираться, сложностей не возникло бы: Валерия была ингермаландкой** и от бабушки немного знала финский язык.

Финский особый отдел выказал большую заинтересованность в работе с Валерией. Имя пришлось изменить — стала она Лерой Койвунен. Жалела Лера, что путёвка в Финляндию так и осталась неиспользованной, да и телевизор пришлось соседям отдать.

Три года привыкала к финской жизни, везде с карандашом и блокнотом ходила, чтобы, если что, написать... а тут надо же... никогда ведь не пела...

Она пела, разглядывала пассажиров и, что удивительно, видела их мысли и сны — короткие, длинные и очень разные.

Улыбчивый, довольно странного вида мужчина

расположился один на двух сиденьях, глаза закрыты. Он был похож на бомжа.

Один... Да и кто сядет рядом с обтрёпанным-растрёпанным! На ногах сношенные сандалии, надетые на шерстяные носки, нитяные перчатки без пальцев, шапочка вязаная, из-под неё длинные спутанные волосы выбиваются... Бр-р-р-р! А ведь только начало сентября... Бомж бомжем.

«Хорошо, — подумал Веса, — спокойно поёт и будто разговаривает! Но... не профессионально, с чувством, ... но... чего-то не хватает. То ли глуховато, то ли я оглох — как-то неровно, что ли... и переходные

* Федеральная экспертная служба.

** Финны-ингермаландцы — субэтническая группа финнов, проживающая на территории исторической области Ингерманландии (Ижорские земли). Язык ингерманландцев относится к восточным диалектам финского языка.

ноты слишком видны, но в верхнем регистре есть пара, слушал бы и слушал... и вот опять начинает тембрить — зачем? А та аргентинка — имя забыл, — вот та до сих пор помнится, а ведь, казалось бы, уже несколько месяцев прошло. У этой, правда волосы красивые — ух, золотые! Червонное золото и то тусклее — ведьма, что ли?

Да, так аргентинка та из Ла Скала...

Вообще... Ла Скала — всё-таки уровень.

Да-а-а, здорово я тогда обставил поездку! А ведь как всё сложилось — комар носа не подточит! Из Хельсинки в Милан, встретил там Лэйлу с детьми — они из Тампере летели; дочь совсем выросла — уже двенадцать, хорошенькая! А Сами семь лет — такой смышлёный, склонность к языкам, весь в меня! Неделя так быстро пролетела. Водил их везде, покупал всё, жили в шикарной гостинице. Пришлось врать, конечно: мол, решил к себе в квартиру не селить — там всё завалено бумагами, рукописями, места свободного нет... лучше в гостинице! Для них же я бóльшую часть года в Европе работаю.

Припомнить бы, с чего всё началось...

А, ну да, зелёным змием черт попутал. Перед Лэйлой было стыдно пьяным появляться — вот и выдумал эту афёру, вроде как в Мюнхен с дальнейшим переводом в Париж, Милан, да и по всей Европе работать посылают перспективного, подающего надежды психолога! И ведь удалось — поверила! Университет я в своё время с отличием окончил, да и знал тогда три языка, сейчас говорю уже на семи...

А сам вместо Мюнхена уехал в центральную Финляндию, в Форсу.

Было лето — спал в лесу в палатке, днём работёнку какую прихватывал, вечерами в значных местах время коротал.

Осси тогда случайно встретил в баре... или в ночном клубе?... нет, точно в баре! Ну, познакомились, слово за слово, говорит, врачом раньше был.

— Почему “был”, а сейчас кто? — спрашиваю...

— А сейчас бомжую!

Я не поверил ему: как, почему?

— Надоела цивилизация — а человеку разве много надо? Поест, выспаться и мир созерцать, да не оглядываясь, не приспособливаясь. Знаешь, сколько о людях узнал? Для себя решил: вот так лет пять ещё поживу, последний полный глоток свободы, а потом завяжу — может, опять во врачи, а может...

Решили мы вместе мир созерцать.

Осенью в палатке стало холодно.

— Теперь и в тюрьму пора, — говорит Осси.

— Как это, — я, законопослушный, и комара не убью, — зачем это?..

А он мне:

— Ну ты даёшь! Жить-то где собираешься? А в тюрьме тепло, питание опять-таки бесплатное, хочешь — учишься, а хочешь — мышцы качай!

Изобразили ограбление ларька. Забрали нас, привезли в полицейский участок. Разбирались-разбирались, документов при мне нет (это Осси подсказал) — вроде давно уже потерял, да и не нужны они мне. Назвался первым на ум пришедшим именем, они записали. Затем повезли в тюрьму.

В приёмнике первым делом дали анкету заполнить. Ба-а — смотрю, — а это моя родная! Ну да, я же её в своё время и выдумал: анкеточка-то была моей дипломной работой в универе! Блюстителям закона так и сказал: мол, знаю наизусть.

А они чего подумали? Подумали, что я сидевший-пересидевший.

Для себя решил: буду языки изучать. Поставил цель — за год овладеть новым в совершенстве. Знал шведский, английский и немецкий — думаю, надо и французским заняться. Лето настанет — пойду работать переводчиком куда-нибудь (неофициально, конечно), семью в Париж с помпой повезу.

Выучил французский — стимул был, а потом русский, итальянский и греческий...

Летом всегда работы много — с деньгами никогда никаких проблем ни у меня, ни у моей семьи. Ежемесячные денежные переводы немалые. Вот уж повозил я их по Европе!

А может, остановиться?

Начать новую жизнь — такую, как у всех: врать придётся — так я и сейчас подвираю, изображаю сливки общества. Выучился на свою голову выслушивать всяких идиотов (по большому счёту все мои клиенты были тронутыми), опять эти налоговые анкеты заполнять... А Лэйле и рассказывать не буду о своих созерцаниях, просто попрошу прощения... Вот свезу их ещё в Питер — город, говорят, красивейший, — а уж потом и начну другую жизнь, не завтра же в болото возвращаться!»

Лемпи оставилась на поющую женщину

«Не финка: причёсана иначе, взгляд изучающий, а чего меня изучать — я, как и она... не финка. Принимают за финку, мало кто слышит лёгкий акцент... Ничего удивительного: живу в Финляндии более сорока лет, давно на пенсии. Конечно, Финляндию назвать Родиной не могу, Родина всё-таки Эстония..., хоть и вспоминаю её со слезами...»

Лемпи села поудобнее, прикрыла глаза... «Наверное, русская, поёт без слов, одним голосом, но эмоционально — по-русски.

Вот ведь, не забыла, как русские поют...

Сколько раз друзья звали отдохнуть, подлечиться в санаториях Карелии, России, а я всё откладывала, думала: как-нибудь соберусь и поеду, но только в Эстонию.

Сколько же я там не была?

75 стукнуло — юбилей! Получила подарки — дети купили путёвку в санаторий, да не куда-нибудь, а в SPA под Тарту.

Прямо приказали: ни в чём себе не отказывай, ходи на все массажи, процедуры, маникюры...

А что, я ещё крепкая и бойкая, на велосипеде летом в магазин езжу, все удивляются: вот бабушка даёт! Не люблю, когда меня бабушкой называют, — я женщина пожилого возраста! А муж покойный — тот и вовсе говорил: “девочка моя!”

Посадили меня на паром, с парома — на автобусе до Тарту, потом на такси...

Приехала!

Место чудное, что и говорить! Природа, тишина...

Взяли меня сразу в оборот:

— Через семь дней помолодеете лет на десять, если режим и рекомендации будете соблюдать.

А рекомендации у них самые простые: много ходите, плавайте в бассейне, массаж, йога и...

— У нас тут режим голодания... ну, или очень специальная диета. Вы что предпочитаете?

Посмотрела на себя в зеркало и решила: молодеть так молодеть — пусть будет полное голодание!

Через два дня так легко стало, будто крылья выросли — птицей летала из кабинета в кабинет, правда, поклевать не давали. Килограммы стали на мне таять.

На пятый день омолаживания из зеркала на меня смотрела забавная дамочка, никак не бабушка!

Может, взять такси да покурлесить? В Тарту заехать, ещё куда-нибудь завернуть. Надо у администратора карту местности спросить.

Только заикнулась медсестре о своих планах — она такая предупредительная, вежливая, сразу открыла на компьютере карту, со мной смотреть стала, советовать, куда съездить и что посетить.

— Вы вот здесь находитесь, это место называется Лоодус...

Она водила пальцем по экрану, а мой взгляд остановился на названии Лунья...

И знаете, как это бывает... Да откуда вам знать, когда из семидесяти-пятилетней мысленно вмиг превращаешься в десятилетнего подростка (замечу: голодного). В этом, правда, была схожесть со мной сегодняшней. В голове вертелось “Лунья мыза” (именно Лунья) — ненавистное с детства название места, где начались беды моей семьи.

— Да и зачем вам, Лемпи, такси, завхоза нашего попрошу — он после работы отвезёт, куда прикажете!»

Последнего Лемпи уже не слышала.

На память Лемпи давно жаловалась врачам, а они всё на возраст ссылались — и тут вдруг вспышка какая!

«В сорок седьмом году мы попали в жернова сталинской репрессии.

Семья была дружная: мать, отец, я и сестричка младшая. До войны мать училась в Тартуском университете, отец работал учителем истории.

В сорок первом ушёл на фронт, попал в плен, в сорок шестом вернулся. Вскоре отца забрали, и больше я его никогда не видела. А потом и нас — маму и меня с сестрёнкой — отправили в проверочно-фильтрационный лагерь, ожидать решения своей судьбы...

И судьба не улыбнулась. Меня, десятилетнюю, послали на кухню кашеварить для лагерных. Работала с утра до ночи, но была сыта. А мама с Марочкой умерли от непосильного труда и недоедания. Сейчас, спустя шестьдесят пять лет, разрешаю себе об этом вспоминать, а тогда...

В лагере встречались удивительные люди: учёные, писатели, учителя, врачи. Жаль, имён не запомнила. Кто-то из них мне сказал: “Лемпи, в жизни надо смотреть только вперёд. Боль навсегда рубцом останется на сердце, не разрешай разуму печалиться — это смерть”. А что я тогда понимала? ... Проверили, отфильтровали... Оказалось — я дочь врага народа.

Потом — жуткий переезд через всю Россию в Сибирь, в лагерь трудовой повинности для врагов народа.

Так, стоп! Не хочу вспоминать!

Двадцатилетней вернулась из лагеря — разрешили поселиться в Гатчине. Познакомилась с Юхани, он был финном. Вскоре поженились. Помню долгие хождения по ОВИРах. В конце концов переехали в Финляндию, и прожила я с ним счастливую жизнь. Детей родили и мир посмотрели.

— Лемпи, Вы меня слышите? Сегодня Фёдор Иваныч вас покатает по окрестностям — годится? Только после процедур.

— Вот и приказала я Фёдору Иванычу везти меня напрямик в Лунью.

Кто-то из умных говорил: не возвращайтесь в места своего прошлого...

В общем, обратно в санаторий привезли меня зарёванную. Лунья оказалась местом незнакомым, только мама с Марочкой всё перед глазами стояли, пытались сказать что-то.

Как странно судьба пролагает пути: по собственному желанию за большие деньги приехала голодать туда, где когда-то от голода умерли мои родные, да и сама чуть не умерла.

И всё равно Родиной называю Эстонию, хоть и вспоминаю её со слезами.

А может, певунья — эстонка? Уж больно по-родному поёт».

Вадик с Лёлькой

спали так сладко, что оба посапывали. У них сон был на двоих: обдумывали, куда завтра за покупками рвануть, где перекусывать будут, где бесплатных продуктов отхватят, которые для малоимущих финнов предназначены. Ещё бы — целую неделю шопились вместе, можно и во сне не расставаться!

А как же! В Финляндии всё экологически чистое, поэтому всё надо брать! Насмотрелись на финнов, на их жизнь, ой насмотрелись!

— Здорово они живут, скажи, Вадик!

— Да уж, не как у нас, но...

— Что «но», что «но», я бы точно не отказалась!

— Скучно, глаз не на кого положить: женщины какие-то угрюмые, не улётные. Вот ты, Лёлька, другое дело!

— Вадь, а ты и не смотри на других-то! Вот скажи: в Питере видел, чтобы при открытии магазина целый день клиентов кофе поили да ещё и с тортом? Одна русская на остановке подсказала: «ALEKSI13» открывают после ремонта — будем там сегодня обедать.

— Ну, это конечно, тут не возразишь. Лёль, а как тебе раздача продуктов бедным? Слушай, эти финны даже документов не спрашивают, подходит очередь — получай: макароны, хлеб, молоко. А бомжи всё равно есть! Но скучно...

— А билеты на транспорт какие дорогие! Но лучше, Вадь, заплатить, мы «зайцами» и в Питере-то не ездим, а уж тут и подавно не стоит.

— Это точно! Нет, лучше жить в Питере, но почаще к тётке в гости приезжать. А ведь она привыкла — нравится ей тут. Понятное дело: корнито финские...

Она вертелась, вглядывалась в лица пассажиров, периодически доставала из сумочки зеркальце, проверяла: хорошо ли накрашены губы, не размазалась ли тушь на ресницах. Что ни говори, а выглядит она в свои пятьдесят четыре просто отлично! Ну, эта, которая поёт, тоже ничего себе выглядит; сразу видно — не финка, одета красиво.

Ну надо же, ни одного темнокожего! Поменяла работу, электричка другая, а на маршруте почему-то нет темнокожих мужчин. Так легко знакомиться в электричке: сами подходили, тянет этих чёрных ко мне со страшной силой — видно, в моей внешности их что-то привлекает. Нет, не буду уподобляться нашим финским расистам, что значит «чёрные»?! Африканцы, конечно же!

И чего эта распелась?! Вот что значит демократическая страна Финляндия — кто во что горазд! Райя закрыла глаза.

Перед ней замелькали лица её мужчин — африканских мужчин!

«Последние три года встречаюсь только с темнокожими! Ну да, все вокруг косо смотрят, а наплевать! Интересно: почему никто не реагирует, когда в ухажёрах наш пьяный финский мужик? Почему никто не жалел, когда я пятнадцать лет изо дня в день стирала, убирала, готовила завтраки, обеды, ужины чужому мне во всех отношениях, но “нашему” финну? А он, муж, только и делал, что молчал. Оказалось, нормально, когда с тобою не занимаются сексом с незапамятных времён, не разговаривают только потому, что устали, молчат за завтраком, потому что ещё не проснулись!

Я у него как-то спросила:

— Слушай, а не развестись ли нам?

А он мне так спокойно:

— Ну, да...

Я побежала и оформила развод.

Хорошо, что детей он себе забрал. А чего сопротивляться-то — так даже и лучше! Я их уже повоспитывала — пусть и он поучаствует. Правильно сделала, что сразу в Хельсинки переехала. Вот где себя женщиной почувствовала, а не монашкой!

Я почти по всей Африке попутешествовала — ну, в смысле, мужчины у меня были из всех (ну почти из всех) африканских стран: из Конго, Нигерии, Замбии, Гамбии...

И каждый по-своему хорош!

Вот они, африканцы: на возраст женщины не смотрят, им важен цвет кожи. В смысле, белых любят. Конечно, понимаю: остаться они здесь хотят, замуж всё заывают. Потом, естественно, разводятся, как только разрешение на жительство получают, — ну, да этого ещё лет пять надо ждать! А пять лет вулканического секса — это большой подарок для женщины за пятьдесят.

Нынешний-то гаваец у меня уже седьмой.

Меняю часто — так ведь не от меня зависит: уж больно популярны они среди наших финок. Прямо нарасхват! Это и понятно: стирают себе сами, на питание тоже где-то зарабатывают. По-чёрному, конечно, — официально-то на работу их не очень берут, а мне какое дело! И посуду помоешь, и в доме уберётся — просто клад, а не мужик! Вот смехотень — чёрных берут на работу по-чёрному!

С эфиопом Зевду жалко было расставаться... ну, да сам виноват! Это кому сказать: в одной и той же социальной сети под пятью разными именами баб клеил, только фотку не догадался сменить. Ах, красавец был! Черты лица европейские, сам темнокожий, а фигура! Вечером ко мне пришёл — я пустила, хоть и знала о его похождениях. Ну, а потом выгнала! Не сразу — наутро, конечно!

Что и говорить: все мужчины, по большому счёту козлы. Африканцы хоть в постели асы, за что и люблю».

В вагон вошёл контролёр

и обомлел: все сидели с закрытыми глазами и на него даже не отреагировали. Зря фуражку чистил, утром форму утюжил...

«Где страх в глазах, где перебежки в следующий вагон? Скучно как-то, — подумал Антеро Оксанен, — Присесть, что ли... Какой у женщины голос божественный — так бы и слушал весь день».

И не заметил, как заснул, увидел себя десятилетним мальчишкой, бегущим по вагонам электрички от контролёра... И ведь никогда не попадался, потому что знал массу уловок.

«Помню, лет двенадцать мне было. Сидел себе спокойненько в электричке (а я, кстати, никогда не дёргался), смотрю — пацаны бегут по вагону. “Та-ак, — думаю, — началось!!!”

А я... а что я?! Сижусь, уставился в одну точку, очки чёрные надел. Подходит контролёр,

— Предъявите билет, — говорит...

Начинаю шарить по карманам, ме-едленно... Сердобольные пассажиры принимаются ворчать на контролёра, навязчиво суют ему билеты. Тому, в конце концов, становится стыдно — он не ждёт, когда я найду то, чего нет, и проходит дальше.

Был и другой случай. Подходит контролёр, а я у него на глазах демонстративно засовываю билет в рот и с усилием глотаю.

— Это ещё что такое! — возмущается он, — Зачем ты это сделал?

— Хочу в полицейский участок, — говорю.

— Ещё чего! Мы с полицией ничего общего не имеем — мы штрафы выписываем!

Пассажиры возмущаются: не за что тут штраф взимать, беспредел на железной дороге! Заметьте: пассажиры всегда на стороне другого пассажира. Контролёр махнёт от бессилия рукой и идёт дальше. Мне подмигивают, улыбаются».

И проснулся...

Электричка прибыла в Хельсинки.

Надежда Жандр

Родилась в Ленинграде, живёт в Финляндии с 2000 года. Образование филологическое (специальность — «Немецкий язык и литература»). Продолжила обучение в Финляндии, в университете города Вааса (немецкая литература и литературоведение). Автор пяти поэтических сборников, печатается в периодических изданиях и антологиях. Надежда Жандр является членом Зарубежного отделения Союза писателей России (Санкт-Петербург), Международного ПЕН-клуба, а также шеф-редактором антологии переводов «Небо без границ».

ИЗ ЦИКЛА «ВЕКИ СЕВЕРА»

* * *

О душе серебрястой свирели,
что в заоблачных далях тоскует
и поёт родником неумолчным,
я слагаю летучие песни.

Из мелодий холодного лета,
и снегов, и трепещущих льдинок
там, где вечности плавные крылья
разлетелись, растаяли светом,
я себе тишину сотворяю.

* * *

Ничего, кроме шёпотов за спиной,
ничего, кроме снега под каблуками.
Старый ясень дремлет, укрывшись тьмой,
и восхода преданно ждёт часами.

Только тонкий звон да метели пыль,
по коре хрустящей змеятся руны,
заискрится инеем иггдрасиль
и стряхнёт ночную свою угрюмость.

И тогда пожар золотой волны
ослепит леса, и под снегом-снегом
плотных туч капелью растают сны,
повинуясь ранней весны набегам.

* * *

Спи. Спи один, через ночи, на мокром плаще.
Сердца услышишь толчки и сперва, понарошку
ягоды терния пробуя, вечный ничей,
солнечным соком растаешь, на звёздную крошку
соль променяешь, рутину, привычку терпеть,
ждать и бояться: коснётся ли вестник небесный
рыцарских плеч или ляжет тяжёлая плеть?
Плоти сиротской живой, но холодный опреснок
жертвенным жжением, тяжким толчком изнутри,
светом нездешним — клеймом запоздалой любви,
отрока-птицы судьбы причасти и умри,
только воскресни и стань у себя в изголовьи.
Спи. Спи один. Ибо ангел терновника — ты.
С пальцев нектар золотой распадётся лучами,
тихо коснётся венца — и возникнут мосты
между тобой и тобой. Эта сила — мы сами.

* * *

Свет
тонет в перьевых подтёках там, наверху,
раскачивает гондолу мечты о несбывшемся,
тянет по нервам лучей морские узелки-швартовы
к тем точкам земли — всюду обетованной, —
что теплятся солнечными пятнами,
невесомой сказкой оазисов,
их миражей, превращающих гондолы в фелуки
и облака в листья лотоса.

Всё тянется, тянется долгая мантра
монахов-кудесников. Их горловое пение
вздывает и вспенивает океанические волны
непокорённых вершин.

И вырастаешь каменным истуканом
в откос по-над морем-морем,
веками молчания храня в душе
лемурийские признания на языке му
потухшему вулкану — тому, что от него осталось...

На морозе возле старых мельниц
медленно запрокинешь голову —
и очнёшься от нежной снежной пыльцы,
падающей на лицо:
мельница проснулась...

* * *

Зима с тобою — первый крик весны,
когда из-под заснеженных равнин
проглядывают новые снежинки
цветов небесных, птиц золотоголовых,
в душе трепещет свадебное солнце,
и угли тлеют, вылетев из печки,
глазами говорящих строгих кошек
на подоконнике стареющей зимы...
Штормит. То пенится загадочная вьюга
в бокале льда искрящимся шампанским.
Ты будешь пить? — И кони пристяжные
забудут путь, и коренной собьётся
на ритмы серебра тревожных ёлок.
За солнцем посылай его, за солнцем
снегов и ночи, вышитой из кружев,
натянутой на пальцы острых веток,
звенящей люстрой, катящей снежный ком
и бьющей саблей звонкую посуду
людского смеха...

Леонид Яковлев

Родился в Ленинграде.

Окончил химический факультет ЛГУ в 1985 году.

Эмигрировал в январе 1996 года в США, в 1998-м переехал в Финляндию, в 2015-м — в Израиль, в 2016-м — обратно в Финляндию. Проживает в деревне Херракунта, муниципалитет Вихти, Финляндия. Работает ведущим разработчиком в корпорации «Нокия».

Предлагаемая подборка — авторский дебют.

* * *

Туча.
Кричит громом.
Плачет дождём.
Молчит снегом.
Исчезает.
Не замечаем.

Эпоо, 20.10.2016

ОЗЕРО

Север. Лето. Ночь.
Лебедь, кругами скользящий,
Выгнувший шею изящно
Над отраженьем своим.
Просто огромная белая утка
С оранжевым клювом, немая.
Невыносимое совершенство —
В горле комок и чувство удушья.
От обморока спасают
Лишь комары.

Эпоо, 5.07.2016

ШВЕДСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Заросшие забытые задворки.
Ряд ёлок ровный
И колодец старый.
Воспоминанье о поместье,
Что сгнуло с эпохой вместе,
Да и с деньгами для внучат
С полсотни лет назад,
Оставив за собой леса, поля,
Цементные дома поверх развалин
И основание фонтана,
В который по привычке пробивается вода —
Её, как водится, забыли известить.

Эспоо, 10.10.2016

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ

Весь срок через решётку за колючкой
Рос сад фруктовый. Прибывали почки.
Бутоны распускались. Завязь зрела.
И наливались ягоды багрянцем.

И падали. И листья засыхали.
Побеги мягко укрывало снегом.
Теперь весна; я за ворота вышел.
Клочок на дереве: «Брат, срочно нужен сторож».

Вошёл, прилёг и в небо заглянул.
Вдохнул вишнёвый запах и забылся.
И лепестки лицо мне покрывали.
И лето с августом, и ягоды созрели.

И перезрели к сентябрю. И сок закапал.
В пурпур покрасил белые одежды.
И искупил мои грехи, грехи растений.
Прощением грехам стать обещал.

И понял я, что искупленья нет.
Решенья нет судьбе — лишь ожиданье
Зимы, в сторожке инструмент и воля,
Чтоб заточить топор, срубить деревья
И в камеру вернуться навсегда.

Эспоо, 22.07.2016

ПРОШЕДШЕЕ

Увидеть в мире каплю, в капле мир.
Смочить фитиль нашатырём, настойкой йодной.
Дождаться первого луча звезды вечерней,
Хлопком свечу зажечь
И ощутить волхвом себя.
Расстроиться, что некому смотреть
Восторженно-торжественно на это.
Ещё помедлив, спиртом развести
Стакан, по маковой наполненный росинке,
Как сталагмит, что ждал воды полвека.
Вмиг кубок на глотки раззять
И протрезветь.
И мимо косяка, коснувшись берега,
Расставшись с закладной,
Войти позволить голодному вампиру-мытарю.
В ладони хлопнуть громче и смотреть,
Как злой сжигающей жарой займутся стены,
Живым по каплям станет серебро.
В проулок ночи выбежать, впитать
Прозрачный чай жасминно-липовый июля.
Отринуть морок, навсегда забыть
И снова жизнь начать.

Эспоо, 2.07.2016

Татьяна Мартин

Родилась в Петербурге, тогдашнем Ленинграде. Окончила факультет филологии Российского государственного педагогического и Санкт-Петербургского государственного университетов. Преподаватель русского языка и литературы. Работает в средних школах Сипоо (Финляндия). Основное направление научных исследований и публикаций — поэзия Цветаевой, Блока, Тарковского, Серебряный век.

* * *

Разделены, как два крыла,
И параллельны.
Летим туда, где немота
И звон расстрельный.

Моя душа горит в костре:
То где-то бродит,
То ищет счастья на земле
И не находит.

ОСЕНЬ В ПРИГОРОДЕ ПЕТЕРБУРГА ПЕТРОДВОРЦЕ

*Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот.
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстаёт.*

А. Фет

Мы с тобой по аллеям бредём
Парковым.
Видишь? Вдали багрянцем цветёт
Зарево яркое.

С берега тянет дымком от костра
И свежестью.
Видишь: в последних лучах мошкара
Нежится.
И, прижавшись к твоей щеке,
Таю меж сосен я.
В душу веет негой морской
Запах осени.

* * *

И парит над свечой, не дыша, душа.
И сгорают на пламени дни. Одни
Мы, как бабочки в пламя спешим,
Потом — дым.
А внизу город наш, в нём — наш дом.
Да, едины сейчас, но час —
Час, как спичка — пых,
Для двоих час — миг,
Взмах ресниц, крик
Про себя, а вслух —
Только вздох, стон,
Недосмотренный сон — вон,
Всё равно не мой — бессонница.

Тут держись — не держись,
Всё равно упадешь вниз,
И не стану настаивать/выпытывать: чей, мой —
Лишь бы был для себя не чужой,
Свой
Собственный.
И немножко — мой,
Хоть чуть-чуть, но
Мой,
Ну хоть каплю мой —
Собственница.

Йосси Верди

Выпускник Университета культуры и искусства по специальности «Художественное творчество и экранная драматургия (сценарист)». Публиковался в литжурналах России, США. Автор более 20 киносценариев, нескольких театральных пьес. Автор книги «Последняя жертва войны». Живёт в Бордо.

ГОРОД ПОЦЕЛУЕВ

Тому, кто зависит от чужих даров, мир кажется мрачным.

(Бейца, 326).

Солнце нещадно палило, будто задалось целью испепелить всё, что осмелилось выжить в песчаном море. Но усталый пилигрим больше не чувствовал боли. Словно обугленная головешка, выпавшая из костра, он просто катился, куда глаза глядят, по раскалённому песку.

Обессиленный, он упал на колени и поднял глаза к небу. Никогда ещё уста его не знали такой простой и искренней молитвы. «Воды!» — выдохнул он куда-то ввысь пересохшими губами, и горячие веки его сомкнулись. Он не мог бы сказать, сидел он так мгновение или вечность. Едва уловимое дыхание ветра заставило его открыть глаза. Вид, открывшийся его взору, казался чудным сном или ожившей легендой, которыми так славились эти края. Это был невероятно прекрасный город с домами и башнями, в центре которого возвышались причудливые сооружения. Острые края песчинок вонзились в них тысячами крошечных игл, но видение не исчезло.

Буквально скатившись с бархана, путник оказался у роскошных кованых ворот, инкрустированных самоцветами. Два стража, скрестив перед ним древки секир, потребовали оплаты. Шум фонтана, притаившегося где-то за каменной стеной, манил путника своим журчанием, и пилигрим судорожно раскрыл свою кожаную торбу. Вспомнив, как смеялись бедуины, когда он прятал мешочек с золотыми монетами в торбу на ме-

сто, освободившееся от крохотной фляги с водой, он мысленно похвалил себя за предусмотрительность и дрожащей рукой протянул тяжёлый кошель угрюмым стражам. Один из них вынул меч из ножен и, поддев мошну за туго стянутый ремешок, отбросил её. Ремешок лопнул — монеты брызнули во все стороны и утонули в раскалённом песке. В недоумении путник поднял глаза на хохочущих стражей: «Мало?» Но те только закатывались в новом приступе смеха ещё громче, не убирая, однако, скрещённых секир, преграждавших путь. Собрав на четвереньках всё, что не успел проглотить песок, странник поднялся и, обращаясь к успокоившимся стражам, обречённо спросил:

— Сколько же вы хотите?

— Один поцелуй, — не моргнув глазом, ответили они.

— Чего? — переспросил путник, пытаясь разглядеть язвительную усмешку на их лицах. Но ни тени сарказма, ни остатков недавнего смеха заметить не удалось.

Они переглянулись, и один из стражей серьёзно пояснил:

— Вход в город стоит один поцелуй.

— Тебе. От каждого из нас, — уточнил второй.

— Ты так и будешь тут стоять или всё-таки подставишь щёку? — нетерпеливо пробасил первый.

Пилигрим решил, что сошёл с ума, но стража теряла терпение, а за стеной так призывно журчала вода, обещая утолить жажду и одарить прохладой, что он решил: хуже уже не будет. Он подставил щёки и крепко зажмурил глаза. Две пары маслянистых губищ смачно чмокнули с двух сторон. Открыв глаза, он увидел, что путь свободен. Не веря своему счастью, в два прыжка он одолел небольшое расстояние от ворот до площадного фонтана и подставил руки и лицо под прохладные струи животельной влаги. Захлёбываясь, он глотал её, и по жилам растекалась восхитительная свежесть.

Насладившись в полной мере и почувствовав прилив сил, пилигрим решил осмотреться и отправился на обзорную экскурсию по чудному городу. Впрочем, изнутри он казался вполне обыкновенным: узкие улочки, аккуратные домики терялись в зелени живых изгородей. Пустыня словно отступила от этого места, подарив человеку власть над природой. Но жара всё же подсушила верхушки редких деревьев. И пилигрим вновь ощутил смертельную усталость. Вдруг кто-то тронул его за плечо, словно прося уступить ему дорогу. Путник обернулся и увидел араба, державшего под уздцы великолепного скакуна. Заметив восхищённый взгляд чужака, араб стал нахваливать коня, который был так прекрасен, что не нуждался в рекламе.

— Это же не просто конь, это же друг! — шумно выкрикивал араб. — Он чувствует человека! Он же всё понимает!

Будто в подтверждение его слов конь фыркнул и положил изящную голову на плечо путника. Тот вспомнил о золотых, собранных за воротами, и с робкой надеждой спросил:

— Сколько ты хочешь за коня?

— Один поцелуй — и он твой! — с готовностью отозвался араб, словно давно уже ждал именно этого вопроса.

Удивлённо заморгав и не веря своему счастью, путник уставился на араба. Тот нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая его решения. На память пилигриму пришло омерзение от поцелуев при входе в город, но ходить и впрямь было уже тяжело, а солнце ещё не собиралось прятаться за горизонт. Но ведь столько чудных мест здесь так и не были осмотрены! И он подставил щёку.

Забираясь на коня, путник думал: «Какой замечательный город! Поцелуем больше — поцелуем меньше... От меня не убудет, зато бери что захочешь! Ни работать не надо, ни усилий прилагать! Только успевай подставлять щёку!» Он вытер влажный след от поцелуя, и конь размеренно зацокал копытами, словно часовой механизм.

На городском базаре путнику, правда, пришлось спешиться, чтобы рассчитаться за сытный обед из нескольких яиц, жареной утки и стакана прохладительного напитка. Его щёк касались тонкие и пухлые, мясистые и мягкие, сухие и влажные губы. Щёки будто горели от поцелуев с непривычки. Он вернулся к фонтану и стал тереть щёки, пытаясь смыть их следы. Руками он остервенело тёр щёки, когда почувствовал, что кто-то властно тянет его за плечо.

— Вам не нравятся поцелуи горожан! Вы оштрафованы на десять поцелуев! — гаркнул над ухом здоровенный громила, одетый в жандармский мундир. — Оплатите на месте или проследуем в тюрьму?

Лицо пилигрима вытянулось от удивления. Но в тюрьму не хотелось, поэтому путник подставил щёки для штрафного десятка. Рассчитавшись, он буквально взлетел на коня и помчался прочь.

От жары и сытного обеда его стало клонить в сон. Обвив шею коня руками, пилигрим закрыл глаза, уткнувшись носом в шелковистую гриву. Вдруг кто-то тронул его за ногу. Едва разлепив веки, осоловелым взглядом он окинул незнакомца.

— Всякому живому существу нужен дом, чтобы преклонить голову! — заявил старичок, указывая рукой на аккуратненький домик за живой изгородью. — Даже звери строят себе норы! Их стены защищают зимой от холода, а летом от жары. Там рождаются дети. В конце концов, там можно спрятать что угодно...

— Что же ты хочешь за этот дом? — нетерпеливо оборвал затянувшуюся речь пилигрим.

— Всего три поцелуя! По одному в обе щеки и один в лоб! — торжественно оценил старик.

Пилигрим задумался: «Симпатичный и аккуратненький домик... Интересно, сколько пришлось бы пахать мне в поте лица с утра до ночи в родном краю, чтобы заработать на такой? Да и зачем мне туда возвращаться? Вот же он, рай на земле! Ешь, спи да изредка подставляй щёки для расчётов! Но ведь это совсем не сложно! Можно и потерпеть!»

Рассчитавшись со стариком, пилигрим тут же получил ключи и отправился осматривать владения, привязав коня к шестку у ворот. К его

удивлению, в окружении клумб в дальней части двора скрывался бассейн с фонтаном. «Вот где я смогу умыться бесплатно и не оплачивать штрафов!» — ликовал он.

Внутри домика было пыльно, поэтому путнику пришлось немного поработать метлой и тряпкой. Потом, поужинав остатками утки, он улёгся в мягкую и удобную постель. Безмятежность и покой разморили его. Словно театральный занавес в финале спектакля со счастливым концом, веки его тяжело опустились. Блаженная улыбка даже во сне озаряла его лицо.

В полночь его разбудило громкое конское ржание. Подойдя к окну, пилигрим увидел, как кто-то тянет коня за узду, пытаясь увести со двора. Путник закричал и бросился во двор. Напуганный конокрад попытался оседлать коня, но был им сброшен.

На шум стали собираться люди. Они окружили несчастного воришку.

— Видите, этот человек бережёт свою щёку! Он хочет бесплатно пользоваться тем, что ему не принадлежит! — назидательно проговорил пилигрим.

Но подоспевший жандарм, наклонившись к конокраду, заметил, что тот, падая, сломал руку. Не успев моргнуть глазом, путник оказался в наручниках.

— За что? — завопил он не своим голосом.

— За твоего коня. Ты ведь его хозяин? Значит, тебе и отвечать!

— За что я должен отвечать? Меня чуть не обокрали!

— Но не обокрали же! А если бы твой конь вёл себя спокойно, то этот человек не переломал бы себе костей!

— Но это ведь несправедливо!

— А вот вопросы справедливости у нас всегда решает мудрый король.

Пойдём!

В ожидании аудиенции мудрого короля путник сидел в темнице. Ему очень повезло: в соседней камере сидел тюремный завсегдатай, который не выносил свою бывшую жёнушку, а она каждый месяц жаловалась в жандармерию на то, что он не целует её. Больше в тюрьме не было никого, и узникам удалось поговорить. Сосед поведал, что королём был избран самый губошлёпый горожанин, за чмоканием губ которого невозможно было даже разобрать, что он говорит. Зная городские законы, он успокоил путника и сказал, что сейчас важно, чтобы кто-то был наказан за сломанную руку преступника, и если до рассвета найдётся таковой, то жизнь пилигрима вне опасности. И путник уснул. Однако на сей раз сон его не был безмятежным. Утром на городской площади собрался весь народ. После обвинительной речи дали слово пилигриму.

— Согласен, — заявил он, — что конь мой. Но ведь я владел им меньше суток! А воспитал в нём норовистый характер конюх! За что же наказывать меня?

Тогда король приказал привести конюха, но как назло, тот ночью скончался, и вся семья была озабочена организацией похорон. Тогда вместо него решили казнить его сына. Однако парень был такой большеголовый, что никак не пролезал в петлю городской виселицы, располагавшейся на специальном помосте.

«Да, с такой шеей его не повесишь, — подумал король. — Но ведь всё равно кого-то надо казнить! Народ должен убедиться в моей мудрости и справедливости».

Тогда правитель приказал срочно найти среди толпы человека с большой головой и тонкой шеей. Жандармы начали осматривать присутствующих на соответствие монаршей заявке. Но увы, пилигрим оказался для этого самым подходящим претендентом.

Потеряв опору под ногами, он повис, ноги его беспомощно задёргались, а публика, потеряв интерес к шоу, разбрелась по своим делам. Последнее, что увидел пилигрим в своей жизни, — какого-то уставшего странника с тоненькой шеей, только что рассчитавшегося со стражами у ворот поцелуями и со счастливой улыбкой бегущего к фонтану.

Игорь Белкин

Живёт в Эстонии. Автор стихов, детских сказок. Многие произведения поэта автобиографичны. Участник коллективных сборников в Германии, в Финляндии, в России. Автор поэтических сборников «Состояние души» (2008), «Как странен мир, в котором мы живём...» (2011), «Пишу письмо длиною в жизнь...» (2013); книга стихов в серии «Лауреаты премии В. Сирина (Набокова)» (2014).

ЧЕМ ЧИЩЕ СОВЕСТЬ, ТЕМ ГРУСТНЕЙ АЛЛЮР...

Действительность перемежает сны
Зимой холодной или жарким летом
И добавляет вежливо: не сетуй
На то, что в жизни мало новизны!

Не сетую!
Я ко всему привык:
И к человеку с тёмными страстями,
И к осени с безумными дождями,
И к поиску жемчужин в мире книг.

И вообще, нужна ли новизна
Прошедшему все мыслимые тропы
От Беломорья и до Перекопа,
И далее, куда звала страна?

Романтика ушла...
И самоцель
Живущих в изменившейся эпохе —
Набрать благополучия по крохам,
Купить любовь и затащить в постель...

Не сетую!
Всею свой абажур,
Чем глуше лампа, тем узорней ткани,
Чем ярче свет, тем больше нареканий,
Чем чище совесть, тем грустней аллюр...

* * *

Июль сбежал за тридевять земель,
Потрескалась земля от лютой жажды
И выгорели краски в тёртый мел
В реале, не в полотнах Караваджо.

Как странен мир, упрятанный с утра
За лёгкую и призрачную дымку
Прозрачного небесного ковра
Над шелестящей речкою Уфимкой!

Как странен миг слияния души
С надеждою на обновленье лета
И просто жить, да-да, и просто жить,
И выгорать от внутреннего света!

ВЛЮБЛЯЛИСЬ МЫ, ЛЮБИЛИ НАС

Семёнов, Кочкин, Иванов,
Тимурка Зарифьянов,
цветное старое кино
о подвигах Тарзана;
одна девчонка на троих
для танго и фокстротов,
поскольку девочек других
стеснялись мы чего-то.
Но!

Влюблялись мы, любили нас
и забывали честно...
Девятый класс, десятый класс,
а дальше — неизвестность.

Без графиков и диаграмм
во благо и спасенье
по отрывным календарям
бежали дни забвенья.
Кто в институт, кто по дрова,
а хохотушка Света
плела балетно кружева
печальницей-Одеттой.
Но!

Влюблялись мы, любили нас
и забывали честно,
и уходили каждый раз
в мужья или в невесты.

А далее семейный круг
с моралью Домостроя,
друзей любимых и подруг
осталось двое-трое;
а остальные — тени на
стене, белённой в прошлом,
и в памяти их имена
сухи, как треск горошин.
Но!
Влюблялись мы, любили нас
и забывали честно
под ломкий шорох грустных фраз,
упавших в неизвестность...

ВПАДАЯ В БОЛДИНСКУЮ ОСЕНЬ

... в деревню
сам ухожу, веду царевну
и буду век с ней коротать,
людей пугая, словно тать,
небритой внешностью своей,
заросшей шерстью до бровей.

Впадая в Болдинскую осень,
душа уединенья просит
для занесения в тетрадь
правдивых строк про благодать
минувших дней, минувших лет,
мелькнувших тенью на стекле.

Не тенью — яркою картиной,
рисованной наполовину
печально-яростным мазком
нетрезвой кисти с хохолком,
а в остальном, чему я рад,
репризами из клоунад.

И пусть никто читать не станет
воспоминаний ветерана,
я стихотворную строку
в тунику рифмы облеку,
сосновым воздухом дыша
под лёгкий трепет камыша...

Содержание

Австралия	
Наталья Крофтс	4
Азербайджан	
Алина Талыбова	6
Беларусь	
Елена Крикливец	9
Бельгия	
Анастасия Андреева	12
Великобритания	
Екатерина Горбовская	15
Германия	
Ульяна Шереметьева	17
Георгий Хруслов	20
Михаил Шерб	35
Даниил Чкония	38
Грузия	
Владимир Головин	41
Израиль	
Елена Игнатова	44
Григорий Кульчинский.....	47
Семён Крайтман	50
Людмила Клёнова	53
Марина Ариэла Меламед.....	57
Феликс Чечик	60
Казахстан	
Сергей Угренинов	63
Канада	
Бахыт Кенжеев	70
Китай	
Ирина Чуднова	74

Киргизия	
Вячеслав Шаповалов	78
Латвия	
Елена Копытова	83
Мексика	
Алина Дадаева	86
Молдова	
Сергей Пагын	88
Россия	
Елена Карелина.....	91
Злата Линник	94
Тамара Скобликова-Кудрявцева	103
США	
Марина Гарбер	107
Александр Немировский	112
Михаил Садовский.....	116
Вера Зубарева	121
Финляндия	
Елена Лапина-Балк	125
Надежда Жандр	134
Яковлев Леонид	137
Татьяна Мартин.....	140
Франция	
Йосси Верди.....	142
Эстония	
Игорь Белкин.....	147

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ МИРОВОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ
10/2017

Корректор В.Версиянова
Верстка Н.Нутрихина
Обложка О.Маркина

Подписано в печать 10.04.2017. Формат 70 × 90 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,5

Издательство «Союз писателей Петербурга»
191119, ул.Звенигородская, д. 22, каб. 22
souzpisateley@mail.ru